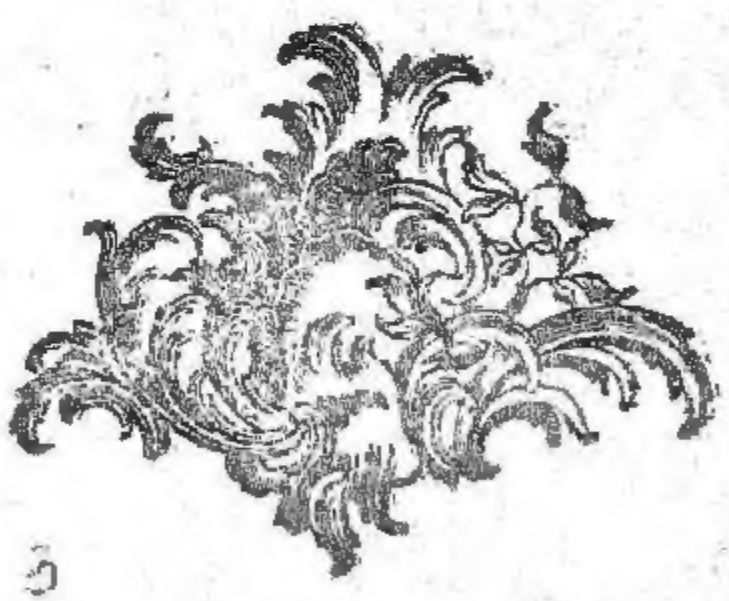
СЛАВЕНСКІЯ
ДРЕВНОСТИ,
ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНІЯ
СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕ.

Часть I.



Въ Санктпетербургъ 1770 года.

СЛАВЕНСКІЯ
ДРЕВНОСТИ,
ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНІЯ
СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Славенъ, родоначальникъ и праотецъ первыхъ Славенскихъ Князей, знаменитый именемъ, и преславный дѣлами, былъ первый, по нашимъ древнимъ Лѣтописцамъ, который переселился со своимъ народомъ изъ Азіи въ Европу, и построилъ въ память имени своего городъ Славенскъ, по близости того мѣста, гдѣ потомъ построенъ нынѣшній Новгородъ. Сей Государь, утвердя новую свою столицу покореніемъ сосѣ-

ственныхъ народовъ, получилъ имя великаго воина, и славнаго обладателя. Не извѣстно, имя ли его собственное, или слава дѣлъ его снискала подданнымъ его нарицаніе Славянъ; извѣстно только то, что какъ при немъ, такъ и при потомкахъ его храбрые Славяне подтверждали имя свое множествомъ преславныхъ побѣдъ и подвиговъ.

Потомство сего Князя процвѣтало завсегда славою храбрыхъ дѣлъ, и распространило свои завоеванія на подобіе древнихъ Римлянъ. Всѣ Государи искали ихъ союза, и почитали Славенскъ такимъ городомъ, гдѣ самая храбрость обитаетъ. Одинъ изъ сихъ потомковъ славеновыхъ, именемъ Богославъ, любя миръ, и ненавидя брани, прославился болѣе своихъ предшественниковъ; ибо онъ былъ столько добродѣтеленъ, что подданные его еще вживѣ, начали его обожать, думая, что человѣкъ не можетъ имѣть такихъ высокихъ качествъ, какія имѣлъ сей Князь. Со вступленія своего на престолъ не пролилъ онъ ни одной капли крови подданныхъ своихъ; ниже воевалъ съ своими сосѣдями, почитая такое дѣло звѣрствомъ, и думая что человѣкъ болѣе безславится симъ, нежели прославляется

вляется. Благочестïе его было примѣромъ его подданнымъ: онъ былъ со всѣми искрененъ, кротокъ и привѣтливъ, но наипаче всего правосуденъ, щедръ и странноприïемливъ; любилъ науки и художества, и украшалъ свою столицу всякими великолѣпïями и достопамятностями; награждалъ достоинства и заслуги щедро, а пороки и преступленïя человѣколюбно наказывалъ; повседневно пекся о пользѣ и тишинѣ своихъ подданныхъ, которыхъ почиталъ не невольниками, но чадами своими; и наконецъ до того довелъ благоденствïе ихъ, что не находилося ни одного такого человѣка въ его державѣ, который бы жаловался на скудость.

Ибо въ государствѣ его заведено было премножество разнаго рода заводовъ и фабрикъ, на коихъ дѣлали всякïя вещи, какïя только были въ употребленïи въ тогдашнее время. Индѣ ткали парчи, бархаты, штофы, и другïя шелковыя матерïи; тамъ дѣлали сукна, полотна, и все то, что человѣку для одѣянïя потребно. Въ другихъ мѣстахъ выкапывали изъ земныхъ нѣдръ разные металлы, и по очищенïи ихъ дѣлали изъ оныхъ всякïя дорогïя сосуды и орудïя, для велико-

лѣпїя и пользы всенародной. Однимъ словомъ, не было такого искусства, которое бы въ сей благополучной Державѣ могло уйти отъ рукъ тщательныхъ ея обитателей. И малой и старой были тамъ въ дѣлѣ, которое сходствовало съ ихъ силами и знанїемъ. Всѣ содержатели такихъ заводовъ и фабрикъ, платили государю подать, которая весьма увеличивала его сокровище, а имъ была ни мало не отяготительна. Люди тамъ не имѣли нужды въ чужестранныхъ товарахъ; ибо все нужное имѣли дома; а иностранцамъ тогда только давали деньги, когда отъ нихъ хотѣли научиться какому нибудь новому мастерству. Модъ и откуповъ между ними не было: роскоши тамъ не знали, и также лѣности; ибо людей впадавшихъ въ сїи пороки жестоко тамъ наказывали. И такъ, всякой у нихъ работая, наживалъ себѣ довольный хлѣбъ, и не имѣлъ нужды въ чужой помощи. Одни только увѣчные и дряхлые прибѣгали къ Княжеской щедрости: и получивъ себѣ отъ него довольное пропитанїе, отсылалися въ больницы и гостинницы.

Всякой житель сея благополучныя страны любилъ Богослава искренно, и почиталъ

почиталъ его Богомъ подателемъ благъ: а онъ судя ихъ малыя распри, [ибо большïя рѣдко тамъ сказываютъ случались,] становился имъ еще любезнѣе, разбирая ихъ ссоры какъ отецъ, и стараяся ихъ примирить, промышляя имъ безмятежную и блаженную жизнь.

Сей добродѣтельный Государь, лишился своей жены на десятомъ году по бракѣ своемъ съ нею: онъ столько ее любилъ и почиталъ ея память, что не хотѣлъ уже по смерти ея ни какой другой красавицѣ дать мѣста въ своемъ сердцѣ. Супруга его оставила ему сына и дочь: сынъ занималъ всѣ черты его лица, а дочь сходствовала во всемъ съ прекрасною своею матерью. Богославъ ихъ столь любилъ, что просиживалъ иногда по нѣскольку часовъ смотря и любуяся на нихъ. Любви своей между ими онъ не раздѣлялъ, такъ какъ дѣлаютъ сïе нѣкоторые отцы и матери: они ему оба равно были любезны; и онъ все свое стараніе въ то только употреблялъ, чтобы разными науками просвѣтить ихъ разумъ и понятïе, и здѣлать ихъ тѣмъ достойнѣйшими любьви своей, и подданныхъ его.

Наконецъ сынъ его, именемъ Свѣтлосанъ, достигнувъ семнадцатаго года своего возраста, показалъ въ себѣ совокупно всѣ тѣ качества, которыя въ состоянїи украсить Героя: остротѣ его разума удивлялися всѣ остроумнѣйшіе Мудрецы того времени; понятїе его постигало почти всѣ тѣ науки, которыя тогда извѣстны были. Что жъ касается до тѣлесныхъ его достоинствъ, то стройность его стана, красота его лица, осанка, взоръ, и пріятныя тѣлодвиженїя всякаго приводили въ восхищенїе, и заставляли видя его говорить: вотъ прямо Княжескїй сынъ! Напротивъ того и Милослава, сестра его, не меньше приводила въ удивленїѣ смотрящихъ на нее. Все въ ней было прелестно: высокой и стройной ея станъ, украшенный Княжескою багряницею; самая прелестнѣйшая голова, поддерживаемая шѣею, подобною въ бѣлизнѣ снѣгу, которую украшали темнорусые волосы, вїющіеся колечками, и пущенные на игру вѣтровъ; цвѣтъ лица бѣлѣйшїй лилей, оживотворяющейся румянцомъ нѣжнѣйшимъ розъ; ясные и быстрые глаза, блистательнѣйшїе солнечныхъ лучей, и украшенные темными тонкими бровями, извившими-

ся

ся полукругомъ; и снятой съ самыхъ Пріятностей носъ, подъ которымъ блистали уста, на подобіе развивающихся нѣжнѣйшихъ розъ; и безчисленныя тьмы прелестей, повсюду ее окружающихъ, не инако ее представляли зритѣлямъ, какъ самою Ладою, богинею любви. Разумъ ея столькоже былъ прелестенъ, какъ и красота ея; словомъ сказать, Свѣтлосанъ и Милослава почиталися чудомъ тогдашняго вѣка.

Счастливый ихъ отецъ несказанно утѣшался, видя у себя таковыхъ дѣтей, которымъ во всемъ свѣтѣ несыскивалося тогда подобныхъ, ни въ красотѣ, ни въ разумѣ. Не оставалося ему инова счастія имъ пожелать, кромѣ приличнаго и пріятнаго союза. И едва только о семъ далъ знать, что желаетъ сына своего женить, а дочь выдать за мужъ, то вдругъ изъ окрестныхъ Государствъ наѣхала къ нему тьма Царскихъ и Княжескихъ дѣтей, льстяся каждый получить за себя Княжну; напротивъ того для Свѣтлосана навезли столько изображеній красавицъ разнаго рода, что наполнили ими всѣ стѣны кабинетовъ.

Богославъ пришедъ отъ того въ недоумѣніе, не зналъ что начать въ такомъ

комъ обстоятельствѣ: наконецъ велѣлъ кликать кличь, что тотъ изъ жениховъ получитъ себѣ Милославу въ жену, кто учинитъ такое дѣло, которое всѣхъ удивитъ, и коего никто другой превзойти не возможетъ. Обнародованїе сїе, привело всѣхъ жениховъ въ движенїе: всякой началъ помышлять изъ нихъ, чѣмъ бы превзойти своего соперника, дабы здѣлаться счастливымъ обладателемъ прелестней Милославиныхъ.

Для сего важнаго случая былъ назначенъ день, въ которой всѣ требователи Милославины долженствовали съѣхашься на Княжескїй дворъ, которой былъ великаго пространства, и украшенъ самыми рѣдкими испуканами: на ономъ долженствовали они оказывать свое превосходство надъ прочими. На канунѣ того дня провозвѣстникъ объявилъ всему городу, что въ будущїй день станутъ препираться Милославины женихи о первенствѣ; и чтобъ народъ сходился на Княжескїй дворъ ихъ смотрѣть.

По наступленїи назначеннаго дня, почти весь городъ стекся на опредѣленныя мѣста къ смотрѣнїю: вскорѣ прибыли и женихи Милославины; а за ними и Богославъ, провождаемый Свѣтлосаномъ,

номъ, Милославою, и многими вельможами своего двора. Когда всѣ сѣли по мѣстамъ, тогда паки провозглашатель объявилъ препирающимся, въ подтвержденїе прежняго, что Милославу получитъ тотъ, кто окажетъ себя достойнѣйшимъ прочихъ. Тогда женихи, ободренные снова, составляютъ кругъ и совѣщаются, какое имъ избрать дѣйствїе къ своему прославленїю. Многїя были предложенїя, возраженїя и споры: наослѣдокъ, по господствующей тогда повсюду страсти къ воениымъ дѣламъ, положили препираться оружїемъ, и побѣдителю уступить неоцѣненное обладанїе прекрасныя Милославы.

И такъ раздѣлясь на части, мечутъ жеребей, кому начать славное сїе сраженїе: оный палъ на Вельдюзя, Полотскаго Князя, и на Лѣпозора, Печенѣжскаго Государя. Тогда всѣ прочїе рыцари раздавшись, оставили пространное мѣсто симъ противоборцамъ. Но они спѣша подъѣхавъ ко крыльцу, съ котораго смотрѣлъ Богославъ на ихъ препиранїе, преклонили предъ нимъ свои копья, въ знакъ своего къ нему почтенїя и преданности; а потомъ отъѣхали на мѣсто сраженїя. Всѣ зритѣли устремили

да ниⷦ свои глаза, и приготовилися восплескать побѣдителю. Рыцари разъѣхавшись, и отдавъ честь другъ другу, приготовились защищать свое право на Княжну до послѣдней капли крови. Печенѣгъ первой началъ сраженїе: взявъ отъ оруженосца своего дротикъ, пустилъ имъ въ своего соперника сильнымъ махомъ. Полочанинъ принявъ его въ стальный свой щитъ, безъ всякаго себѣ вреда, взялъ копье, и потрясая имъ, грозилъ скорою смертїю Лѣпозору, который упреждая свое несчастїе напрягъ лукъ, и испустилъ на него вдругъ три стрѣлы. Но Вельдюзь отразя и ихъ своимъ щитомъ, поразилъ Печенѣга тяжелымъ своимъ копьемъ, и однимъ ударомъ ниспровергъ его во адъ.

Всѣ зрителѣли заплескали въ честь побѣдителю, и осыпали его похвалами; но Богославъ, увидя лїющуюся человѣческую кровь, вострепеталъ и отвратился отъ сего ужаснаго позорища. Побѣдитель между тѣмъ подъѣхалъ къ Княжескому крыльцу для полученїя чаемыхъ имъ похвалъ, которыхъ онъ не сомнѣнно себѣ надѣялся. Но Богославъ, востревоженный симъ кровавымъ зрѣлищемъ, далъ знать рукою народу, чтобъ оный умолкъ.

умолкѣ. „О храбрости твоей не можно „сомнѣваться; говорилъ онъ потомъ, „обратясь къ Полотскому рыцарю: сей „несчастный Печенѣгъ ясный тому свидѣтель; но я не могу терпѣть при „глазахъ моихъ убїенїя неповинныхъ и „благородныхъ сихъ Князей. Совѣсть „меня уже терзаетъ, что я допустилъ „тебя до сраженїя съ симъ юнымъ Кня„земъ, и попустилъ тебя его умертвить. „Ужасный Чернобогъ конечно отмститъ „мнѣ сїе погрѣшенїе. Скипетръ мой до „сихъ поръ не обагрился ничьею кровїю; „и Боги за сїе всегда ко мнѣ были щед„ры. И такъ, храбрый Князь! ежели ты „хочешь показать себя достойнѣйшимъ „прочихъ; такъ покажи такимъ дѣ„ломъ, которое бы другимъ не вредно „было„. По окончанїи словъ своихъ здѣлалъ знакъ, чтобъ и другїе рыцари подъѣхали къ нему, которыхъ онъ увѣщевалъ подобнымъ образомъ, и совѣтовалъ имъ явить свое достоинство не вреднымъ, а полезнымъ человѣчеству дѣйствїемъ

Когда Князь пересталъ говорить, тогда гордящейся своею побѣдою Вельдюзь, снявъ свой шлемъ, началъ такъ говорить Славенскому Владѣтелю. „Госу-

дарь!

„дарь! не безъизвѣстно я чаю тебѣ,
„что Славяне, съ начала пришествія сво-
„его въ Полуночныя страны, сыскали
„себѣ земли, богатства и славу однимъ
„своимъ оружіемъ и храбростію. Войною
„укрѣпили они свои владѣнія, войною
„укротили своихъ враговъ, и учинили
„изъ оныхъ себѣ подданныхъ. Храб-
„рость ихъ извѣстна не токмо по про-
„странной Россіи, но Греція и Римъ
„трепещутъ ихъ оружія. Не самая ли
„сія храбрость укрѣпила и возвеличила
„Предковъ твоихъ Державу? Когдабъ они
„уничтожили сію толь нужную добро-
„дѣтель, давно бы уже сей преславный
„городъ свирѣпые Угры превратили въ
„пустыню. Да и въ семъ ли желѣзномъ
„вѣкѣ, живя между дикими и хищными
„народами, думать намъ объ оставле-
„ніи оружія! Естьли ты мнѣ противу-
„положишь, что твое Княженіе течетъ
„безъ кровопролитія, то и на сіе не
„трудно мнѣ тебѣ возразить. Держава
„твоя Предками твоими толико укрѣ-
„плена и возвеличина, что трепещетъ
„ее весь Сѣверъ: окрестные народы обла-
„сти твоей всѣ тебѣ покорны; дальныя
„племена не имѣютъ времени тебя тре-
„вожить; ибо ведутъ они промежъ собою

кровo-

„кровопролитныя брани ; и притомъ не
„избавился еще отъ ужаса , которыя
„на нихъ навелъ твои предшественни-
„ки. Слѣдственно ни съ которой сто-
„роны Государству твоему не грозятъ
„опасности ; и такъ кровопролитіе те-
„перь тебѣ еще не нужно . Но когда
„строптивые твои содѣды брани свои
„окончатъ, и въ праздности своей усмо-
„трятъ изобилующее твое всѣмъ Госу-
„дарство: тебя престарѣла и ненавидя-
„ща войны , то кто мнѣ поручится ,
„что не дерзнутъ они помутить ти-
„шины твсего владѣнія, и не простругъ
„алчныхъ своихъ рукъ на твои сокро-
„вища. Кто тебя тогда защититъ ?
„Подданныель твои, которые въ нынѣ-
„шней своей тишинѣ позабыли, я чаю ,
„и названіе оружія , употребляемаго въ
„брани? Новопокоренныяль твои обла-
„сти ? Но оныя помня прежнюю свою
„свободу, конечно непреминутъ при не-
„счастіи твоемъ свергнуть съ себя иго
„рабства ; и на тебяжъ устремятся ,
„сколько для отмщенія , столько и для
„утвержденія своей вольности. Теперь
„остаются къ защищенію твоему союз-
„ные тебѣ Государи. Но ты самъ вѣда-
„ешь, многоли такихъ людей на свѣтѣ,
которые

„которые счастливымъ противятся, а „злополучнымъ помогаютъ! Вступяся за „себя побоятся они потерять своихъ „Внцовъ, иль безполѣзно отяготить „свои Народы. И что еще? обольстяся „добычею, не согласятсяль они скорѣе „съ твоими непрїятелями на сово„купное Княжества твоего расхищенїе? „Вотъ, мудролюбивый Князь! какое мое „мнѣнїе о нерадѣнїи оружія и храбро„сти, которое въ супостатахъ нашихъ „можетъ къ намъ родить презрѣнїе, и „навесши на насъ не ожидаемыя бѣд„ствія. И такъ, пока еще счастїе твое „тебя не оставило, пока блиская твоя „древность тебя не застигла, соблаго„воли храбрѣйшаго изъ насъ почтить „твоимъ свойствомъ, и именемъ зятя: „сїе тишло заставитъ его вѣчно защи„щать твои права, какїябы напасти „судьба на тебя ни послала. Ктожъ изъ „насъ благоволѣнїя твоего достоинъ, сїе „тебѣ покажетъ наша храбрость„.

Сїя рѣчь, которую всѣ слушали съ превеликимъ вниманїемъ, склонила всѣхъ на сторону Вельдюзеву: всѣ ему плескали, всѣ его похваляли; и самъ Богославъ, будучи отъ всѣхъ Милославиныхъ жениховъ преклоняемъ, принужденъ былъ

мнѣнїе

мнѣнїе Полоцкаго Князя подтвердить, и дозволить поединокъ.

Тогда паки юные ратоборцы собравшися кинули жеребей, кому изъ нихъ противоборствовать храброму Вельдюзю, который ожидалъ противниковъ своихъ храбро, и готовилъ имъ не минуемую смерть. Тарарай, Касожскїй Князь, осужденъ былъ жребіемъ потерять въ тотъ день надежду и жизнь; но подкрѣпляемый еще упованїемъ, думалъ однимъ взглядомъ устрашить Полочанина, который ударомъ своего копья испортнувъ у него жизнь, прекратилъ его гордость. За нимъ слѣдовалъ Грухтрахъ, Князь Козарскїй, который будучи жребіемъ принужденъ къ сраженїю, трепеталъ, и предпочиталъ охотно безславный миръ славной дракѣ; однакожъ не хотѣлъ передъ глазами всего народа показать себя трусомъ, чего ради и поѣхалъ, приняв бодрый видъ, на ужаснаго своего соперника. Подъѣхавъ поближе къ Вельдюзю, изъяснился ему трепещущимъ голосомъ, что онъ жизнь свою предпочитаетъ Милославѣ, и уступаетъ ее ему охотно; а въ воздаянїе за то хотѣлъ лошады своей жизни; но чтобъ не обезславить своего Княжества трусостію,

по

то просилъ Вельдюзя ударить себя полегоньку тупымъ концемъ копья, послѣ чего хотѣлъ, признавъ себя побѣжденнымъ, отъѣхать на прежнѣе свое мѣсто, и провозгласить его побѣдителемъ. Ступай, ступай, ошвѣшествовалъ ему съ насмѣшкою Вельдюзь, ты дѣйствительно не достоинъ быть пораженъ острѣемъ онаго. И въ самое то время ударилъ ево рашовищемъ, что въ такую трусость вогнало Козара, что онъ упалъ безъ памяти съ коня, и вынесенъ былъ безчувствія съ Княжескаго двора. Всѣ тѣ, которые могли ихъ слышать, захохотали, и проводили съ плескомъ храбраго Трухтраха. Послѣ него выступилъ Тарабанъ, братъ его, который горя негодованіемъ за насмѣшку ево брату, и чувствуя въ себѣ болѣе онаго сердца, хотѣлъ отмстить ужасному Вельдюзю; но устремяся на него, прекратилъ свой гнѣвъ вмѣстѣ съ своею жизнію.

По таковымъ ужаснымъ примѣрамъ его храбрости, мало осталось ему противниковъ; а которые еще осмѣлились на него напасть, тѣ заплатили жизнію за дерзость свою. Напослѣдокъ, никто не смѣя больше ему противиться, всѣ согласно уступили ему право требовать

руки

руки Милославиной. Сіи многія побѣды снискали Вельдюзю не токмо плесканія, но и почтеніе отъ всего множества зрителей. Самъ Князь Богославъ, не смотря на соболѣзнованіе свое о смерти толикихъ князей, возвимѣлъ къ нему почтеніе, удивляяся великой его храбрости. Вельдюзь, усмотря къ себѣ благосклонность отъ Князя и отъ всего ево двора, благодарилъ всѣмъ учтивымъ и ласковымъ образомъ за поздравленія; которыми осыпали его со всѣхъ сторонъ. По семъ подступя къ Богославу, препоручалъ себя въ его милость, прося припомнить о томъ обѣщаніи, которымъ онъ хотѣлъ почтить побѣдителя. Богославъ выслушавъ благосклонно ево прозьбу, подтвердилъ ему паки свое соизволеніе; и приказалъ въ тоже время провозвѣстнику провозгласить его своимъ зятемъ; а торжествованіе брака ево съ Княжною Милославою отложилъ на мѣсецъ.

Весь народъ и знатные вельможи похваляли и радовались сему выбору; ибо храбрость у древнихъ Славянъ почиталась высочайшимъ достоинствомъ. Милослава не менѣе прочихъ была довольна женихомъ своимъ; что показала она ясно своимъ удовольствіемъ, слушая весьма

благосклонно привѣтствїя, которыя дѣлалъ ей по побѣдѣ своей Вельдюзь. Примѣтивъ оное Полоцкїй Князь, старался болѣе его умножить, угождая ей при всякомъ случаѣ; и на послѣдокъ безпрестанными своими ласканїями, и не отступными прозьбами, получилъ отъ нее откровенное признанїе, что выходитъ она за него безъ всякаго принужденїя.

На послѣдокъ назначенный день къ ихъ браку насталъ: дворъ и городъ въ великихъ были движенїяхъ въ пріуготовленїи къ оному: всякой напрерывъ старался показать свое великолѣпїе въ платьѣ и прочихъ убранствахъ; наружность домовъ украшена была картинами и коврами, улицы усыпаны цвѣтками; но храмъ Ладинъ и Полелинъ, въ которомъ надлежало отправляться браку, былъ всего великолѣпнѣе украшенъ.

Когда уже все было пріуготовлено, тогда Князь Богославъ, послѣдуемый сыномъ своимъ Свѣтлосаномъ, и сонмомъ вельможъ и придворныхъ, препроводилъ во храмъ жениха: за ними вскорѣ пріѣхала и невѣста, въ препровожденїи многихъ знатныхъ дѣвицъ и госпожъ. Народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ насладиться зрѣнїемъ новобрачныхъ:

улицы

улицы и кровли наполнены были всякаго возраста людьми; всѣ возносили желанїя въ пользу сочетавающихся, и весь воздухъ наполненъ былъ обѣтами и молъбами.

По таковымъ счастливымъ разположенїямъ ничего не можно было ожидать кромѣ веселїя: уже первые обряды брака были совершены: сочетавающїеся связаны были брачнымъ поясомъ, и залогъ ихъ вѣрности положенъ на жертвенникъ. Первосвященникъ прочтя приличныя молитвы, изрекъ на нихъ свое благословенїе, прося Ладу и Полеля ниспослать имъ мирное и благодетственное супружество; послѣ чего готовился приступить къ жертвоприношенїю. Окропя жертву, состоящую изо ста воловъ, чистительною водою, ударилъ, перваго представленнаго ему быка, священнымъ топоромъ: быкъ возрѣвелъ преужаснымъ голосомъ, и ударясь о жертвенникъ, издохъ. Въ тотъ самый мигъ Полелинъ истуканъ поколебался: возгремѣлъ престрашный громъ, молнїя возблистала со всѣхъ сторонъ, небо покрылося претемными облаками, а волы всѣ пали мертвы. Въ тожъ мгновенїе Полелинъ кумиръ произнесъ сїи ужасныя слова.

Ты къ браку приступишь, Вельдюзъ, дерзнулъ свирѣпствомъ:
Въ бѣдахъ тебѣ съ Княжной по толь быть рокъ судилъ,
По коль ты не спасешъ гонимыхъ столькихъ бѣдствомъ,
Колико ты Князей невинныхъ умертвилъ.

Сіи престрашныя слова поразили всѣхъ ужасомъ: весь храмъ наполнился воплемъ и стенаніями; всѣ пали на колѣни, и готовилися умилостивлять разгнѣванное божество плачемъ и воздыханіями, какъ вдругъ низшедшій густый облакъ, съ громомъ и молніями, похитилъ Милославу; и въ тожъ время пораженный Первосвященникомъ волъ превратясь въ ужаснаго Дракона, подхватилъ Вельдюзя, и унесъ у всѣхъ изъ глазъ. Послѣ того возтрепетала вся земля: громъ, молнія, вихрь, градъ и дождь совокупясь, такое движеніе произвели въ воздухѣ, что ни видѣть, ни слышать ничего не возможно было. Богославъ и многіе изъ народа упали безчувствія: другіе бѣжали не зная сами куда; иные упавъ на колѣни для принесенія молитвъ, не могли ни слова выговорить, ниже пошевелиться. Всѣхъ объялъ ужасъ и трепетъ; и одинъ только Свѣтло-

санъ

санъ стоялъ неколѣбимо, принося молитвы Перуну, Чернобогу, и прочимъ Богамъ.

На послѣдокъ, по нѣсколькихъ минутахъ, землетрясенїе окончилось, и небо утихло. Тогда мало помалу начали всѣ приходить въ чувство. Несчастный Богославъ, пришедъ въ себя, и вспомня, что лишился дочери и зятя, залился слезами, и испуская стенанїя, приносилъ жалобы Богамъ и человѣкамъ. Свѣтлосанъ, жрецы и вельможи старался всячески его утѣшить, представляя ему, что божественный гласъ не со всѣмъ ихъ лишалъ надежды, и что со временемъ можно уповать, увидѣть погибшихъ паки. Къ тому же Свѣтлосанъ, утѣшая его, обѣщавалъ самъ ѣхать повсюду для сысканїя ихъ; но опечаленный Богославъ лишенїемъ дочери, отвергъ ево предложенїе, и не хотѣлъ ни для чего согласиться, чтобъ потерять въ немъ послѣднюю свою надежду и утѣшенїе, отпустя его въ неизвѣстный путь.

Юный Князь, любя и почитая несказанно своего родителя, согласился охотно на его желанїе: оставшися при немъ, пребывалъ съ нимъ непрестанно, и утѣшалъ его своимъ собесѣдованїемъ. Въ семъ упражненїи провелъ онъ цѣлый

годѣ, посѣщая между тѣмѣ храмы, и принося жертвы Богамѣ, раздавая милостыни, и искупая плѣнныхѣ и заключенныхѣ вѣ темницы: тщася тѣмѣ преклонить Боговѣ на милость, и возвратить помощїю ихѣ Милославу и Вельдюзя. Чаще всего посѣщалѣ онѣ Капище Чернобогово, и многочисленными жертвами и подаяніями старался умилостивить сїе Божество; ибо сей Богѣ почитался отѣ древнихѣ мстителемѣ злодѣяній, и властителемѣ надѣ беззаконными и бѣдствующими людьми.

Нѣкогда жертвуя сему богу Свѣтлосанѣ, и проливая предѣ нимѣ теплѣйшїя молитвы, почувствовалѣ вѣ себѣ пресильное волненїе крови, и дрожанїе жилѣ: вѣ то самое время услышалѣ онѣ, что бодрость и крѣпость его силѣ умножилися вѣ немѣ. Вѣ восторгѣ своемѣ простерся онѣ предѣ кумиромѣ, принося ему благодарность; и простирая кѣ нему взоры увидѣлѣ, что истуканѣ окруженѣ былѣ блистательнымѣ сїяніемѣ: угрюмый его видѣ премѣненѣ былѣ вѣ пріятный и ласковый: вѣ самое то время онѣ поколѣбался, и произнесѣ слѣдующїя слова.

Моленїя

Моленїя твои пріяшны небесами:
И грѣхъ вашъ заглажденъ моленьемъ и слезами;
Но въ праздносшили ждушъ лавроваго вѣнца?
У смерши въ челюстяхъ ищи бѣдамъ конца.

Свѣтлосанъ паки палъ предъ кумиромъ, принося благодареніе за поданіе божественнаго сего совѣта; но не возмогши понять ево совершенно, просилъ Чернобогова первосвященника истолковать себѣ сіе прорѣченіе. Нутрозоръ, разсмотря внутренности принесенныхъ жертвъ, объявилъ, что Божество совѣтуетъ ему самому искать сестру и зятя, которыхъ онъ непремѣнно обрѣтетъ, по претерпѣніи многихъ трудностей. Младый Князь повиновался ево объявленію, обѣщавъ ѣхать. Послѣ чего одаря жреца, и учиня обѣты Чернобогу, и прочимъ божествамъ, отбылъ изъ храма въ Княжескій свой домъ.

Прибывъ туда, и призвавъ къ себѣ своего любимца, который имѣлъ при немъ чинъ Оруженосца, объявилъ ему слова Чернобога и жреца ево. Бориполкъ, будучи вѣренъ своему Государю, и опасаясь повергнуть въ печаль Богослава, совѣтовалъ ему не скоро полагаться на толкованіе Нутрозорово, но ожидать вѣрнѣйшаго

нѣйшаго изъясненія отъ времени, или отъ первосвященниковъ прочихъ боговъ, славнѣйшихъ въ прорицаніяхъ. Притомъ представлялъ ему, что нечаяннымъ такимъ отъѣздомъ причинитъ онъ великое сокрушеніе своему родителю. Сими и подобными представленіями склонилъ онъ Свѣтлосана отложить свое путешествіе до времени.

Впрочемъ не совсѣмъ совѣты его изтребили изъ мыслей младова Князя Божеское изреченіе: до самаго вечера пвердилось оно въ умѣ ево; и одинъ Кикимора, Божество сна и ночи, прелѣкъ ево осемъ размышленіе. Но едва сомкнулъ онъ свои глаза, какъ смущенному его воображенію представилось ужасное сновидѣніе: явилася ему престрашная гора, на которой вмѣсто деревьевъ стояли копья, и мечи въ верьхъ острѣемъ. Промежду ими пресмыкалася безчисленное множество всякаго рода зміевъ, которые испускали ужасный свистъ и ревъ. Надъ сею горою летѣла блестящая колесница, влекомая зіяющими пламенемъ Аспидами: въ ней сидѣла несчастная Милослава, испускающая прежалостные вопли. Гнусный и престрашный Волотъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, и угрожалъ ее

скинуть

скинуть на землю. На противъ ихъ летѣлъ на крылатомъ конѣ Вельдюзь, и стремился поразить сего чудовища копьемъ; но въ самое то время Исполинъ зинулъ на него пламенемъ: конь отъ того изчезъ, а Вельдюзь полетѣлъ стремглавъ на ушыканную копьями и мечами гору.

Сіе ужасное позорище столько испужало и встревожило Свѣтлосана, что вдругъ отогнало отъ него сонъ, и принудило его сильно вскричать. Бориполкъ, который спалъ въ другой отъ него комнатѣ, пробудясь отъ сего крика, пришелъ къ нему увѣдать того причину. Испужанный Князь разсказалъ ему свое сновидѣніе трепещущимъ голосомъ, и воздохнувъ продолжалъ: что мнѣ симъ сновидѣніемъ возвѣщаютъ Боги? Неужель объявляютъ они мнѣ кончину сестры моей и зятя? Праведные Боги! ежели сіе истинно, такъ къ чему вы намъ и льстили, что со временемъ мы ихъ еще увидимъ? О несчастливый родитель мой! какимъ ударомъ поразитъ тебя сіе сновидѣніе. О Боги! онъ умретъ--- Не сокрушайся, государь, перехватилъ рѣчь его Бориполкъ, еще сіе не подлинно; можетъ быть Боги совсѣмъ другое сновидѣніемъ симъ тебѣ являютъ. Но чтобъ сомнѣніе тебя о

семъ не терзало, я тебѣ сыщу средство отъ него избавиться. Неподалеку живетъ отсюда пустынникъ, который почитается отъ всѣхъ великихъ прорицателемъ, и искуснѣйшимъ толкователемъ сновъ. Къ нему стекается со всѣхъ сторонъ народъ, для испрошенія въ недоумительныхъ дѣлахъ совѣта и объясненія; и приносятъ ему въ даръ стрѣлы, безъ чего сказываютъ, онъ ничьего прошенія не исполняетъ. И такъ, государь, ежели угодно тебѣ испытать свою и сродниковъ твоихъ судьбу, поѣдемъ къ нему: я ево жилище знаю; а чтобъ болѣе ему угодить, постарайся сыскать для него стрѣлу изъ металла; ибо онъ тѣмъ ни въ чемъ не отказываетъ, которые къ нему такія стрѣлы приносятъ. Я на все готовъ согласиться, отвѣтствовалъ Князь, только чтобъ узнать судьбу бѣдной моей сестры и зятя; что жъ касается до стрѣлы, я ему дамъ золотую, которую подарилъ мнѣ Древлянскій Князь, имѣвшій нужду въ помощи моего родителя.

По окончаніи словъ своихъ, нимало не мѣдля приказалъ осѣдлать коней, и принесши молитвы Богамъ, и забравъ нужное для пути, пустился въ оный съ

однимъ

однимъ Бориполкомъ. Путешествіе ихъ продолжалося до самого восхожденія багряныя Зимцерлы: и когда уже Свѣтовидъ испустилъ первые свои лучи на землю, тогда они прибыли къ жилищу пустынника, которое находилось по серединѣ густаго лѣса.

Свѣтлосанъ и Бориполкъ сошедъ съ своихъ коней, привязали ихъ къ дереву, и пошли въ пещеру, въ которой жилъ прорицатель. Они его застали спяща: видъ ево представлялъ самаго древнѣйшаго старика, коего сѣдая борода простиралася далѣе пояса; лице ево суше было самой мумїи; онъ опутанъ былъ весь цѣпями, которыхъ одинъ конецъ былъ прикованъ къ стѣнѣ; передъ постѣлею его стоялъ остовъ, который имѣлъ вознесенную руку съ кинжаломъ, а въ другой держалъ черную мраморную дощечку, на которой были изображены блистающими буквами неизвѣстныя письмена. Позорище сїе привело Свѣтлосана въ превеликое удивленїе: онъ спрашивалъ своего спутника, чтобы сїе все значило, но тотъ и самъ не могъ ему на то ни какого дать изъясненїя. Отъ разговоровъ ихъ пустынникъ пробудился: тогда Свѣтлосанъ подступя къ нему,

извинялся учтивымъ образомъ, что нарушилъ его покой; и послѣ разсказавъ причины своего пріѣзда, вынялъ изъ колчана золотую стрѣлу, которую поднося ему, просилъ его изполковать себѣ свой сонъ. Лишь только пустынникъ увидѣлъ стрѣлу, какъ схватя ее поспѣшно, вскричалъ: Ахъ! государь мой, ты мнѣ возвратилъ мою жизнь! И въ тожъ время ударилъ стрѣлою въ дощечку, держимую остовомъ, который въ тотъ же мигъ изчезъ. Послѣ чего цѣпи которыми былъ отягченъ пустынникъ, тотчасъ съ него спали: длинная его борода пропала, ряса его превратилась въ лазоревое одѣяніе, а онъ самъ въ молодаго прекраснаго человѣка.

Пока еще Свѣтлославъ, съ Оружносцемъ своимъ, стоялъ отъ удивительнаго сего приключенія въ недоумѣніи, въ то время превратившійся пустынникъ махнувъ стрѣлою, проговорилъ нѣсколько странныхъ словъ, за которыми послѣдовалъ преужасный шумъ и стукъ молотовъ, по окончаніи коихъ пещера превратилась въ великолѣпную колесницу, запряженную шестью Единорогами. Пустынникъ обратясь къ Славенскому Князю и его паперстнику, не

дивитесь,

дивитесь, говорилъ имъ, сему чудному произшествїю; когда вы узнаете кто я, то не станете болѣе ни чему удивляться. Услуга, продолжалъ онъ, оказанная мнѣ вами, обязываетъ меня возблагодарить вамъ достойнымъ образомъ за оную; чего ради и везу васъ теперь въ прежнее мое жилище.

Между тѣмъ колесница столь быстро везена была, что черезъ нѣсколько часовъ очутились они въ Индїи, по срединѣ великолѣпнаго замка, коего все зданїе было сооружено изъ бѣлаго мрамора, а внѣшнїя украшенїя онаго состояли изъ чистаго золота. Пустынникъ вышедъ изъ колесницы, просилъ ихъ слѣдовать за собою. Лишь только они взошли на великолѣпное крыльцо онаго зданїя, какъ загремѣла вдругъ преогромная музыка, и превеликая толпа молодыхъ людей, обоего пола, вышла имъ на встрѣчу. Всѣ сїи люди пали передъ пустынникомъ на колѣни, и бросились потомъ цѣловать его руки и платье; а онъ имъ отвѣтствовалъ на то ласковымъ видомъ и поклонами. Послѣ чего съ безпрестанными и радостными восклицанїями препроводили они его въ залу, въ которой находился престолъ изъ ро-

зоваго яхонта. Пустынникъ возшедъ на оный, просилъ Свѣтлосана сѣсть по правую, а Бориполка по лѣвую себя сторону; потомъ обратясь къ предстоящимъ своимъ подданнымъ, вотъ кѣмъ, говорилъ имъ, указывая на Князя и Оруженосца его, возвращенъ я вамъ, любезные мои друзья! Ихъ благодѣяніе возвратило мнѣ свободу, и прежнее мое могущество и власть, которыя похитилъ было у меня лютый Карачунъ: сей гнусный карло, который все свое счастіе и силу получилъ отъ щедрости моей. Но дерзость его безъ-наказанія не останется: всѣ мои сили употреблю я на его погубленіе; и никакая власть не удержитъ меня быть ему вѣчнымъ непріятелемъ. Но прежде всего продолжалъ онъ оборотяся къ Свѣтлосану, обязанъ я тебѣ, великодушный мой избавитель, возблагодарить такъ, какъ требуетъ великое твое одолженіе.

Послѣ чего, приказавъ подданнымъ своимъ торжествовать день его избавленія, просилъ своихъ гостей слѣдовать за собою во внутреннія покои его дворца. Прошедъ нѣсколько комнатъ, которыя всѣмъ тѣмъ были украшены, что природа и искусство могутъ произвесть,

известь наилутчаго, вошли они на конецъ въ удаленный чертогъ, который примыкался къ саду. Стѣны сего покоя украшены были янтарными Гіероглифами: по срединѣ оной стоялъ круглый столъ, коего доска: вылита была изъ разныхъ металловъ, и поддерживаема Геніями изъ гебенноваго дерева: на ономъ стояла Сфера, земный кругъ, зрительныя трубы, нѣсколько книгъ, и золотая скрына, украшенная дорогими каменьями. Подлѣ стола стояли креслы изъ слоновой кости; а подлѣ стѣнъ софы и столики, на которыхъ лежали блистательныя орудія, коихъ употребленіе однимъ волхвамъ извѣстно. Сіе мой кабинетъ, говорилъ владѣтель замка, обратясь къ своимъ гостямъ, гдѣ я прежде завсегда упражнялся, и откуду могущество мое досязало во всѣ концы вселенныя; пока неблагодарный Еѳіопъ не лишилъ меня сей драгоцѣнной спрѣлы, въ которой все мое счастіе заключается; и которую щедрость твоя мнѣ возвратила, прехрабрый Свѣтлославъ, а съ нею и все мое прежнее могущество. Я тебѣ разскажу, любезный мой избавитель, сіе приключеніе, которое столько тебя удивляетъ; для сего и привелъ я васъ обѣ-

ихъ въ сіе мѣсто, чтобъ никто не нарушилъ нашей бесѣды. Ибо ни какая сила не можетъ проникнуть сего чертога, и узнать, что здѣсь дѣлается; сіи не извѣстныя тебѣ письмена препинаютъ всякому сюда входъ, какую бы кто силу ни имѣлъ; и защищеніе всего моего замка отъ сего одного покоя зависитъ. Потомъ, сѣвши самъ въ креслы, а ихъ по прося сѣсть на софы, началъ имъ разсказывать свои приключенія слѣдующимъ порядкомъ.

ИСТОРІЯ ВИДОСТАНОВА.

Я называюсь Видостанъ: отецъ мой былъ Царь нѣкоторой части Индіи; царствованіе его текло весьма спокойно, и всѣ его увеселенія составляли книги, которыхъ онъ собралъ превеликое множество, и другой я; ибо онъ любилъ меня тѣмъ наипаче, что не имѣлъ другихъ дѣтей кромѣ меня. Охота ко чтенію моего родителя, какъ будто бы по наслѣдству вселилась и въ меня; но съ большимъ его пристрастіемъ. Нѣкогда будучи въ нашемъ книгохранилищѣ, и пересматривая книги, нашолъ я такую, коея письмена были для меня не знакомы

хотя

хотя я и много зналъ языковъ. Любопытство мое, будучи прельщено сею новизною, понудило меня искать въ другихъ книгахъ ей изъясненія. Я началъ снова перебирать всѣ книги, и по счастію моему нашолъ скоро другую въ подобномъ ей переплетѣ. Развернувъ ее увидѣлъ я, что ето словарь Ассирійскаго языка, котораго я не зналъ. Буквы его сходствовали во всѣмъ съ тѣми, коихъ я въ объявленной книгѣ неразумѣлъ. Сей случай заставилъ меня искать такого человѣка, который бы могъ меня научить сему нарѣчію, что мнѣ въ скоромъ времени и удалось.

При дворѣ отца моего находился одинъ Халдѣянинъ, которой совершенно разумѣлъ етотъ языкъ: онъ охотно соглашался меня ему учить; но объявилъ мнѣ притомъ, что сей языкъ весьма труденъ и скученъ для ученія. Сіе несчастное объявленіе, хотя отъ желанія моего меня и не отвратило, но для охотнаго въ немъ упражненія, подало мнѣ мысль пригласить къ тому сего морскаго карла, котораго щедрость моя извлекла изъ бѣдности, и изъ самаго низкаго состоянія въ великолѣпнѣйшее; ибо онъ былъ сынъ конюха моего двора: онъ

мнѣ понравился по причинѣ малаго свое-
его роста, и чернаго цвѣта; ибо онъ
былъ родомъ Ѳіопъ. Сей Мурянинъ,
ставъ осыпанъ моими благодѣяніями,
заплатилъ мнѣ на мѣсто благодарно-
сти зломъ. Но я, любя его чрезвычайно,
не примѣчалъ злобныхъ его склонностей;
и старался его дѣлать соучастникомъ
во всѣхъ моихъ упражненіяхъ; и такъ
началъ съ нимъ учишься вмѣстѣ и Ас-
сирійскому языку. Я учился ему не бо-
лѣе года, и завсегда перестигалъ Карачу-
на, который, отъ лѣности ли то, или
имѣя тупѣе моего понятіе, весьма учился
мѣдленно.

Первые плоды моего ученія употре-
билъ я на прочтеніе объявленной мною
книги; и хотя, по причинѣ малаго мое-
го въ немъ упражненія, не могъ я разу-
мѣть въ ней всѣхъ словъ, но недоста-
токъ сей награждалъ я помощію найден-
наго мною словаря. Первые мои взгляды
упали на приложенный къ сей книгѣ
листъ, который различествовалъ отъ
прочихъ начертанными золотыми букве-
ми: въ ономъ предлагалъ первой, книги
сея хозяинъ, который, какъ видно по его
изъясненіямъ, былъ весьма добродѣтель-
ный человѣкъ, что книгу сію, и съ нею
объ-

объявленный мною словарь, нашелъ онъ въ землѣ, копая колодезь; и усмотря въ ней великую важность, скрылъ ее; и пользовался ею при нужныхъ только случаяхъ. Напослѣдокъ, усмотря приближенїе своей кончины, не разсудилъ за благо оставить ее своимъ дѣтямъ, въ которыхъ видѣлъ онъ болѣе пороковъ, нежели добродѣтели: опасаяся, дабы они не употребили ее во зло; ибо она заключаетъ въ себѣ науку Кабалистику, которая владѣтелю ея подаетъ способы дѣлать все то, что ему ни разсудится. Сїя то причина и побудила было его сожечь ее: но усмотря, что огонь ее не вредилъ, бросилъ онъ ее въ свинцовомъ ковчегѣ въ море; но когда и вода опказалася ее потопить, то онъ опредѣлилъ ее, и съ нею вмѣстѣ словарь, закопать въ пустомъ мѣстѣ въ землю; присовокупя къ ней свое завѣщанїе тому, кому по случаю попадется она въ руки, чтобъ онъ не употреблялъ ее во зло другимъ; а въ противномъ случаѣ угрожалъ наказанїемъ, котораго просилъ ему отъ Бговъ.

Сїе объявленїе, продолжалъ Видостанъ, заставило меня съ жадностїю и великимъ вниманїемъ прочесть сїю кни-

гу.

гу. Я нашелъ въ ней наставленїя дѣлать всякїя невозможности, какїя только можно вздумать, и покорять природу своимъ хотѣнїямъ. Узнавъ о семъ, вздумалось мнѣ учинить нѣкоторые малые опыты: видяжъ, что всѣ стихїи волѣ моей покоряются, увѣрился я совершенно въ стариковомъ объявленїи. Сїе понудило меня скрывать ее отъ всѣхъ: побужденїе такое весьма спасительно для меня было; но невоздержность моя и не созрѣлый разумъ въ тайнѣ сей мнѣ измѣнили.

Нѣкогда вздумалось мнѣ здѣлать изъ куска мрамора обезьяну, которую оживотворя заставилъ я прыгать, и забавлять себя природными симъ животнымъ рѣзвостями. Шумъ причиненный ею, побудилъ войти ко мнѣ Карачуна, который случился въ другой отъ меня комнатѣ. Прыганїе каменной обезьяны привело его въ такое удивленїе, что онъ остолбенѣлъ, и спрашивалъ меня съ трепетомъ о причинѣ сего чуда. Самолюбїю моему пріятно было видѣть его въ такомъ удивленїи: къ чему присовокупясь тщеславїе заставило меня сказать ему, что я ея творецъ. Сїе объявленїе привело его въ пущее недоумѣнїе:

онъ

онъ меня началъ усильнымъ образомъ просить, чтобъ я ему открылъ сію тайну. А я, чтобъ больше еще его удивить, приказалъ ей передъ глазами его превратиться въ золотаго попугая. Тутъ уже удивленіе его премѣнилося въ страхъ: закричалъ онъ благимъ матомъ, и побѣжалъ отъ меня вонъ; но я его удержавъ, приказалъ тайну сію скрывать отъ всѣхъ.

Между тѣмъ Карачунъ лишаясь мало помалу страха, наполнялся вмѣсто того любопытствомъ: желаяжъ отъ меня увѣдать о семъ таинствѣ, началъ умножать ко мнѣ свои ласкательства, кои почиталъ я истинными знаками его ко мнѣ любви. Вскорѣ лукавствами своими достигъ онъ до своего желанія: объявилъ я ему мою тайну; да и столько еще былъ слабъ, по любьви моей къ нему, что дозволилъ ему прочесть нѣсколько статей изъ той книги, которую надлежало мнѣ всѣми силами отъ него скрывать. Усмотря важность ея Карачунъ, предпріялъ пользоваться ея наставленіями; но чтобъ не показать мнѣ своего намѣренія, притворился, что будто онъ не столько еще Ассиріискій языкъ узналъ, чтобъ могъ разумѣть

имѣшь совершенно смыслъ прочитаннаго имъ. Чего ради просилъ меня дозволить ему читать ее со словаремъ, и дѣлать изъ нее переводы, дабы лутче успѣть въ ономъ языкѣ. Сія его прозьба вселила было сперва въ меня къ нему подозрѣніе, но лукавство его совокупясь съ моею щедростію преклонили меня на его желаніе: я ему дозволилъ дѣлать на себя оружіе; то есть: переводить волшебную мою книгу, помощію коея приключилъ онъ мнѣ потомъ наилютѣйшія бѣдствія. Онъ бы воспользовался ею и безъ моего позволенія, естьлибъ не заключала она заклятія на похитителей своихъ, что кражею своею лишаютъ они ее всей силы.

Получившижъ дозволеніе переводить ее, началъ онъ выписывать изъ нее все то, что могло удовольствовать корыстолюбіе его и злость: ибо онъ чрезвычайно былъ скупъ и золъ; хотя казался чивымъ и кроткимъ. И уже списалъ онъ ее болѣе половины, какъ пришло мнѣ на мысль, что онъ знаніе сіе можетъ употребить не токмо ко вреду другихъ, но и къ моему собственному; ибо я провѣдалъ, что онъ многія дѣлалъ пакости тѣмъ людямъ, которые имѣли несчастіе

счастїе хотя мало ему досадить. Сїе побудило меня книгу мою запереть, а ему выговорить суровымъ образомъ, что онъ повѣренность моей тайны употребляетъ во зло. Карачунъ старался передомной оправдаться, и лукавствомъ своимъ дошелъ до того, что увѣрилъ меня въ мнимой своей невинности. Впрочемъ книги моей не далъ уже я болѣе ему списывать, опасаяся отъ того худыхъ слѣдствїй. Карачуну весьма сїе досадно было: однакожъ онъ сокрылъ отъ меня свое огорченїе. Притворство его долго бы можетъ статься продолжилось, ежелибъ не случилось вскорѣ послѣ того слѣдующее обстоятельство.

Отецъ сего бездѣльника впалъ въ нѣкоторое важное преступленїе, за которое родитель мой приказалъ его наказать. Сколько Карачунъ ни старался за него, однакожъ не могъ отвратить отъ него наказанїя; хотя оно по просьбѣ его и уменшено было. Сїе столько огорчило карла, что онъ отважился мстить моему родителю, и умертвилъ его наилютѣйшимъ ядомъ. Врачи, бывшїе при его кончинѣ, объявили мнѣ, что онъ отравленъ. Я не зналъ на кого подумать, вѣдая то, что всѣ родителя

моего

моего любили ; потому что онъ однимъ только преступникамъ законовъ дѣлалъ нѣкоторое зло, наказывая ихъ иногда строго. И такъ, въ недоумѣніи моемъ, прибѣгъ я къ помощи моей книги, которая подтвердила мнѣ, что родитель мой скончался отъ яда ; но что ядотворца не можетъ она объявить, ибо онъ наложилъ ей молчаніе своимъ волшебствомъ. Сіе объявленіе подало мнѣ сомнѣніе на Карачуна: я приказалъ его тотчасъ къ себѣ позвать, въ намѣреніи извлечь отъ него признаніе въ томъ муками. Однако гнѣвъ мой былъ уже безплоденъ: ибо не могли его нигдѣ найти. Побѣгъ его подтвердилъ мое подозрѣніе, и притомъ заставилъ меня опасаться, чтобъ злость его непростерлась и на меня. Тогда то разкаявался я, но уже поздо, что подалъ ему на себя оружіе, открывъ ему мою тайну. А чтобъ не подвергнуть себя нечаянному отъ него нападенію, принялъ я прибѣжище къ драгоцѣнной моей книгѣ, которая научила меня здѣлать сію безцѣнную стрѣлу, которой никакое волшебство противишься не можетъ, и коя владѣтеля своего защищаетъ отъ нападенія духовъ и человѣковъ; а притомъ

не имѣетъ

не имѣетъ она никакой силы въ другихъ рукахъ, и не можно ею овладѣть безъ моего согласія.

Такимъ способомъ здѣлавъ себя безопаснымъ отъ злоумышленій Карачуновыхъ, предпріялъ я и книгу свою такою же оградить безопасностью: дабы опять непопалась она кому, и не произвела новаго мнѣ противника. Сія то причина побудила меня построить сшотъ замокъ, и въ немъ сей кабинетъ, который обороняетъ весь сей домъ, и въ немъ живущихъ, какъ я уже вамъ сказывалъ. Въ него то преселился я, и перенесъ сію драгоцѣнную книгу, которая теперь находится въ сей скрынѣ. Сюда переселилъ я также часть моихъ придворныхъ, которыхъ вѣрность испыталъ я наперед такимъ образомъ: приказалъ имъ объявить, что преселяюсь я для жилища въ пустыню, и что желающіе слѣдовать за мною, не могутъ ожидать ни чиновъ, ни награжденій, кромѣ спокойной жизни; а которые не послѣдуютъ мнѣ; и останутся въ городѣ, тѣмъ опредѣляю я вѣчное жалованье, вдвое большее получаемаго ими; и повышаю каждаго чиномъ; въ чемъ увѣряю ихъ моимъ словомъ. Сія хитрость, пожеланію моему, имѣла

свое дѣйствïе: изъ двадцати тысячъ придворныхъ, которые при дворѣ моемъ находились, согласилось только сто человѣкъ за мною слѣдовать, которыхъ вы давѣча и видѣли. Сïи честные люди вѣрностью ко мнѣ своею ничего не потеряли; ибо довольствуются здѣсь такою пищею и платьемъ, какихъ они сами пожелаютъ: а въ увеселенïяхъ также не имѣютъ недостатка; и почитаютъ себя блаженнѣе сто кратъ богачей живущихъ въ мирѣ. Напротивъ того бѣглецы мои, хотя и получили по обѣщанïю моему все, но не долго онымъ пользовались; ибо лютый Карачунъ, лишась способа мнѣ вредить, но желая чѣмъ нибудь мнѣ отмстить, погубилъ ихъ всѣхъ, съ прочими моими подданными, превратя ихъ городъ въ ужасную гору, на коей вмѣсто деревьевъ растутъ копья и мечи, а обитаютъ самыя наисвирѣпѣйшïя змѣи. Я сколько ни старался привесть въ прежнѣе состоянïе сихъ бѣдныхъ людей, но только всѣ мои старанія были безполѣзны.

Ахъ, государь мой! вскричалъ тогда Свѣтлосанъ: позволь мнѣ прервать твою рѣчь: никакъ, ету самую гору и видѣлъ я воснѣ, о косй объявлялъ я пе-

бѣ гѣ пустынѣ; и несчастнаго моего зяшя - - - Исторія его мнѣ уже извѣсна, перехватилъ рѣчь его Видостанъ, и шы объ ней сей же часъ услышишь; не мѣшай только мнѣ разсказывать. И такъ, сей свирѣпый уродъ, сей люпый Карачунъ, недоволенъ будучи мщеніемъ надъ бѣдными моими поддаННыми, предпріялъ стараться всѣми силами и о моей погибѣли. Но видя что я отто всѣхъ сторонъ безопасенъ отъ его ухищреній, умыслилъ достичь до того коварствомъ, чего не могъ совершишь открытою силою.

Здѣлалъ онъ, силою своего волшебства, привидѣніе подобящееся ему во всѣмъ, которому приказалъ онъ пойти въ мой замокъ, и раздражишь меня до того, чтобъ я его предалъ смерти. Что, какъ онъ мыслилъ, такъ и совершилось: привидѣніе поражено было мною саблею, и по пораженіи своемъ сохранило видъ разрубленнаго Карачуна, коего мнимый трупъ приказалъ я сожечь; и сочелъ тогда себя избавленнымъ отъ всѣхъ его гоненій. Въ такомъ мнѣніи пробылъ я до тѣхъ поръ, пока несчастіе мое не увѣрило меня, что онъ еще живъ.

Между

Между тѣмъ, по прошествїи двухъ мѣсецовъ послѣ сожженїя мнимаго Карачунова тѣла, случилось мнѣ быть на охотѣ: пущенныя гончїя собаки въ лѣсъ, для подняттїя изъ норъ пужливыхъ звѣрей, подняли въ маломъ разстоянїи отъ меня великой лай, что побудивъ меня и охотниковъ моихъ думать, что онѣ нашли звѣря, понудило насъ къ нимъ скакать. Проѣхавъ нѣсколько саженъ, увидѣли мы на деревѣ краснаго цвѣта мартышку, на которую смотря лаяли мои собаки. Такой цвѣтъ на обезьянѣ показался мнѣ чуднымъ; а наипаче умножилось мое удивленїе, когда сей звѣрокъ началъ кидать на меня печальныя взоры, и тѣлодвиженїями своими старался мнѣ показать, что онъ требуетъ моего покровительства. Будучи отъ природы жалостливъ, согласился я охотно помочь обезьянѣ: въ слѣдствїе чего приказалъ я собакъ отогнать, а ее снять съ дерева. Когдажъ ее сняли и принесли ко мнѣ, то начала она взглядами и движенїями своими изъяснять мнѣ свою радость и благодареніе, что меня столько тронуло, что опредѣлилъ я имѣть ее первымъ моимъ увеселенїемъ. Получа такую хорошую добычу, не хотѣлъ я продол-

жать

жать болѣе охоты, и поѣхалъ въ свой замокъ.

Пріѣхавъ въ оный, перьвое мое стараніе было велѣть ее накормить. Сія милость удвоила веселіе ея и благодарность, которыя старалася она мнѣ показать своими знаками; при всемъ томъ казалися они мнѣ принужденными, и задумчивость ея, которая за ними послѣдовала, дала мнѣ примѣтить ея грусть. Я старался ее утѣшить: но она прижавъ лапы къ своему сердцу воздыхала, и показывая на моихъ придворныхъ, трепала себя по груди. Сіи знаки заставили меня разсуждать, чтобъ она хотѣла ими дать знать; и на конецъ, по многимъ размышленіямъ, пришло мнѣ въ голову испытать помощію моей книги, не человѣкъ ли какой превращенъ въ нее. Сія мысль столь утвердилась въ моемъ воображеніи, что я тотъ же часъ предпріялъ ей здѣлать опытъ. Чего ради, приведя ее въ сей кабинетъ, взялъ я мою книгу, и сыскавъ въ ней ту статью, которая научаетъ какими словами разрушать очарованіе, прочелъ ихъ надъ ея головою. Лишь только окончилъ я чтеніе, какъ обезьяна изчезла, а вмѣсто ее предсталъ передо мною человѣкъ въ

подобномъ вашему одѣяніи: онъ бросился къ моимъ ногамъ, благодаря мнѣ наичувствительнѣйшими словами за паданіе ему прежняго вида. Сіе превращеніе весьма меня удивило, и побудило любопытствовать, кто его привелъ въ такое уничижительное состояніе. Онъ охотно согласился разсказать мнѣ свою повѣсть, и объявилъ что онъ Вельдюзь, Полотскій Князь. Какъ, государь мой! вскричалъ съ восхищеніемъ Свѣтлосанъ, такъ это былъ мой зять? - - - Онъ точно, отвѣтствовалъ Видостанъ; и вотъ что, по похищеніи его дракономъ, съ нимъ случилось.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ВЕЛЬДЮЗЕВЫ.

Сей крылатый змѣй, продолжалъ Видостанъ, подхватя его поднялся столь высоко, что онъ потерялъ изъ вида землю, и летѣлъ столь быстро, что скорое стремленіе воздуха, и притомъ ужасъ, захватили у него дыханіе, и лишили чувствъ. Напослѣдокъ, когда онъ опамятовался, то увидѣлъ себя въ пространной камнистой пещерѣ, коей конца не могъ онъ усмотрѣть. Сіе зрѣлище въ такой привело его страхъ, что

онъ

онъ опять упалъ въ обморокъ. Наконецъ, пришедъ въ чувство, разсуждалъ, что ему зачать въ сей крайности: сіе размышленіе завело его въ глубокую задумчивость, изъ которой извлекло его стенаніе. Онъ оглянулся туда, откуда оное произходило; но только не могъ ничево усмотрѣть, что страхъ его еще болѣе умножило. Между тѣмъ стенаніе продолжалось, къ коему мало помалу Вельдюзъ привыкая, осмѣлился на конецъ увѣдать его причину.

Чего ради слѣдуя на сей жалобный голосъ, пришелъ онъ къ зеленому камню, на которомъ сидѣла преужасной величины ядовитая жаба. Камень, который она покрывала, трепеталъ подъ нею, и испуская стонъ, произносилъ иногда жалобы человѣческимъ голосомъ. Сіе чудо опять привело въ ужасъ Полоцкаго Князя; однакожъ любопытство его одержало надъ онымъ верьхъ. Отважился онъ извѣдать сію тайну: но не зналъ какимъ образомъ то учинить; сомнѣвался онъ спрашивать о томъ у камня, думая, что онъ ему отвѣтствовать не можетъ, хотя и произносилъ нѣкоторыя слова на Персидскомъ языкѣ; но другой дороги къ узнанію сего чуда

ему

ему не оставалось. Персидскій языкъ онъ разумѣлъ, и такъ не трудно ему было на ономъ изъясниться: чего ради приступя къ нему, спрашивалъ его, что онъ такое, и о чемъ приноситъ жалобы. Я былъ подобный тебѣ человѣкъ, отвѣтствовалъ ему камень; и жалуюсь на несчастное мое состоянїе, въ которое привелъ меня люотый волшебникъ со всеми моими подданными. Ежели сердце твое, присовокупилъ онъ, удобно къ жалости, естьли человѣколюбїе природно тебѣ, незнакомецъ! такъ избавь несчастнаго Владѣтеля отъ сего ужаснаго бремени, которое его терзаетъ, и очарованїе его удерживаетъ. Какъ же я могу ето здѣлать, спрашивалъ его Вельдюзь, коего робость при каждомъ камневѣ словѣ усугублялась? Ето ни мало не мудрено: отвѣтствовалъ ему камень; вооружись только безстрашїемъ, и сбрось съ меня ужасную сїю жабу.

Прозьба сїя весьма поколебала смѣлость Вельдюзеву: боялся онъ отважиться на толь опасное предпрїятїе, которое самому ему угрожало смертїю. Онъ бы скорѣе покусился на оное, ежелибъ имѣлъ при себѣ оружїе; но похищенїе его случилося въ такое время, когда

когда онъ къ браку, а не къ сраженію готовился: слѣдственно и вооружашься не имѣлъ причины. Долго сожалѣніе его боролося съ робостью: выискивалъ онъ разные способы погубить лягушку; иногда хватался за камни, которыми усыпана была степь, но и тѣ отказывались ему въ помощи; ибо не могъ онъ никакъ отдѣлить ихъ отъ земли. Между тѣмъ камень не переставалъ его просить объ избавленіи своемъ словами и стенаніемъ, что въ Вельдюзѣ умножало сожалѣніе, и терзаніе совѣсти, которыя его укоряли медлѣніемъ въ споможествованіи несчастному. Приходило ему на мысль, что бѣдная его Милослава, и онъ самъ, могутъ подвергнуться подобному заключенію; вообразилось ему и то, что хотя онъ и не подастъ сему несчастному помощи; однакожъ не избудетъ смерти, которую безплодная сія пустыня ему пріуготовляетъ; припомнилось ему и пророчество Полелино, которое по тѣхъ поръ не обѣщало ему съ невѣстой его благополучія, пока не спасетъ онъ столько же несчастныхъ Князей, сколькихъ лишилъ онъ жизни своимъ свирѣпствомъ. Сіи размышленія, начали напослѣдокъ укрѣплять его

смѣлость, и ласкать надеждою, что онъ поступкомъ симъ можетъ нѣсколько умилостивить разгнѣванныхъ на него боговъ.

Утвердясь въ сихъ мысляхъ, и призвавъ на помощь Чернобога, подошелъ онъ смѣло къ Жабѣ, дабы сорвать ее съ камня. Лягушка усмотрѣвъ его намѣреніе, начала ужаснымъ образомъ дуться, и бросая на него пламенные свои взгляды, устрашала его изблеваніемъ на него яда, которымъ она вся была наполнена. Сіе нѣсколько было его воостановило, но Бѣлый его Духъ, приставленный къ нему для побужденія на добрыя дѣла, умножая въ немъ сожалѣніе, возбуждалъ его къ безстрашному исполненію его предпріятія. Воспаленный поощреніемъ его Вельдюзь, бросился безъ страха на Жабу, и схватя ее тащилъ съ камня, за который она весьма крѣпко держалась. Сколько употреблялъ Полочанинъ силы на сорваніе ее, столько она его грызла и зіяла на него пламенемъ для отогнанія его. Однако же Вельдюзь сколько ни былъ ею терзаемъ, не оставлялъ ее: а наконецъ ополчася всѣми силами, сорвалъ ее съ камня. Тогда лягушка, превратясь въ превеликаго слона, вскричала

къ

къ нему преужаснымъ голосомъ: ты побѣдилъ, несчастный! и разрушилъ очарованїе сего Персїянина, и его подданныхъ; но за то самъ претерпишь месть отъ моего повелителя лютѣйшую сто кратъ его наказанїя. Окончавъ сїи слова слонъ, схватилъ его своимъ хоботомъ, и помчался съ нимъ весьма быстро.

Великодушный Вельдюзь, хотя и обманулся въ своемъ мнѣнїи, что спася другова уменьшитъ свое несчастїе, однакожъ не каялся, что избавилъ Государя съ цѣлымъ его владѣнїемъ отъ вѣчнаго стона: и соглашался охотно потерять свою жизнь за спасенїе многихъ несчастныхъ. Едва сїе онъ подумалъ, какъ услышалъ слѣдующїя слова, снисшедшїя отъ пламеннаго облака: *Злоба приплекаетъ наказанїе, а добрыя дѣла награжденїе*; и въ самое то время слонъ изчезъ, а онъ очутился въ прекрасной долинѣ, которая усыпана была благовонными цвѣтами, и окружена плодоносными деревьями. При видѣ сего пріятнаго позорища страхъ его изчезъ, и наступила радость: палъ онъ на колѣни, и приносилъ благодарность свою всѣмъ Богамъ; а наиболѣе тому, который его, толь чудеснымъ образомъ, изторгнулъ изъ челюстей смерти.

По принесенїи своей молитвы, сѣлъ онъ подъ дерево для отдохновенїя, наслаждаяся притомъ онаго плодами: вскорѣ послѣ того заснулъ его сонъ; ибо солнце склонилося тогда уже къ морю. Отдохновенїе его продолжалося спокойно до самой зари, и уже Фебъ началъ показывать блистательные свои лучи, какъ онъ почувствовалъ, что нѣчто за пазухой у него шевелится; проснувшись отъ того увидѣлъ онъ, что сто кроликъ, который искалъ у него спасенїя отъ волка, гнавшагося за нимъ, и бывшаго отъ нихъ уже неподалеку. Храбрый Велъдюзь, почувствовавъ къ сему малому звѣрку сожалѣнїе, всталъ тотчасъ, и вознамѣрился его защищать; но не имѣя оружїя, принужденъ былъ схватить камень, который по счастїю ему попался. Онымъ поразилъ онъ столь сильно хищнаго звѣря, что разтянулся тотъ мертвъ передъ его ногами. Въ то самое время избавленный кроликъ превратился въ прекрасную дѣвицу, которая имѣла зеленые волосы, а платье лазореваго цвѣта. Я чрезвычайно много тобою одолжена, великодушный иностранецъ! сказала она Полотскому Князю: и подщусь за услугу твою тебѣ заплатить, представя

представя тебя моей тетке, которая неподалеку отсюда живетъ; она волшебница, и можетъ услужить тебѣ при нужномъ случаѣ. Я уже довольно заплаченъ, сударыня, отвѣтствовалъ ей удивленный превращеніемъ ея Вельдюзь, услуживъ такой прекрасной особѣ какова ты, и почту себѣ за большое одолженіе, ежели ты удостоишь мнѣ сказать, кому я имѣлъ счастіе помочь, смертной или Богинѣ; ибо по виду твоему нельзя тебя инако сочесть, какъ безсмертною.

Ты не совсѣмъ ошибся, отвѣчала она: я Наяда, Нимфа недалеко текущаго отсюда источника, а етотъ волкъ, отъ котораго ты меня избавилъ, былъ Сатиръ здѣшнихъ лѣсовъ. Ты самъ вѣдаешь, продолжала она, сколь сіи животныя влюбчивы. Етотъ уродъ безпокоилъ не токмо одну меня, но и всѣхъ моихъ подругъ своею любовію; однакожъ ни одной изъ насъ не могъ прельстить гнусною своею харею; всѣ его презирали, и ругалися козлиными его прелестями. Ето столько его разсердило, что онъ опредѣлилъ достать то силою, чего не могъ получить по склонности. Я была изъ всѣхъ та несчастная, надъ кото-

рой вздумалъ онъ оказать свое свирѣпство. Завсегда искалъ онъ случая найти меня одну; что ему и удалось было сегодня; но храбрая твоя рука спасла меня отъ его наглости. По сихъ словахъ Нимфа начала было снова благодарить Вельдюзя, но онъ просилъ ее досказать ея приключенїе, начто она въ угодность его и согласилась.

Сегодня проснувшись я, продолжала она, противъ обыкновеннаго очень рано, вздумала прогуляться пользуясь утреннимъ воздухомъ, какъ сей морскїй Сатиръ, который безпрестанно меня караулилъ, давъ мнѣ удалиться отъ моего источника, напалъ на меня нечаянно. Я дерзость его заплатя напередъ поцочиною, предпрїяла отъ него спасаться бѣгствомъ; а чтобъ лучше отъ него скрыться, приняла я на себя видъ кролика, и бросилася въ кустарникъ. Но Лѣшей примѣтя мою хитрость, и превратясь и самъ въ волка, погнался за мною; и конечнобъ меня поймалъ, естьлибъ помочь твоя не предускорила его дерзости.

Я очень радъ, сударыня, сказалъ ей Вельдюзь по окончанїи ея повѣсти, намедъ случай тебѣ услужить; только

дивлюсь

дивлюсь, какая сила помогла мнѣ лишить жизни сего Полубога. Я и сама ещому дивилась, присовокупила Нимфа; да ипеперь сего не постигаю. Потомъ подумавъ нѣсколько спросила у Вельдюзя, не имѣетъ ли онъ при себѣ какой вещи, которая силу его умножаетъ. Нѣтъ, никакой, отвѣтствовалъ Полочанинъ. Постой! вскричала она увидя на рукѣ его перстень: покажи мнѣ свою руку. Вотъ онъ то тебѣ помогъ, продолжала она указывая на перстень; гдѣ ты его досталъ? Отъ матери моей, отвѣтствовалъ Князь. Онъ мой прежде былъ, сказала Нимфа осматривая его прилѣжно. Я не скажу тебѣ, продолжала она закрасивѣвшись, откуда я его получила; а скажу только то, что играя въ нашемъ источникѣ съ моими подругами, сронила я его съ руки. Въ самое то время пришли къ намъ на берегъ промышленики искать жемчужныхъ раковинъ, кои въ источникѣ нашемъ родятся; они видно нашедъ мой перстень продали; который переходя изъ рукъ въ руки, достался напослѣдокъ твоей матушкѣ. Я бы отъ тебя стала его требовать, естьлибъ ты не услужилъ мнѣ столь много; ибо перстень сей кромѣ того, что подаетъ

чрезвычайную силу тѣмъ, которые имъ владѣютъ, имѣетъ еще и другое дарованїе. Обороти его къ ладонѣ своей камнемъ, продолжала она. Вельдюзь ей повиновался: и въ самое то время увидѣлъ передъ собою крылатаго коня, который его спрашивалъ, куда прикажетъ онъ ему себя везти. Никуда теперь, отвѣтствовала ему Нимфа, прося притомъ Полотскаго Князя, чтобъ онъ опять поворотилъ камнемъ къ верху: что когда было учинено, то конь паки сталъ невидимъ.

На сей лошадкѣ довольно я поѣздила, говорила Нимфа удивленному Вельдюзю улыбаясь; а теперь ты на ней можешь разъѣзжать, сколько изволишь. Полочанинъ благодарилъ ее за толь важное для него увѣдомленїе: на что Нимфа отозвалась, что мало бы она ему возблагодарила, ежелибъ однимъ только симъ объявленїемъ ограничила свою благодарность. Я хочу тебя познакомить съ моей теткой, присовокупила она: поѣзжай ты теперь къ ней на своемъ крылатомъ конѣ; ибо онъ всюда самъ дорогу знаетъ, лишь только назначь ему куда ѣхать. Я тебя стану у нее дожидаться, ибо я прежде тебя къ ней поспѣю. Проговоря сїе Нимфа изчезла, а Вельдюзь, удивляя-

ся

ся сему приключенїю, остался разсуждать, ѣхать ли ему къ волшебницѣ, которая ему была совсѣмъ не знакома. Наконецъ подумавъ, что Нимфа непременетъ его ей препоручить, и что волшебница можетъ ему при нужномъ случаѣ помочь, вознамѣрился къ ней ѣхать; чего ради обвороталъ свой перстень камнемъ къ ладонѣ, какъ Нимфа его научила, чтобъ вызвать изъ него крылатаго коня.

Конь тотчасъ явился, и спрашивалъ у него, куда прикажетъ онъ себя везти: къ шешкѣ етой Нимфы, сказалъ Вельдюзь, которой ты прежде служилъ, и коя давѣча со мною разговаривала. Очень изрядно, отвѣтствовалъ ему конь: ты будешь тамъ въ минуту. Вельдюзь сколько удивлялся его разговорамъ, столь не менѣе и виду; ибо цвѣтъ его шерсти подобился бѣлизною своею снѣгу, станъ имѣлъ онъ полной и статной, голову гордую, украшенную густою гривою, состоящею изъ золотыхъ волосовъ, и которая перевита была голубыми лентами, и по мѣстамъ блистала дорогими каменьями; хвостъ его изъ такихъ же былъ волосовъ какъ и грива, и украшенъ былъ подобно; крылья имѣлъ онъ весьма пространныя, состоящїя изъ

бѣлыхъ, розовыхъ, и золотыхъ перьевъ, весьма прекрасно разположенныхъ; копыта у него были золотыя же; а глаза ево блистали такъ какъ звѣзды; узда, чапракъ, и сѣдло ево усыпаны были крупнымъ жемчугомъ и браліантами. Скажи мнѣ о своемъ произхожденіи, говорилъ ему Полотскій Князь: въ разсужденіи твоего вида и свойства, и богатаго убора, должно быть оно не маловажно. Ты не обманулся, отвѣтствовалъ ему конь: я внукъ того славнаго коня, который родился изъ крови Медузиной, когда Персей отрубилъ красавицѣ сей голову. Музы меня весьма любили: чему позавидовавъ Фортуна, лишила меня ихъ милости самымъ страннымъ образомъ.

Нѣкогда поѣхала на мнѣ Каллїопа, продолжалъ конь, къ нѣкоторому славному Витязю на поклонъ съ Одою, приказавъ мнѣ, какъ можно поскорѣе скакать, желая застать его дома. По несчастїю моему дорога къ нему была очень круша и бугриста, на которой я споткнувшись упалъ, и сшибъ съ себя Музу, которая въ паденїи своемъ вывихнувъ себѣ ногу, не осмѣлилась поѣхать къ своему Герою, боясь быть осмѣянною

шамъ

шамъ. Сїе столько ее разсердило, что Оду свою въ тотъ же часъ она изорвала, а меня заключила на вѣчное жилище въ етотъ перстень. Вотъ сколь опасно малымъ раздражить ръѳмотворное животное! Сей перстень подарила она потомъ своему любовнику: а тотъ етой Нимфѣ, которая давѣча съ тобою говорила. Далѣе Исторіи своей я не знаю; потому что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Нимфа въ послѣдній разъ велѣла мнѣ войти въ сей перстень, невидалъ я свѣта до самаго етого дня, и невѣдалъ въ чьихъ рукахъ я находился. Теперь я твой слуга, продолжалъ онъ: ибо рокъ мой таковъ; что кто етотъ перстень имѣетъ, тотъ мною и повелѣвать можетъ.

По окончаніи своей повѣсти просилъ онъ Вельдюзя, чтобъ онъ на него сѣлъ, и испыталъ его быстроту. Полотскій Князь не умѣдлилъ желаніе его исполнить; а конь помчался быстрѣе всякой стрѣлы, и принесъ его чрезъ нѣсколько минутъ въ волшебницынъ замокъ, который въ красотѣ, по описанію Вельдюзеву, говорилъ Видостанъ, малымъ чѣмъ моему уступаетъ.

Волшебница и племянница ея, которая тутъ уже была, встрѣтили его

очень

очень ласково, и осыпали учтивостями за храбрый его поступокъ съ Сатяромъ. Проводя его въ покои, старалися всѣмъ тѣмъ угостить, что вкусъ и обоняніе могутъ изобрѣсть наилучшаго. Послѣ чего просили Вельдюзя, чтобъ онъ объявилъ имъ, какому человѣку одолжены они столь важною услугою, которую онъ имъ показалъ; въ чемъ онъ ихъ тотчасъ и удовольствовалъ. По выслушаніи его повѣсти, изъяснили онѣ ему свое сожалѣніе о его несчастіяхъ: при чемъ волшебница обѣщалась ему во всемъ томъ принимать участіе, что до него касаться ни будетъ. Во исполненіе чего тотъ же часъ разослала она Сильфовъ развѣдать о судьбѣ его невѣсты; и что ежели они ее найдутъ, тобъ принесли ее немѣдленно къ нимъ въ замокъ.

Сильфы тотчасъ полетѣли, а Вельдюзъ остался благодарить Превращу за ея попеченіе, которое она о дѣлахъ его принимаетъ. Благодарность моя очень бы умѣренна была, отвѣтствовала ему волшебница, ежелибъ я ее ограничила одною сею услугою. Я хочу тебѣ услужить такъ, чтобъ по крайней мѣрѣ могъ ты завсегда памятовать, что услужа моей племянницѣ, а тѣмъ и

мнѣ,

мнѣ, услужилъ не неблагодарнымъ. Послѣ того топнула она ногою, проговоря нѣсколько словъ: отъ чего тотчасъ полъ въ комнатѣ раздвинулся, а изъ отверстїя явился предъ нихъ Арапъ, имѣя въ рукахъ вооруженїе изъ чистаго золота; то есть: доспѣхъ, щитъ, копье, лукъ и колчанъ со стрѣлами. Указывая на оное Превратта, вотъ чѣмъ, говорила она Вельдюзю, хочу я свидѣтельствовать тебѣ мою благодарность: сто вооруженїе защититъ тебя отъ пораженїя всякаго человѣка; естьли только противникъ твой выше человѣческой силы чего при себѣ имѣть не будетъ. Сто все принадлежало бѣдному моему мужу, котораго погубилъ лютый волшебникъ, нашъ непрїятель. Этотъ злодѣй никогдабъ не могъ одолѣть моего супруга, ежелибъ у него не украли препоясанїя и меча обвороженнаго, которые имѣли въ себѣ чрезъестественную силу, и сохраняли его отъ всякаго волшебства. Въ прочемъ не совсѣмъ оно лишилось своей силы: кромѣ того что не пронзительно, возбуждаетъ оно великую храбрость въ томъ, кто его на себѣ имѣетъ, и притомъ умножаетъ весьма силу. И такъ, пожалуй прїими его отъ меня, продол-

жала

жала волшебница, въ знакъ моей къ тебѣ благодарности; и надѣнь его теперь же на себя для предосторожности отъ всякаго неожидаемаго случая. Вельдюзь поблагодаря ее за ея подарокъ, надѣлъ на себя вооруженїе; и когда онѣ готовились описывать его въ немъ пригожство, то въ самое то время, прилетѣвшей одинъ изъ посланныхъ Сильфовъ, привлекъ ихъ на себя вниманїе.

По смущенному его виду заключили было они, что онъ Милославы ненашолъ: чего ради волшебница начала уже было ему и выговаривать за его неисправность. Но отвѣтъ его привелъ ихъ всѣхъ въ такое удивленїе и ужасъ, какихъ они не ожидали; ибо онъ объявилъ, что Милославу нашолъ онъ на островѣ, узнавъ ее потому описанїю, какое ему объ ней сдѣлали, и разсказавъ ей о своемъ посольствѣ, хотѣлъ ее взять, и къ нимъ понести, какъ въ самое то время пріѣхалъ къ нимъ въ колесницѣ, запряженной Аспидами, ужасный Исполинъ, который у него вырвавъ изъ рукъ Милославу, увезъ ее съ собой. А онъ, не имѣя силы ей пособить, принужденъ былъ летѣть назадъ, чтобъ увѣдомить ихъ о семъ печальномъ приключенїи.

Когда

Когда Сильфъ окончилъ свое повѣствованїе, що Вельдюзь, возбуждаемый любовїю и негодованїемъ, предпрїялъ гнаться за симъ похитителемъ. Волшебница старалась его уговорить, чтобъ онъ не вдавался безъ размышленїя въ опасность; и обѣщалась наперед развѣдать, кто таковъ сей похититель, и потомъ уже употребить хотѣла приличные способы къ освобожденїю Милославину. Но Полочанинъ, горя нетерпѣнїемъ, поблагодаря ее приличнымъ образомъ, пошелъ отъ нее, и сѣвъ на крылатаго своего коня, приказалъ ему гнаться за Исполиномъ, котораго и нагналъ онъ вскорѣ надъ сею ужасною горою, въ которую превращены мои подданные.

Неустрашимый сей Князь, увидѣвъ любезную свою Милославу въ рукахъ у страшнаго сего Волота, устремился на него съ копьемъ, думая его онымъ сразить; но въ самой тотъ мигъ Исполинъ зинулъ на него пламенемъ, которымъ обжегъ у него ту руку, на которой былъ перстень: Вельдюзь почувствовуя боль, отдернулъ ее къ себѣ: отъ чего повернувшись у него перстень камнемъ въ верьхъ, принудилъ крылатаго коня скрыться, а всадникъ полетѣлъ стремглавъ

главѣ на ушыканную копьями и мечами гору.

Стенанїе и вопль Милославы, которыя послѣдовали за его паденїемъ, представили ему смерть ужаснѣйшею: страшная гора готовила ему неизбѣжимую кончину, которая бѣдную его невѣсту оставляла на вѣкъ во власти у лютова Волота. Низверженный Вельдюзь началъ призывать на помощь и Боговъ и людей, но всѣ его слова погибали на воздухѣ безполѣзно. Уже паденїе его оканчивалося: свирѣпые змѣи подняли головы, и разинули свои пасти, чтобъ его разтерзать: уже коснулся онъ остреямъ копей и мечей, какъ множество Сильфовъ подхватя его, отнесли къ волшебницѣ его пріятельницѣ, которая увидя его, выговаривала ему ласковымъ образомъ за его стремленїе и дерзость, съ какою онъ отважился напасть на такого врага, коего она сама трепещетъ.

Едва она окончила сїи слова, какъ ужасный громъ и молнїя, сорвали съ покоя, въ коемъ они находились, крышку: и въ самое то время съ превеликимъ вихремъ слетѣлъ къ нимъ Исполинъ, который обратясь къ Вельдюзю, сказалъ ему страшнымъ голосомъ: Дерзновенный!

ты осмѣлился отнимать у меня мою невольницу, и напасть на меня по серединѣ воздуха: но будучи мною сверженъ, убоялся умереть. Ты не стоишь по трусости твоей смерьти; но за дерзость твою неспешь и жизни; и за то и другое долженъ ты претерпѣть такое состояніе, которое заставитъ тебя ужасаться и живота и смерти. По окончаніи сихъ рѣчей засвисталъ онъ преужасно: тогда предстало предъ него шестеро премерскихъ карловъ, которымъ приказалъ онъ ободрать съ него вооруженіе; а перстень его взялъ къ себѣ. Послѣ того прошептавъ нѣчто, взялъ Вельдюзя за ногу, и бросилъ въ отверстіе покоя.

Устрашенный Вельдюзъ, летя изъ покоя въ рощу, коею окруженъ былъ волшебницынъ замокъ, почувствовалъ въ себѣ легкость, и обратя на себя глаза увидѣлъ, что онъ болѣе не человѣкъ, но обезьяна. Сіе горестное превращеніе столь его опечалило, что онъ охотно соглашался тогда потерять и жизнь свою. Но животолюбіе принудило его схватиться за вѣтьви деревъ, между коихъ онъ упадалъ. По счастію его схватился онъ за нихъ такъ удачно, что

паденїе его онѣ остановили. Свойство новаго его состоянїя способствовало ему безвредно слезти съ дерева на землю, на которую сошедъ вдался онъ въ превеликую печаль. Но страхъ воспрепятствовалъ ему быть долго въ такомъ мѣстѣ, подлѣ коего находился ужасный его непрїятель. Побѣжалъ онъ оттуда, проклиная Исполина, и тужа о бѣдной своей прїятельницѣ, коей волшебникъ непременетъ мстить за его избавленїе. Напослѣдокъ, бѣгая около двухъ мѣсецовъ по лѣсамъ, добѣжалъ онъ до моего замка, гдѣ напавъ на него мои собаки, принудили его взлезть на дерево, и дожидаться моей помощи. Вотъ всѣ приключенїя твоего зятя, продолжалъ Видостанъ говоря Свѣтлосану; а окончанїе ихъ я уже тебѣ разсказалъ; теперь осталось мнѣ досказать тебѣ мою Исторїю.

ОКОНЧАНІЕ ИСТОРІИ ВИДОСТАНОВОЙ

Несчастїя Вельдюзевы тронули меня, и возбудили во мнѣ къ нему любовь и сожалѣнїе. Я вознамѣрился ему помочь, чего ради прибѣгнулъ я къ кольцу, которое ты видишь у меня на рукѣ: я

его

его сдѣлалъ помощію моей книги; оно заключаетъ въ себѣ такова Духа, который увѣдомляетъ меня обо всѣмъ, о чемъ я ни спрошу. Сей Духъ, будучи мною вопрошенъ о непріятелѣ твоего зятя, отвѣтствовалъ мнѣ, что хотя объ немъ онъ и вѣдаетъ, но не смѣетъ мнѣ объявить. Я хотѣлъ увѣдать о семъ отъ книги моей, но и она мнѣ тоже отвѣтствовала; прибавляя къ тому, что сдѣлано на тайну сію такое заклятіе, которому и самъ Князь Духовъ противиться не въ силахъ. Не могъ я подумать на Карачуна; ибо привидѣніе его, заколотое и сожженное мною, обнадеживало меня, что нѣтъ его болѣе на свѣтѣ; по чему я и заключилъ, что то былъ другой какой нибудь волшебникъ.

Между тѣмъ, дни черезъ три послѣ сего приключенія, нѣкто изъ придворныхъ моихъ объявилъ мнѣ, что прохаживаяся въ рощѣ, внѣ моего дворца, сошелся онъ съ молодымъ человѣкомъ, который, выспрося у него о господинѣ замка, просилъ его увѣдомить меня о себѣ, и испросить дозволѣнія передъ меня предстать, объявляя притомъ, что въ помощи моей имѣетъ онъ превеликую нужду. Человѣколюбіе мое склонило ме-

ня тотчасъ согласиться на его прозьбу: я приказалъ его привесть къ себѣ, что въ тотъ же часъ и исполнено было. Какъ скоро онъ ко мнѣ вошелъ, то повалясь мнѣ въ ноги, просилъ себѣ моего покровительства. Я его поднявъ, обнадеживалъ моею дружбою, и просилъ его сказать мнѣ, въ чемъ ему могу услужить. На что онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что Исторію свою желаетъ мнѣ разсказать на единѣ. Чего ради приведши его въ сей кабинетъ, просилъ его вторично разсказать мнѣ свою повѣсть, въ чемъ онъ меня тотчасъ и удовольствовалъ.

ПОВѢСТВОВАНІЕ ХИТРАНОВО.

Я называюсь, говорилъ онъ мнѣ, Хитранъ, отечество мое Кипай: а жизнію моей одолженъ я Богдохану. Я былъ одинъ сынъ у моего отца, и былъ бы завсегда благополученъ, ежелибъ не имѣлъ у себя сестры, которая всему моему несчастію причина. Не удивляйся, Государь, примолвилъ онъ, моимъ словамъ: слѣдованіе моей повѣсти докажетъ тебѣ, что я имѣю причину такъ говорить.

Сестра моя продолжалъ онъ, имѣвъ и свойствами Леста, имѣла у себя многихъ

многихъ жениховъ, подданныхъ и союзныхъ намъ Государей: но только не хотѣла ни съ кѣмъ изъ нихъ вступить въ бракъ. Я вопрошалъ ее иногда о причинѣ ея отвращенія къ замужству, на что она отвѣтствовала мнѣ однѣми только слезами. Но нѣкогда вздыхая мнѣ говорила, что она и сама любитъ, но не изъ тѣхъ, которые къ ней сватаются, а такова, который о любьви ея къ себѣ ничего не знаетъ, и можетъ быть самъ прельщенъ уже другою. Я не зная совсѣмъ, о комъ она говорила, спрашивалъ ее, кто онъ таковъ, и дозволяетъ ли его состояніе вступить ей съ нимъ въ супружество. Сіе то и причина моей горести, отвѣтствовала она, что я не могу я ласкаться имѣть его моимъ мужемъ; но что касается до его состоянія, то онъ такой же знатной крови, какъ и я, и столь прекрасенъ, какъ ты. По сихъ словахъ она закраснѣлась, и потупила глаза свои въ землю. Я старался дойти мысленно до того предмѣта, которымъ сердце ея воспламенилось; но не могъ ни на кого помыслить потому описанію, какое она мнѣ сдѣлала.

Между

Между тѣмъ приходилъ тотъ день, въ который мысли ея къ моему несчастїю открылись. Я былъ влюбленъ въ дочь перваго Министра моего родителя: любовь моя была до тѣхъ поръ тайна; но тогда открылась она къ неблагополучїю нашего дома. Нѣкогда прохаживался я съ моею любовницею въ саду нашего дворца: наконецъ походя довольное время и уставъ, вошли мы въ пещеру, которая раздѣлялась на нѣсколько жилищъ. Въ одномъ изъ оныхъ отдыхая, началъ я любовницѣ моей изъяснять жаръ моей любьви: обыкновенныя рѣчи любовниковъ, ласкающихся къ своимъ любезнымъ. Долго бы я пробылъ въ семъ упражненїи, естьлибъ причинившейся шумъ, въ другомъ покоѣ пещеры, не прервалъ моихъ удовольствїй, и не принудилъ туда пойти, дабы увѣдать оной причину. Не мало я удивился увидя сестру мою лежащую тамъ въ обморокѣ. Не приписывая ничему кромѣ болѣзни сей ея припадокъ, сталъ я помогать ей, и стараніями моими привелъ ее вскорѣ въ прежнее чувство. Когда она опамятовалась, то проливъ напередъ нѣсколько слезъ, начала мнѣ выговаривать нѣжнымъ образомъ за приключеніе ей сего

при-

припадка, приписывая оной любьви моей къ такой особѣ, которая недостойна моей горячности, имѣя ниже моего состоянїе. Слова ея не инако я сочелъ, какъ дѣйствїемъ ея честолюбїя и гордости; но оныя были дѣйствїемъ наипозорнѣйшей страсти, гнуснѣйшей обѣихъ сихъ пороковъ.

Сїе приключенїе принудило насъ оставить садъ, и возвратиться въ покои нашего дворца, куда долженъ былъ я проводить по благопристойности сестру мою. Во время нашей дороги старалася сестра моя отвратить меня отъ моей обладательницы всѣми силами: то опорачивая любовь мою къ ней, то охуждая качества ея и поступки. Напослѣокъ видя, что я не соглашаюсь на ея желанїемъ, сказала мнѣ сердитымъ голосомъ, что она не потерпитъ, чтобъ я посрамилъ [illegible] породу столь нискимъ союзомъ. И тотже день откроетъ нашему родителю о любьви моей. Сказавъ сїе ушла отъ меня поспѣшно, и точно въ самой тотъ день объявила Богдохану о моей страсти. Но родитель мой, призвавъ меня къ себѣ, и услыша о сильной моей любьви, смягчась притомъ моими слезами и прозьбами, соизволилъ на мое

желанїе,

желаніе, чтобъ я совокупился бракомъ съ моею любезною; хотя и намѣрился было сперва женить меня на дочерѣ нѣкотораго союзнаго намъ Государя.

Принесся ему тысячу благодареній, вышелъ я отъ него въ превеликомъ восхищеніи, и побѣжалъ къ моей любовницѣ сообщить ей сію радостную вѣдомость. Препроводя съ нею нѣсколько минутъ въ безпрерывныхъ восторгахъ и возхищеніяхъ, вздумалось мнѣ пойти къ моей сестрѣ, чтобъ огорчить ее сею вѣдомостію, и наказать за то, что она хотѣла меня разлучить съ моею любезною.

Пришедъ къ ней, объявилъ ей съ радостнымъ лицемъ соизволеніе моего родителя. Вѣсть сія столько ее поразила, что она упала безъ памяти. Я старался ей помочь: она отворя смутные свои глаза, смотрѣла на меня долго проливая слезы. Потомъ, выславъ всѣхъ своихъ служительницъ изъ комнаты, просила меня сѣсть подлѣ себя, и пожимая мою руку нѣжнымъ образомъ, окропляла ее слезами, вздыхая притомъ непрестанно. Ахъ! вскричала она напослѣдокъ: для чего твое сердце не таково же какъ и мое? Не тѣмъ ты мнѣ, жестокой,

плашишь,

платишь, продолжала она, чего достойна любовь моя къ тебѣ! Я не пожалѣю пролить всей моей крови за одинъ твой взглядъ, за одно твое ласковое слово, которыми пользуется отъ тебя непрестанно недостойная твоя любовница. Любовь моя къ тебѣ такова, какою никто, и ни къ кому еще не воспламенялся. Постой! продолжала она, видя мое удивленїе и желанїе прервать ея рѣчь, дай мнѣ выговорить тебѣ все, что чувствуетъ моя душа. Такъ, ты не обманываешься, ежели усматриваешь въ словахъ моихъ такую къ себѣ любовь, какой сестрамъ не позволено имѣть къ братьямъ. Я ее чувствую къ тебѣ, и столь сильну, что ни сами Боги не въ силахъ ее вырвать изъ моего сердца. Она одна составляетъ все мое на свѣтѣ блаженство: безъ нее и жизнь бы моя была мнѣ несносна; и смерть мою останавляетъ одна только надежда получить когда нибудь твое соотвѣтствїе. Вотъ моя тайна, которуюбъ тебѣ никогда я не открыла, ежелибъ самъ ты непринудилъ меня къ етому. Теперь не остается мнѣ инаго тебѣ сказать, какъ просить твоего отвѣта, которой ты можешь учинить вонзя въ меня сей кин-

жалъ, или въ сердце недостойной моей соперницы.

Сіе нечаянное ея открытіе привело меня въ такое недоумѣніе, отъ коего долго не могъ я освободиться; напослѣдокъ началъ я ее уговаривать, чтобъ она оставила сію безумную страсть, которая кромѣ стыда и безчестья ничего ей не можетъ принесть. Слова мои, которыя лишили ее всей надежды, привели ее въ ужасное бѣшенство: она начала рыдать, проклинать мою любовницу, и дѣлать все то, что свойственно въ такихъ случаяхъ бѣшенымъ женщинамъ. Напослѣдокъ, выхвативъ у меня кинжалъ, хотѣла пронзить себѣ грудь, до чего однакожъ я ее не допустилъ, сколько она ни старалась намѣреніе свое исполнить. Я угрожалъ ей, что позову ея служительницъ, и увѣдомлю родителя о беззаконной ея страсти, ежели она предпріятія своего не оставитъ. Изрядно! сказала она мнѣ на то, бросая на меня яростные взоры, я его оставлю, но не для того, чтобъ влачить безполѣзную и горестную жизнь, терзаяся мучительнѣйшимъ пламенемъ къ неблагодарнѣйшему изъ человѣковъ, а чтобъ пронзить оружіемъ симъ ту, ко-

которая

торая осмѣлилась отнять у меня такое сердце, коего сама недостойна. Сказавъ сіе, кликнула своихъ служительницъ, а меня просила удалиться. По желанію ея вышелъ я отъ нее вонъ, не надѣяся въ тогдашнемъ состояніи привесть ее въ разсудокъ.

На другой день, пришедъ къ ней, чтобъ повторить ей мои совѣты, дабы она оставила безпутную свою страсть, нашелъ ее совсѣмъ спокойну, и согласну на всѣ мои разсмотрѣнія. Толь скорую перемѣну ея чувствій, ни мало не вздумалъ я тогда подозрѣвать, сочтя оное дѣйствіемъ ея размышленій и страхомъ, дабы не обезславиться такимъ порокомъ, который отъ всѣхъ человѣковъ въ презрѣніи находится, и почитается беззаконнымъ. Обрадуясь счастливой сей перемѣнѣ, хвалилъ ее, что она такъ разумно здѣлала, побѣдя такую страсть, которая кромѣ позора, и безплоднаго мученія, ничего ей не обѣщала. Потомъ, утвердя ее въ мысляхъ сихъ наиболѣе, пошелъ отъ нее весьма спокоенъ, не предвѣщая себѣ никакихъ напастей.

Вскорѣ послѣ того женился я на моей любовницѣ. Весь нашъ дворъ радовался сему браку; ибо первый Министръ

всѣми былъ любимъ за добродѣтель свою и правосудїе. День нашего брака торжествованъ былъ со всевозможнымъ великолѣпїемъ: всѣ знатные бояра были приглашены къ столу, который продолжался до полуночи. По окончанїи онаго препровожденъ я былъ съ молодою моею супругою въ брачную комнату, и оставленъ на произволъ любьви и нѣжности. Какоежъ было тогда мое веселїе, когда я увидѣлъ себя полнымъ обладателемъ той, которая любезнѣе мнѣ была всего на свѣтѣ! Будучи отъ радости внѣ себя, бросился я передъ нею на колѣни: цѣловалъ стократно ея руки, и клялся ей вѣчною вѣрностїю. Но въ самомъ жару моихъ восхищенїй, застучались у дверей: сей стукъ произвелъ въ моемъ сердцѣ нѣкое устрашительное волненїе: тайный страхъ, и прерванїе удовольствїя, вкушаемаго мною тогда, востревожили всю во мнѣ кровь, и произвели во всѣхъ моихъ жилалъ трепетанїе. Подошедъ ко дверямъ спрашивалъ я, кто стучится: на вопросъ мой отвѣтствовано мнѣ тихо, чтобъ я отворилъ дверь; ибо имѣютъ до меня прекрайнюю нужду, которая не терпитъ нималѣйшаго мѣдленїя. Сїе еще болѣе востревожило

меня:

меня: я отперъ тотчасъ двери, и увидѣлъ вошедшую ко мнѣ сестру мою.

Я пришла сюда, говорила она мнѣ съ ласковымъ лицемъ, показать тебѣ такую услугу, какую можетъ здѣлать такая только сестра, какова я. Потомъ, отведя меня къ сторонѣ, сказала мнѣ, что она принесла такое питье, которое предохраняетъ женъ отъ невѣрности. Симъ напиткомъ, продолжала она, хочу я услужить молодой твоей супругѣ, что предохранитъ ее отъ всякихъ соблазновъ. Пускай она теперь же его выпьетъ, говорила она вынимая изъ кармана скляночку, и подавая ее мнѣ; ибо завтра оно никакого дѣйствія имѣть для нее не будетъ. Сказавъ сіе, начала она ласковымъ образомъ принуждать меня, чтобъ я заставилъ мою жену выпить сей напитокъ, предвѣщая мнѣ отъ того непоколѣбимую ея вѣрность. Сіе лестное обѣщаніе, побужденія ея, и благопристойность съ моей стороны, дабы не огорчить толь ласковой сестры за ея усердіе ко мнѣ, склонили меня прозьбу ея исполнить; на что и жена моя согласилась.

Сестра моя, видя ее пьющую, мѣшала на нее радостные взгляды, кои толь-

ковалъ я тогда усердіемъ ея ко мнѣ. Теперь я торжествую! вскричала она потомъ, увидя, что жена моя все допила: напитокъ сей конечно сохранитъ ее отъ вѣчнаго непостоянства; ибо ето столь лютый ядъ, что никакое лѣкарство не можетъ его одолѣть. А чтобъ исполнить все то, продолжала она яростно, чѣмъ я ей должна, такъ вотъ ей мой подарокъ на свадьбу. По сихъ словахъ вонзила она въ грудь бѣдной моей супруги кинжалъ, который она до тѣхъ поръ въ сокрытіи держала. Рвись теперь, мучитель мой! возопила она ко мнѣ въ бѣшенствѣ: и заплати терзаніемъ за то, мученіе, которое ты мнѣ причинилъ.

Представь себѣ, Государь! говорилъ мнѣ печально незнакомецъ, каково было тогда мое состояніе? Я думаю, что молнія снисшедшая съ небесъ не привела бы меня въ такое изумленіе и ужасъ, въ какихъ тогда я находился. Наконецъ гнѣвъ, преодолѣвъ всѣ прочія движенія, объялъ меня: я не могъ въ тогдашнемъ состояніи ему воспротивиться, и поразилъ тѣмъ же кинжаломъ лютую мою сестру, которымъ она умертвила несчастную мою супругу. Умри и ты, вскричалъ я ей, беззаконница! и ступай во

адъ

адъ подъ область Фурій, которыхъ ты въ злобѣ своей превосходишь.

На стукъ паденія пораженныхъ, и крикъ нашъ, вошло къ намъ нѣсколько людей, а за ними вскорѣ и родитель мой. Два окровавленные трупа поразили всѣхъ удивленіемъ и страхомъ: а наипаче родителя моего. Я бросясь предъ него на колѣни, разсказалъ ему все сіе печальное произшествіе; и будучи объятъ горестію и отчаяніемъ, просилъ его лишить меня жизни какъ смертоубійцу. Ахъ! сказалъ мнѣ родитель мой проливая слезы; ты неповиненъ, хотя и лишилъ жизни свою сестру; всякой братъ тожде бы здѣлалъ, увидя погибающую свою супругу. Несчастливъ одинъ твой отецъ, продолжалъ онъ, который и къ беззаконнымъ дѣтямъ не можетъ изтребить вдругъ горячности, вселенной въ сердца наши природою.

Приближенные бояра старалися утѣшить какъ родителя моего, такъ и меня; и приказали вынесть вонъ тѣла супруги и сестры моей, дабы не умножать нашихъ сокрушеній печальнымъ симъ зрѣлищемъ. Я препроводя родителя моего въ спальню, старался его утѣшать, хотя и самъ немепьше требовалъ

утѣшенїя. Вся ночь почти прошла во взаимныхъ вздохахъ и стенанїяхъ; на конецъ уже на зорѣ родитель мой успокоился сномъ, что и мнѣ совѣтовали здѣлать. Я бросился въ постѣлю не столько для сна, какъ чтобъ отдаться свободнѣе моей горести, которой никогда ничѣмъ не могъ я преборотъ.

Долго не могъ я заснуть, терзаяся разными ужасными воображенїями: то представляя себѣ плачевную смерть моей супруги, то воображая люпость моей сестры, и мщенїе мое учиненное ей. Въ сихъ мысляхъ постигъ меня сонъ; но не для успокоенїя, а для лютѣйшаго моего страданїя. Приснилась мнѣ сестра моя въ такомъ точно видѣ, въ какомъ она лежала будучи отъ меня поражена: платье ея было всюду окровавленно, волосы растрепаны, на лицѣ ея присутствовали гнѣвъ и яростъ. Она влекла за волосы несчастную мою супругу, испускающую стонъ и вопли, и пронзала ее безпрестанно кинжаломъ. Я бросился къ ней на помочь, и хотѣлъ поразить саблею ея мучительницу, какъ сестра моя поднявшись съ нею на воздухъ: нѣтъ, мучитель мой! вскричала ко мнѣ яростнымъ и ужасающимъ голосомъ: ты не

отнимешь у меня моей жертвы; но самъ
страшись мщенїя моего, варваръ! ужасная
моя тѣнь повсюду станетъ слѣдовать
за тобою, и отмщевать тебѣ мое убїй-
ство. По сихъ словахъ вонзила она въ
меня кинжалъ, и стала невидима. Сей
ударъ такъ меня встревожилъ, что я
проснулся, и не опамятовавшись еще со-
всѣмъ, осматривался гдѣ я раненъ: но
не видя никакого пораженїя, опомнился,
что ето во снѣ мнѣ представилось. Но
покмо страхъ мой нимало тѣмъ не
уменшился: я трепеталъ и ужасался
думая, что сновидѣнїе сїе грозитъ мнѣ
новымъ какимъ ни есть несчастїемъ.
Одевшись поскорѣе, пошелъ я къ моему
родителю, и объявилъ ему о сей устра-
шительной мѣчтѣ. Сонъ мой и его не-
мало встревожилъ: онъ также думалъ,
что мѣчтанїе сїе заключаетъ въ себѣ
тайность; чего ради приказалъ позвать
къ себѣ Первосвященника, къ совѣтамъ
коего прибѣгалъ онъ обыкновенно во вся-
кихъ недоумительныхъ случаяхъ.

Хейхоамъ, такъ назывался сей пер-
восвященникъ, повыслушанїи моего снови-
дѣнїя, объявилъ причиною онаго не очи-
щенїе мое отъ убїйства; чего ради со-
вѣтовалъ поскорѣе очистить меня по

законнымъ обрядамъ, что въ тотъ же день и исполнено было. Но мученїе мое тѣмъ неумалилось; въ наступившую ночь опять сестра моя мнѣ явилась: кляла, терзала меня, и угрожала не давать мнѣ вѣчно покоя. Сей ужасный сонъ, и другїе слѣдовавшїе за нимъ, заставили моего родителя, коему объ оныхъ объявлялъ я и жаловался, приносить моленїя и жертвы; но ничто не могло отогнать отъ меня привидѣнїя. Оно мучило уже меня и наяву, представляясь мнѣ въ ужаснѣйшихъ видахъ. Всѣ способы были употреблены къ его отогнанїю; но ничто не могло освободить меня отъ него. Напослѣдокъ присовѣтовалъ родителю моему Хейхоамъ, чтобъ онъ отпустилъ меня путешествовать, и объѣхать всѣ славныя пророчества для изтребованїя отъ оныхъ совѣта, какъ освободиться отъ устрашающаго меня сновидѣнїя.

По полученїи дозволенїя отъ моего родителя, поѣхалъ я немѣдленно, и по довольномъ странствованїи, пріѣхалъ я наконецъ въ Дельфы, желая узнать отъ Аполлона мою судьбу, о коей всѣ пророчества темно изъяснялись. По очищенїи и принесенїи жертвы, вошелъ я въ храмъ,

ожидая

ожидая Пиѳїина отвѣта, которая вскорѣ пришедъ за мною, сѣла на священный треножникъ, и наполнясь вдохновеніемъ, неистовясь и скрежеща, произнесла мнѣ слѣдующее прорицаніе.

Пришелъ ты трепеща, отойдешь ужасаясь,
И вѣкъ свой повлачишь среди всегдашнихъ золъ,
Доколѣ ненайдешъ, по Индіи скитаясь,
Изъ крѣпкихъ вѣчныхъ розъ блистающій престолъ.

Сіе пророчество привело меня въ недоумѣніе: я не зналъ куда ѣхать, и гдѣ искать престола изъ розъ, отъ котораго прорицаніе обѣщало мнѣ помощь; напослѣдокъ, не зная лучшаго средства ко освобожденію отъ привидѣній, предпріялъ ему повиноваться, и проѣхать всю Индію для сысканія обѣщанной помощи. И такъ, взявъ твердо сіе намѣреніе, выѣхалъ я изъ Дельфъ, принесся еще жертву Аполлону. Потомъ пріѣхавъ къ морю, нанялъ я корабль, на которомъ пустился въ море, льстясь надеждою скораго освобожденія отъ безпрестанныхъ моихъ устрашеній. Мореплаваніе наше было нѣсколько дней спокойно: но напослѣдокъ возстала преужасная буря, которая продолжаясь болѣе мѣсеца,

ца, носила нашъ корабль по своей волѣ, и на конецъ оной разбила. Тогда всякой, изъ насъ старался тюкмо спасти свою жизнь, какъ кому можно было: я схватилъ доску, которая по счастью моему мнѣ попалась; и держась за нее крѣпко отдался на произволъ волнамъ. Я непомню сколько времени меня носило на морѣ; ибо ужасъ, воспослѣдовавшей по разбитіи корабля, лишилъ меня всѣхъ чувствъ; и я опамятовался уже на берегу, на которой меня выбросило.

Благодаря Небу за сохраненіе моей жизни, пошелъ я оттуда, желая сыскать какое нибудь жилище. По счастію попалась мнѣ вскорѣ деревня, въ которой я отдохнувъ и укрѣпясь пищею, отправился въ ближней отъ того мѣста городъ. Приставъ въ ономъ у торгующаго пряными кореньями купца, спрашивалъ у него, не знаетъ ли онъ такого Государя, у коего престолъ здѣланъ изъ розъ. Нѣтъ, отвѣтствовалъ онъ, объ едакомъ я неслыхивалъ; хотя и путешествовалъ по всей Индіи. Я спрашивалъ о томъ у другихъ: однакожъ всѣ невѣденіемъ мнѣ отозвались. Сіе безъизвѣстіе лишало меня всей надежды во исканіи моемъ; однакожъ предпріятія своего я не оставилъ,

лься напослѣдокъ сыскать то, чего искалъ. Долго путешествіе мое продолжалось: ибо, будучи лишенъ кораблекрушеніемъ всего, принужденъ былъ странствовать пѣшкомъ; и наконецъ по многимъ трудностямъ достигъ до сего замка, въ которомъ страданіе мое надѣюсь окончить. Ибо я слышалъ, Государь, продолжалъ онъ, отъ твоего придворнаго, что у тебя находится престолъ изъ розоваго яхонта, на коемъ вырѣзаны сего рода цвѣтки.

По окончаніи своей повѣсти, продолжалъ Видостанъ, бросился онъ опять мнѣ въ ноги, прося моей помощи. Я его поднялъ, обнадеживая моею пріязнію, и обѣщавая употребить все въ его пользу, что только будетъ состоять въ моей власти. Сіе обѣщаніе перемѣнило печальный его видъ въ веселый: онъ просилъ меня поскорѣе ему помочь; ибо ужасное привидѣніе моей сестры, говорилъ онъ, завсегда лишаетъ меня пріятностей сна: а не рѣдко и на яву меня ужасаетъ. Я согласился охотно на его желаніе: и въ тотъ же часъ взявъ мою книгу, сыскалъ въ ней ту статью, въ коей описаны были заклинанія на привидѣнія, и выписавъ пристойное къ

его

его обстоятельству, отдалъ Хитрану, чтобъ употребилъ его въ оборону отъ привидѣнія. Хитранъ, поблагодаря меня, просилъ дозволенія жить въ моемъ замкѣ по тѣхъ поръ, пока онъ совершенно освободится отъ привидѣнія. Я и на то безъ всякаго отрицанія согласился. Послѣ того вышедъ съ нимъ изъ кабинета, представилъ его Полоцкому Князю, который находился тогда въ залѣ съ моими придворными. Всѣ его привѣтствовали, и получили отъ него равномѣрныя ласки. Онъ столько намъ разговорами своими понравился, что сочли его всѣ самымъ честнымъ и достойнымъ человѣкомъ всякаго почтенія; хотя онъ оказался напослѣдокъ обиталищемъ адскія злобы, и всякихъ беззаконій.

Остатокъ того дня препроводилъ я съ моими гостями весьма весело, не предвѣщевая себѣ никакого зла. На другой день Хитранъ пришедъ ко мнѣ объявилъ, что онъ все исполнилъ по предписанію моему, дабы прогнать привидѣніе, но нимало въ томъ не могъ успѣть; и еще болѣе раздражилъ его на себя. Я весьма сему удивился; ибо до тѣхъ поръ книга моя никогда не обманывала меня въ своемъ дѣйствіи. Сіе побудило

меня

меня спросить въ томъ изъясненїя у моего кольца, въ которомъ заключенный Духъ отвѣтствовалъ мнѣ ниже слѣдующими словами, произнесенными съ ужасомъ и смятенїемъ.

Брегися, Видостанъ: мѣчтанїе хошь пщетно,
Но можетъ навлещи напасти непримѣтно;
Храни свою стрѣлу: злодѣй ее дрожитъ:
А привидѣнїе закляттїй не бѣжитъ.

Сїи слова привели меня въ недоумѣнїе: я незналъ какой имъ дать разумъ: слышалъ, что Духъ совѣтовалъ мнѣ беречься; и въ тоже время объявлялъ, что мѣчтанїе пщетно, и можетъ нанести бѣды; что есть у меня злодѣй, что надобно хранить стрѣлу; и что привидѣнїе отъ закляттїй не бѣжитъ. Сїе побудило меня опять спрашивать Духа объ изъясненїи его словъ, на что отвѣтствовалъ онъ мнѣ слѣдующее.

Едва мои уста безплодно отверзаю:
Прослушаться его закляттїй не дерзаю;
За рѣчь одну на вѣкъ во адъ могу низпасть.
Страшись его! страшись! шы можешь самъ пропасть.

Сей отвѣтъ привелъ меня въ пущее недоумѣнїе и ужасъ: гостъ мой также вспре-

встревоженъ былъ симъ отвѣтомъ; да и причину имѣлъ къ тому. Конечно ето, говорилъ онъ мнѣ, не сестра моя представляется мнѣ привидѣнїемъ, а какая нибудь Адская Фурїя, испущенная на меня Богами за мое смертоубійство. Я бы не сталъ тебя, Государь, продолжалъ онъ, просить еще о помощи себѣ, слыша и о твоей опасности, ежелибъ Дельфисское пророчество не обнадежило меня, что ты точно помочь мнѣ можешь. Да и по отвѣту твоего Духа видно, что етотъ злодѣй, то есть привидѣнїе, которое не боится заклятїй, страшится твоей стрѣлы. И такъ, сколько для моей, столько и для твоей собственной безопасности, надобно ето проклятое страшилище прогнать опять во Адъ. Да какъ же можно ето здѣлать, говорилъ я ему, когда оно не боится заклятїй? Помощїю твоей стрѣлы, отвѣтствовалъ онъ, о коей Духъ твой тебѣ говорилъ. Слова его показались мнѣ въ тогдашнемъ моемъ смятенїи довольно справедливы. Я согласился дѣйствовать моею стрѣлою, противъ которой никакая сила устоять немогла.

Но понеже привидѣнїе являлося ему одному, то я незналъ, какимъ образомъ

ему

ему помочь. Китаецъ просилъ меня повѣрить стрѣлу его рукамъ на одинъ токмо сутки, обѣщавая прогонить ею свое привидѣнїе, когда оно ему представится. Прозьба его показалась мнѣ справедлива: отдалъ я ее ему, не воображая себѣ никакихъ отъ того бѣдствїй.

Но едва онъ принялъ ее отъ меня, какъ схвативъ меня въ охапку, топнулъ ногою въ полъ, который отъ того разступился, и бросился со мною въ сіе отверстїе. Во время нашего паденїя, вскричалъ онъ ко мнѣ страшнымъ и сердитымъ голосомъ: наконецъ я торжествую надъ тобою, гордый непрїятель! Познай по дѣйствїямъ симъ Карачуна, котораго ты думалъ побѣжденнымъ тобою: и научись наказанїемъ своимъ почитать сильнѣйшихъ и разумнѣйшихъ тебя.

По окончанїи словъ его, очутились мы въ той пещерѣ, въ коей вы меня нашли. Вотъ какое великолѣпное жилище тебѣ я приготовилъ, говорилъ мнѣ карло насмѣхаясь, прїявъ свой прежнїй видъ: ты въ немъ до тѣхъ поръ будешь, пока твоя стрѣла возвратится къ тебѣ опять. Проговоря сїе дунулъ на меня, и изчезъ; а я превратился въ тотъ видъ,

въ которомъ вы меня нашли: и увидѣлъ себя прикованна къ стѣнѣ, подъ стражею у острова, коего приставилъ ко мнѣ Карачунъ, и которому приказано было всѣхъ тѣхъ умершвлять, кто покусится меня освободить изъ неволи. Вы я чаю примѣтили, говорилъ Видостанъ своимъ гостямъ, что острова держалъ мраморную дощечку: на ней было написано заклятïе, удерживавшее мое очарованïе: оно не могло ничѣмъ разрушиться кромѣ моей стрѣлы. Впрочемъ ни оковъ моихъ, ни острова никто не могъ видѣть кромѣ тѣхъ, кои долженствовали принесть ко мнѣ сïю стрѣлу.

Представь себѣ, государь мой, говорилъ Индѣецъ Свѣтлосану, какое было тогда мое удивленïе, увидя живаго Карачуна, и низверженнаго себя въ бездну, изъ коей не имѣлъ я почти надежды выйти! Горесть и бѣшенство овладѣли моимъ сердцемъ, что далъ себя обмануть моему злодѣю. Въ крайности моей не зналъ я къ чему прибѣгнуть; всѣ способы къ избавлёнïю моему были закрыты: и не оставалося мнѣ никакой помощи кромѣ моего кольца. Я его пожалъ: симъ образомъ вызывалъ я его изъ кольца: Духъ предсталъ передо мною въ уныломъ

лемъ образѣ, ожидая моего приказанїя. Я спрашивалъ его сердитымъ и съ печалїю смѣшаннымъ голосомъ, для чего онъ допустилъ обмануть меня Карачуну, и не предувѣдомилъ объ его хитрости. Духъ отвѣтствовалъ мнѣ на сїе слѣдующею рѣчью.

Несчастїя сего ты самъ себѣ причиной:
Ты легковѣрїемъ обманутъ, не судьбиной.
Не ясно ли тебѣ отвѣтъ мой объявилъ,
Чтобъ ты стрѣлу свою со тщанїемъ хранилъ?
Злодѣй твой вымыслилъ свое повѣствованье,
Чтобъ лучше получить успѣхъ въ своемъ желанье.
Одна твоя стрѣла причиною была,
Что злость его тебя столь поздо пожрала.
Ее боялся онъ, ее онъ ужасался,
И всѣми силами отомъ одномъ старался,
Чтобъ волей онъ тебя ее себѣ доспать,
Не могши краемею сей вещью завладать.
Не можно было мнѣ сказать тебѣ то ясно,
Что посѣщенїе его къ тебѣ опасно;
Едва я вымолвилъ, чтобъ ты стрѣлу хранилъ,
Какъ онъ на мой языкъ оковы наложилъ.
Заклятїя его я долженъ былъ бояться,
Когда ему самъ Адъ не смѣетъ противляться.
Теперь молчанїе хранишь я свобожденъ;
Уже его обманъ жестокїй совершенъ.

Онъ и меня въ своей подверегъ свирѣпой власти,
Когда бъ не сохранилъ меня отъ сей напасти,
Прославной книги сей, волшебныя шворецъ,
Котору у тебя хотѣлъ похитить льстецъ.
Мой рокъ меня тому лишь только подвергаетъ,
Кто сею книгою волшебной обладаетъ.
Во вѣки буду я подъ властію твоей,
Коль самъ не подаришь кому ты книги сей,
Которая смерть твою теперь останавляетъ,
И злобу твоего тирана притупляетъ.
Спокойся: скоро ужъ его минется власть:
Ужъ ближится его свирѣпая напасть;
Злодѣйствами его разгнѣванные Боги,
Къ погибѣли его устроили дороги.
Младый Славенскій Князь, прехрабрый Свѣтлосанъ,
Назначенъ сокрушить сей грозный истуканъ.
Тебѣ совѣтую назвать себя Пророкомъ:
Ты можешь имъ прослыть при знаніи глубокомъ.
Которо мнѣ Судьбамъ угодно было дать,
И коимъ я тебѣ подщуся помогать.
Пророчествомъ къ себѣ ты привлечешь народы
И можешь ожидать отъ нихъ своей свободы,
Которую тебѣ потомъ можетъ возвратить
Кто согласится той спирѣлою подарить,
Которой ты владѣвъ сегодни, спалъ нещастенъ,
И надъ которою тиранъ твой лютъ властенъ.

На

Не долго будетъ онъ стрѣлой сей обладать:
Не долго и тебѣ свободы ожидать,
Когда послѣдуешь ты моему совѣту.
А вопрошающимъ отъ устъ твоихъ отвѣту,
Вели себѣ стрѣлу за оный приносить,
Какою кто тебя возможетъ подарить.
Стрѣла твоя однимъ симъ можетъ возвратиться,
И благоденствіе твое возстановиться.

Сіи его слова ободрили унылое мое сердце: и на мѣсто ужаса и отчаянія вселили въ него упованіе и радость. Переспрашивалъ я его не однократно о всемъ томъ, о чемъ онъ мнѣ ни говорилъ. Наконецъ, будучи удовольствованъ во всемъ его отвѣтами, вздумалось мнѣ узнать, для чего онъ говорилъ все стихами, а не прозою. На сей вопросъ Духъ мой улыбнулся, и отвѣтствовалъ мнѣ такъ.

Пока еще твоей не преданъ былъ я власти,
Начальникомъ я былъ людей не малой части;
У коихъ завсегда стиховъ исполненъ рошъ,
И для того и самъ я прозванъ Рифмоглотъ.
Сей родъ людей почтенъ названіемъ стихотворцовъ,
Провозвѣщателей судебъ, порокоборцовъ.
Однакожъ я не тѣхъ начальникъ былъ умовъ,
Которы таинство нашли волшебныхъ словъ,

Свирѣп-

Свирѣпство укрощать, и претворять въ геройство,
Раздоры прогонять, и водворять спокойство;
Необходительныхъ, свирѣпѣйшихъ звѣрей,
Собрать и укротить, и претворить въ людей.
Владычество мое надъ тѣми простиралось,
У коихъ разума на пядь не протягалось,
Которы даръ нашли недумавшій писать,
И враками народъ нещадно отягчать;
Гордиться больше всѣхъ прегнусными стихами,
И похулителей ихъ враковъ считать скопами,
Достойны сами чѣмъ назваться преждѣ всѣхъ,
И заглаждать такимъ признаніемъ свой грѣхъ.
Съ такими обходясь жужжащими свѣрчками,
Привыкъ я говорить на рифмахъ и стопами:
Въ чемъ также мнѣ моя и должность помогла,
Которая въ пущее ихъ бѣшенство влекла.
Дыханія мои ихъ кровь воспламеняли,
И мрачную ихъ желчь съ безумьемъ съединяли.
Негодные стихи, и злобу въ ихъ позоръ,
Являло ихъ перо передъ народный взоръ.
Изъ рукъ ихъ ничего во вѣкъ не выходило.
Которобъ не смѣшно и непоносно было.
Мнѣ должно было ихъ всечастно посѣщать,
И къ разсужденію ихъ умъ не допущать:
Вселять въ нихъ вздорныя и злыя воображенья,
И возбуждать стихи марать безъ разсужденья,
Но наконецъ ихъ родъ, къ несчастью моему,
Разпространился такъ къ позору своему,

Что

Что мѣшя вѣ нищаго; бродягу, крючкотворца
Попалѣ бы ужѣ всегда шы прямо вѣ стихотворца.
Хошь былѣ не утомимѣ, досуженѣ я, и Духѣ,
Но сладить не возмогѣ сѣ толпой сихѣ гнусныхѣ мухѣ,
Изѣ коихѣ многїя, сколь мерско ни пищали,
Названїе людей великихѣ похищали.
За небреженїе такое Князь Духовѣ,
Другому власть отдавѣ надѣ шайкой сихѣ скотовѣ,
Подвергѣ меня на вѣкѣ несчастной сей судьбинѣ,
Вѣ которой нахожусь невольникомѣ я нынѣ.

Повѣсть его весьма меня увеселила: я разпрашивалѣ его о другихѣ разныхѣ обстоятельствахѣ, начто онѣ мнѣ такѣ же стихами отвѣтствовалѣ. Такимѣ образомѣ утѣшалѣ онѣ меня до самаго того дня, вѣ которой вы ко мнѣ пришедѣ, кончили мою неволю возвращенїемѣ моей стрѣлы, косю разрушилѣ я очарованїе; чему меня научилѣ мой Духѣ. Чтожѣ касается до произшедшаго шума и стука, по изреченїи мною нѣкоторыхѣ волшебныхѣ словѣ, опой произшелѣ отѣ дѣланїя Духами колесницы, вѣ коей вы очутились тогда, когда изчезла пещера. Вотѣ вся моя исторїя, о которой хотѣлѣ я васѣ увѣдомить.

Свѣтло-

Свѣтлосанъ и Бориполкъ, по окончаніи своего удивленія, благодарили его за повѣствованіе; послѣ чего Славенскій Князь спрашивалъ его о своемъ зятѣ. Ахъ! вскричалъ Индѣецъ, я хотѣлъ было сіе отъ тебя сокрыть, дабы не нанесть тебѣ сокрушенія: я увѣдомился отъ моего Духа, что по несчастіи моемъ пропалъ онъ изъ моего замка; и думаю, что похитилъ его Карачунъ; но впрочемъ Духъ мой въ семъ меня не увѣряетъ, ибо и самъ о томъ не вѣдаетъ, сколько онъ ни проницателенъ; тайна сія отъ него сокрыта.

Вѣдомость сія весьма опечалила Свѣтлосана, и разрушила его надежду, которую было сперва онъ возымѣлъ. Индіанинъ старался его утѣшить, обѣщавая освѣдомиться о немъ въ тотъ день. Въ слѣдствіе чего, взявъ свою книгу, прочелъ въ ней нѣчто: отъ чего возсталъ пресильный вѣтръ, отъ коего отворилися въ кабинетѣ окна. Въ оныя влетѣлъ съ превеликимъ шумомъ Вихорь, и превратися въ тужъ минуту въ молодаго крылатаго человѣка, предсталъ предъ Видостаномъ. Индѣецъ, поблагодаря его за поспѣшность, приказалъ ему облетѣть весь кругъ земный, и искать

Вельдюзя,

Вельдюзя, коего принесть къ нему въ замокъ, ежели онъ его найдетъ. Вихорь повиновался: а Видостанъ, попрося гостей своихъ слѣдовать за нимъ въ столовую комнату, объявилъ имъ идучи, что посланной имъ есть Духъ, имѣющей подъ властію своею вѣтры.

Стѣны столовой комнаты были украшены живописью, представляющею Золотое Время. На одной сторонѣ изображена была роща, украшенная плодоносными деревьями, коихъ плодами питалися первые человѣки. Въ сторонѣ видима была не большая горка, усыпанная цвѣтами, и по мѣстамъ украшенная Виноградомъ. На сей горкѣ лежала Чета молодыхъ людей разнаго пола, въ самомъ цвѣтѣ ихъ молодости: положеніе ихъ, и лица, изображены были лучше всей картины. Львы и Тигры лежали у ногъ ихъ, играя съ ягнятами и малыми звѣрками, изъясняя тѣмъ непорочность первыхъ временъ. Робкіе зайцы и олени мѣшалися между слоновъ и медвѣдей, не опасаяся отъ нихъ ни малаго себѣ вреда.

Другая стѣна изображала разныя забавы тогдашняго вѣка людей: одни играли на дудкахъ и свирѣлкахъ, другіе пѣли, иные плясали, и возбуждали другъ

друга къ непорочному веселію; нѣкоторые изъ нихъ наслаждалися плодами: а прочіе по уединеннымъ мѣстамъ ушопали въ любовныхъ прохладахъ. Малые ребята рѣзвилися также между собою, и съ такими звѣрями, коихъ люшость и самыхъ наихрабрѣйшихъ устрашаетъ нынѣ. Третья стѣна представляла конецъ Золотаго Вѣка, и отшествіе на небеса Астреи; а потолокъ украшенъ былъ изображеніемъ Олимпа.

Видостанъ, приведши въ сію комнату своихъ гостей, просилъ ихъ сѣсть за столъ, на которомъ, кромѣ приборовъ, и при нихъ книжекъ, ничего не было. Свѣтлосанъ и Бориполкъ весьма сему удивлялися: но пришли въ большее еще удивленіе, когда волшебникъ, сѣвъ съ ними за столъ, просилъ ихъ што кушать, что имъ угоднѣе покажется. Между тѣмъ разогнувъ свою книгу, и прочтя въ ней нѣчто, кинулъ свою тарелку на воздухъ: тарелка изчезла, а передъ нимъ явилось самое прелестнѣйшее кушанье. Я не удивляюсь, говорилъ Индіянинъ своимъ гостямъ, что вамъ приключеніе сіе кажется странно: я нарочно такъ сдѣлалъ, чтобъ васъ удивить, и показать могущество власти моей и знанія. Сіи книги,

предо-

предложенныя предъ васъ вмѣсто кушанья, содержатъ въ себѣ названія всего того, что вымысляла человѣческая роскошь для напитанія людей богатыхъ. Находятся въ нихъ и такія еще кушанья и плоды, о коихъ и до сихъ поръ не знаетъ свѣтъ, и не будетъ извѣстенъ. Ежели вамъ понравится которое изъ нихъ, то спроситъ вамъ только прочесть названіе его, и пожелать. Пожалуйте, примолвилъ онъ, сдѣлайте сему опытъ, выбравъ такую пищу, которая вамъ наилучшею покажется.

Свѣтлосанъ и Оруженосецъ его, посмотря въ свои книжки, и прочтя имена тѣхъ кушаній и плодовъ, которыя имъ наилучшими показались, пожелали ихъ: въ тотъ самый мигъ пустыя ихъ тарелки изчезли, а вмѣсто оныхъ явились исполненныя того, чего они желали. Прикушавъ онаго, усмотрѣли они, что одно человѣческое искусство не можетъ ихъ столь изрядно приготовить, въ разсужденіи вкуса и вида. Удивленіе ихъ возрастало при каждомъ ихъ пожеланіи. Въ напиткахъ также недостатка не было; и вкусъ ихъ не уступалъ нимало Нектару, питію Боговъ. Напослѣдокъ, когда голодъ ихъ и жажда со всѣмъ удовольствовались.

ствовались, тогда Видостанъ ударилъ три раза о столъ рукою: въ тотъ мигъ оный изчезъ; а они очутились въ садовой бесѣдкѣ.

Сколько Дворецъ великолѣпіемъ своимъ и богатствомъ привлекалъ вниманіе, столько садъ рѣдкостію деревьевъ и цвѣтовъ, и прочими украшеніями приводилъ въ удивленіе зрителей. Не было въ немъ ни одного простаго дерева: Абрикозовыя, Гранатовыя, Миндальныя, Оливковыя, Персиковыя, и прочія плодоносныя деревья составляли его рощи; Кипариссы, Лавры, Мирты, Пальмы, Виноградыстоставляли Алеи и Куртины; цвѣтники были наполнены всякими наилучшими цвѣтами, какіе только находятся въ поднебесной; истуканы, водомѣты, бесѣдки и пещеры были наилучшее подраженіе природы, и достопамятность прежнія ея со искуствомъ. Однимъ словомъ: вертоградъ сей превосходилъ описанныя стихотворцами Елисейскія поля.

Видостанъ, видя удивленіе своихъ гостей, старался умножить оное, показывая имъ всѣ рѣдкости онаго. Въ самое то время водяные Органы, птицы и Дріады совокупя свои голосы, составили такое пѣніе, какое человѣческому воображенію

раженїю невмѣстно. Тьма другихъ разнообразныхъ предмѣтовъ, въ коихъ искуство казалося превосходящимъ природу, приводили Славянъ въ пріятное восхищенїе: казалося имъ, что они находятся въ царствѣ Нїи, въ жилищѣ блаженныхъ тѣней, или въ прелестномъ обиталищѣ Божеспзенной Лады. Старался они насытить свои взоры каждою привлекающею ихъ рѣдкостїю: но красота другихъ отвлекала къ себѣ ихъ зрѣнїе, и переводила ихъ изъ удивленїя во удивленїе.

Еще не могли они обозрѣть сотой части удивительныхъ украшенїй сего сада, какъ Вихорь, посланный Видостаномъ искать Вельдюзя, прилетѣлъ къ нимъ неся съ собою желѣзную бочку. Вотъ гдѣ, сказалъ онъ Индїянину, положа свою ношу на землю, вашъ Вельдюзь: онъ заключенъ въ етой бочкѣ, я ее нашелъ на той страшной горѣ, въ кою превращены твои поддапные. Сей неожидаемый случай привелъ всѣхъ во удивленїе и ужасъ, кои умножилъ голосъ, произшедшїй изъ бочки въ слѣдующихъ словахъ. Избавь поскорѣе меня изъ сей вѣчной темницы, великодушный Видостанъ! и возврати мнѣ паки преж-

нїй мой видъ, котораго лишилъ меня люшый Карачунъ. Избавленїе мое обратится тебѣ самому въ превеликую пользу; ибо со освобожденїемъ моимъ соединена врага нашего погибѣль. А сїе тебѣ не трудно учинить: вонзи только, продолжалъ Голосъ, волшебную твою стрѣлу въ очарованную сїю бочку, послѣ чего увидишь ты такое дѣйствїе, какого ты не ожидалъ. Видостанъ не мѣдля ударилъ стрѣлою своею въ бочку, которая въ тотъ же мигъ превратилась въ желѣзную колесницу, запряженную двумя зїяющими пламенемъ Саламандрами, кои ухватя Видостана, бросили въ оную, и помчали съ необычайною скоростїю по воздуху.

Свѣтлосанъ и Бориполкъ при видѣ ужаснаго сего приключенїя оцѣпенѣли: и въ самое то время увидѣли передъ собою малорослаго Ефїопа, (сего былъ Карачунъ,) одетаго пламеннаго цвѣта въ одежду, на коей вышиты были золотомъ небесные знаки Зодїака. Вы освободили моего врага, сказалъ онъ имъ грознымъ голосомъ, и за то должны претерпѣть вѣчное наказанїе. Проговоря сїе, хотѣлъ онъ ударить Свѣтлосана дубиною, коею былъ вооруженъ; но въ самое то

но время затрясся, и премѣня свой грозный видъ на ласковый, сказалъ учтивымъ образомъ Славенскому Князю. Извини меня, Государь, что я осмѣлился испытать твою храбрость. Я вижу теперь, что ни какая напасть поколѣбать ее не можетъ. Мое намѣреніе было только увѣриться, истинна ли та слава, которая о храбрости твоей носится по всей подсолнечной; и теперь къ удовольствію моему познаю, что она не довольно возвеличила твои достоинствы. Къ великимъ людямъ имѣлъ я завсегда почтеніе, присовокупилъ онъ: и всегда старался имъ услуживать; а какъ ты заступаешь между ними первое мѣсто, такъ прошу мнѣ сказать, чѣмъ могу тебѣ услужить. Не сомнѣвайся, Государь, хотя бы ето стоило погибѣли всей Вселенны, то по желанію твоему сей же часъ она разрушится.

Удивленный приключеніемъ симъ Князь, не вѣдалъ чему приписать кротость сего страшнаго урода: и во время Карачунова привѣтствія старался проникнуть сего причину. Думалъ онъ сперва, что ласковость его заключала въ себѣ какую ниесть хитрость; но прусость, съ какою сей злодѣй говорилъ

свою рѣчь, склонила его думать, что скрывается тутъ какая нибудь тайность, которая защищаетъ его отъ наглостей сего волшебника. Ободрясь сими мыслями, отвѣтствовалъ онъ Карачуну твердымъ голосомъ, что онъ согласится скорѣе потерять тьмократно жизнь свою, нежели приключить свѣту малѣйшую напасть; а ежели онъ хочетъ ему услужить, то ничемъ ему болѣе удовольствія не сдѣлаетъ, какъ ежели возвратитъ ему его сестру, зятя и Видостана. Во время Свѣтлосановой рѣчи Карачунъ стоялъ потупясь, какъ будто бы ужасался чего; а при именахъ Милославы, Вельдюзя и Видостана затрепеталъ пресильно, и произнеся стенаніе изчезъ.

Славяне, избавясь вида сего страшнаго чудовища, ободрились, и принесли благодарность свою Богамъ, за толь удивительное ихъ избавленіе отъ предстоявшей опасности. Въ самое то время предсталъ предъ нихъ Духъ во образѣ юноши, одетаго въ лазоревое платье, и вооруженнаго пламеннымъ копьемъ. Познай теперь, говорилъ онъ Свѣтлосану, сколько благочестіе и праведное сердце пріятны Богамъ: ни какая сила

не избавила бы тебя отъ люпости Карачуновой ; естьлибъ богобоязливость твоя, и милосердїе къ бѣднымъ и несчастнымъ людямъ, не преклонили Боговъ поборствовать по тебѣ. Но наипаче всѣхъ покровительствуетъ тебя сильный Чернобогъ , жестокїй Судїя коварныхъ и неправедныхъ людей. Съ младенчества усердїе твое къ нему, склонило его защищать тебя отъ всѣхъ напастей. Онъ видя твою опасность, послалъ меня къ тебѣ на помощь: сего пламеннаго оружїя, и претящаго моего взора устрашась Карачунъ , премѣнилъ свое свирѣпство на робость и покорство; и изчезъ дляшого , чтобъ ты не принудилъ его , вспомоществуемъ мною, исполнить твоего приказанїя. Но сїе не первое тебѣ благодѣянїе отъ Чернобога; онъ твою умножилъ силу и храбрость: возбудивъ тебя изрѣченїемъ къ путешествїю, послалъ къ тебѣ сонъ , которымъ увѣдомилъ тебя о бѣдствїяхъ сестры твоей и зятя. Онъ тебѣ внушилъ мысль подарить волшебную стрѣлу Видостану , дабы избавя его оною отъ узилища , обрѣлъ ты въ немъ себѣ помощника. Ступай теперь искать твою сестру , которую ты вскорѣ найдешь ,

и освободишь изъ плѣна ея тирана, превозможешь всѣ препятствїя, и побѣдишь славно общаго вашего врага. Но притомъ помни, что неинако сїе ты можешь учинить, какъ удовлетворенїемъ чести и человѣчеству. Окончавъ сїе Духъ изчезъ; а Князь и Оружеоносецъ его пали на колѣни, и принесли благодареніе свое Чернобогу, покровителю своему.

По окончанїи молитвы, начали они совѣщоваться, куда имъ ѣхать, и гдѣ искать Милославу; ибо ни Духъ, ни Видостанъ не открыли имъ ея пребыванїя. Въ семъ недоумѣнїи согласились они положиться на счастїе. Утвердясь на семъ мнѣнїи, пошли они къ Видостановымъ придворнымъ, чтобъ объявить имъ о несчастїи ихъ Государя; однакожъ не сыскали изъ нихъ ниодного, а на мѣсто ихъ нашли толикоежъ число Хамелеоновъ, которые увидя ихъ, старалися имъ всячески изъяснить свою горесть. Славяне познали изъ сего, что сіи несчастные Видостановы служители, приведенные непремѣнно Карачуномъ въ сїе жалостное состоянїе. Сей предмѣтъ наипаче умножилъ ихъ горесть. Между тѣмъ не могли они понять,

какъ

какъ возмогъ Карачунъ пресилить очарованный Видостановъ кабинетъ, который защищалъ, по объявленію Индѣйскаго Государя, весь замокъ и жителей его отъ всякаго непріязненнаго нападенія. Сія причина возбудила въ нихъ любопытство пойти въ кабинетъ, и посмотрѣть, нѣтъ ли въ немъ какой перемѣны. Сомнѣніе ихъ было правильно: блестящія янтарныя писмена на стѣнахъ кабинета были черны, какъ уголь: и всѣ вещи находившіяся въ ономъ были похищены. Сіе жалкое зрѣлище опечалило еще болѣе Славянъ: они думали, что пріятель ихъ погибъ невозвратно. Подобныя соболѣзнованія продержали ихъ долго въ семъ зданіи; наконецъ, по довольномъ сѣтованіи, опредѣлили они, ища Милославу и Вельдюзя, стараться помочь и Видостану; ежели еще можно будетъ подать ему какое вспоможеніе. Послѣ того пошли они сыскать своихъ коней, которые перенесены были въ Видостановъ замокъ: осѣдлавъ оныхъ, и запасшись на дорогу съѣстнымъ, выѣхали они изъ замка; и принеся молитвы Богамъ и учиня обѣты, дали конямъ своимъ на волю ѣхать туда, куда они захотятъ.

Чрезъ

Черезъ нѣсколько дней путешествїя своего никакимъ приключенїемъ не были они встревожены. Путь ихъ продолжался по степямъ и лѣсамъ, коими замокъ Видостановъ былъ окруженъ. Напослѣдокъ въ одинъ день застигла ихъ ночь въ густомъ Миртовникѣ, по срединѣ коего былъ небольшой лужокъ. Свѣтлосанъ и Бориполкъ слезши съ своихъ коней, и разсѣдлавъ оныхъ пустили ихъ на лугъ; а сами поужинавъ и помолясь Богамъ своимъ покровителямъ, и защитникамъ тѣхъ мѣстъ, отдалися во объятїя Морфеевы для полученїя силъ къ дальнѣйшему путешествїю.

При окончанїи первой стражи сонъ ихъ былъ прерванъ печальнымъ и ужасающимъ пѣнїемъ: Славяне встали, и осматриваяся на всѣ стороны, дабы увидѣть ошкуда оное произходило, усмотрѣли они сквозь деревья сїянїе многихъ свѣточей. Странное сїе приключенїе возбудило въ нихъ любопытство узнать онаго причину. Взявъ свое оружїе, пошли они къ тому мѣсту, ошкуда произходилъ свѣтъ: подошедъ къ оному, увидѣли они торжественное шествїе Жрецовъ, и нѣсколькихъ послѣдователей за ними; въ рукахъ у всѣхъ у нихъ были свѣчи

и пламенники. По срединѣ сей толпы шелъ человѣкъ въ бѣломъ одѣяніи, и въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ: руки у него были загнуты на задъ и связаны. Видъ его печальный и воздыханія, и прочіе признаки показывали его осужденнымъ на жертвоприношеніе; что и не ложно было. За сею жертвою несены были препоясаніе и мечь, украшенныя золотомъ и дорогими каменьями; за ними вели другіе коня, на коемъ лежало Варяжское платье и оружіе.

Свѣтлосанъ и Оруженосецъ его, дивяся странному сему позорищу, и желая узнать его окончаніе, шли за нимъ до того времени, пока шествіе остановилось при нѣкоторой пещерѣ, въ коей по освященіи ея увидѣли они великолѣпную гробницу, а на оной истуканъ, представлявшій Индѣйскаго Государя. Передъ гробницею стоялъ жертвенникъ украшенный цвѣтами. Жрецы вошедъ въ пещеру, и положа на жертвенникъ дрова, развели огонь: окурили истуканъ благовоніями, окропили пещеру и предстоящихъ священною водою, поя между тѣмъ Гимны въ честь Богамъ. Потомъ Первосвященникъ, взявъ осужденнаго на жертву, привелъ къ жертвеннику, и, по-

становя предъ онымъ на колѣни, прочелъ надъ нимъ молитвы, окропилъ его чистительною водою, и окуря благоуханіемъ, вознесъ жертвенный ножъ, чтобъ имъ пронзить его. Тогда Свѣтлосанъ, исполненъ будучи человѣколюбія и желанія спасти сего неповиннаго, бросился къ жрецу, и вырвалъ у него ножъ.

Сіе великодушное его дѣйствіе привело жрецовъ, и народъ пришедшей съ ними, въ великое смятеніе: первое потому, что они его не примѣтили, и не ожидали отъ него такого нападенія; второе, что сочли сіе дѣло ужаснѣйшимъ злочестіемъ; чего ради въ превеликой ярости бросились на него всѣ съ кинжалами. Свѣтлосанъ ни мало не устрашась ихъ свирѣпства, обнажилъ свой мечь въ сопротивленіе имъ, и началъ отвращать нападенія ихъ безчисленными ударами; при чемъ присовокупился къ нему и Боритолкъ. Не много стоило имъ труда разогнать сію кровожадную толпу, изъ коея перерубили и переранили они большую часть.

Оставшись побѣдителями, первое ихъ стараніе было, чтобъ разрѣшить отъ узъ осужденника, которой получа свободу палъ имъ въ ноги, и приносилъ

свою

свою благодарность наичувствительнѣйшими словами. По изъясненію его узналъ Свѣтлосанъ, что онъ Варягъ, чего ради почувствовавъ къ нему большую пріязнь по причинѣ сосѣдства ихъ земель, и нѣкоторымъ образомъ единоплеменства, спрашивалъ его, кто онъ таковъ, и какимъ образомъ попался въ руки сихъ свирѣпыхъ людей? Варягъ съ охотою согласился въ томъ его удовольствовать, и началъ повѣсть свою слѣдующимъ образомъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ РУСОВЫ.

Я называюсь Русъ, Отечество мое Винешта; родитель мой пріобрѣлъ себѣ въ семъ городѣ довольную славу, обучая молодыхъ людей словеснымъ наукамъ; наипаче всего искусенъ онъ былъ въ исторіи, которая вселила въ меня охоту къ странствованію. Я просилъ дозволѣнія у моего отца путешествовать: но онъ, имѣя во мнѣ одного у себя сына, не хотѣлъ на то никакъ согласиться; однакожъ желаніе мое тѣмъ нимало неуменшилось. Я опредѣлилъ уѣхать отъ него тайно: что и учинилъ запасшись деньгами, кои у него покипялъ.

Сей

Сей кражѣ, и не дозволѣнїю родителя моего на тайный мой побѣгъ, приписываю я всѣ несчастїя, которыя со мной потомъ случились. По выѣздѣ моемъ изъ Винетпы пустился я напередъ въ Славенскъ, оттуда въ Кїево владѣнїе, потомъ въ земли Чеха и Леха, а наконецъ въ Грецїю. Въ сей странѣ пробылъ я довольное время, не болѣе для прїятности сей земли, какъ для наученїя себя словеснымъ наукамъ. Видѣлъ я въ ней довольно разумныхъ людей, однакожъ не менѣе и глупцовъ, изъ коихъ одинъ принудилъ меня оставить сїю землю, славную седмью Мудрецами. Оттуда пробрался я въ Вавилонъ, и принужденъ былъ въ семъ городѣ быть мертвымъ съ прочими его жителями не малое время. Сїе непремѣнно вамъ странно покажется, примолвилъ Русъ, великодушные мои избавители: и для того разскажу вамъ ето приключенїе, пропуща я другїя маловажныя, дабы не наскучить вамъ моею повѣстью.

Государь сея страны назывался Вараванъ, будучи человѣкъ молодой жертвовалъ онъ не рѣдко любви: Сераль его содержалъ въ себѣ болѣе трехъ сотъ красавицъ; но наипаче всѣхъ одна полоненная

нешная Италіанка привлекла на себя его взоры, и владычествовала надъ нимъ болѣе, нежели онъ надъ своими подданными. Она была маленькое его Божество, коего прихотямъ жертвовалъ онъ всѣмъ: дѣлалъ для нее безпрестанныя Пиршества, Маскарады, Концерты, всенародныя игры и проч. Словомъ, не было такова увеселенія, какованъ онъ для нее невыискалъ, хотяби оно стоило годовыхъ его доходовъ.

Нѣкогда сей владѣтель, въ день ея именинъ, представилъ народу позорище, на коемъ и самъ присутствовалъ съ нею: великолѣпіе онаго привлекло великое множество народа отовсюду. Всѣ устремили на него свое вниманіе; но въ самомъ жарѣ онаго разрушило его ужаснѣйшее приключеніе. Вдругъ появилось на небѣ густое облако, которое летѣло по Оризонту съ необыкновенною скоростію: поравнявшись съ позорищемъ начало оно спущаться на землю, и вдругъ развернувшись представило нашимъ глазамъ самаго гнуснаго карла, одѣтаго въ великолѣпную и странную одежду. Показіе явленіе, объявъ всѣхъ умы, привлекало на себя народные взоры, въ то время карло, принесенъ будучи облакомъ къ

тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Вараранъ съ своею любовницею, схватя ее поднялся съ нею на воздухъ, произнеся многія ругательства и наемѣшки Персидскому Государю. Язвительныя его слова и похищеніе любовницы, утушивъ страхъ и удивленіе въ Вараранѣ, возбудили въ немъ великій гнѣвъ: схвативъ у одного изъ стражей копье, поразилъ онымъ карла въ лядвію; чему послѣдуя придворные и народъ, начали въ него бросать всѣмъ чѣмъ, что кто имѣлъ въ рукахъ. Сіе нападеніе столь разъярило воздушнаго путника, что онъ обратилъ насъ всѣхъ въ камни, а городъ со всѣмъ уѣздомъ въ степь: сказавъ притомъ, что по тѣхъ поръ не отдѣлимся мы отъ земли, и не получимъ прежняго своего вида, пока не сниметъ кто съ Варарана, обращеннаго также въ зеленый каменъ, голыми руками ядовитой жабы, родившейся отъ плевка, изверженнаго симъ гнуснымъ волшебникомъ на Персидскаго владѣтеля. Но сего вы вѣчно не дождетесь, промолвилъ карло; ибо сего не можетъ учинить одна человѣческая сила.

Да и дѣйствительно осталисьбы мы на вѣкъ въ семъ горестномъ состоянїи, ежелибъ не послали Боги къ намъ избавителя,

вителя, которому сіе стоило, я чаю, жизни; ибо когда онъ сорвалъ съ Барарана Жабу, то оная превратясь въ великаго слона, унесла его тотчасъ у насъ изъ вида. Вараранъ и подданные его, получа прежній свой образъ, принесли общую благодарность Богамъ; а избавителю своему въ честь воздвигли золотой истуканъ; ибо ничѣмъ другимъ кромѣ сего не могли они засвидѣтельствовать ему своей благодарности.

Ахъ! вскричалъ при сихъ словахъ Свѣтлосанъ: ето былъ несчастный мой зять, который возвратя вамъ жизнь, лишился можетъ быть своей отъ люта-го Карачуна. Сіе восклицаніе вселило въ Руса любопытство: онъ просилъ Славенскаго Князя разсказать ему о себѣ, кто онъ таковъ. Свѣтлосанъ, увѣдомя его о томъ въ коротких словахъ, просилъ его доканчивать свою повѣсть, на что Русъ съ охотою согласясь, продолжалъ ее слѣдующимъ порядкомъ.

Получивъ паки жизнь, старался я поскорѣе выѣхать изъ Персіи, опасаясь вторичнаго превращенія. Слыша много похвальнаго объ Индіи, поѣхалъ я въ нее, желая узнать о странѣ сей обстоятельно. Объѣзжая многія мѣста достойныя

любо-

любопытства, наѣхалъ я наконецъ на такое, которое паки лишило было меня жизни. Нѣкогда въ весьма жаркій день, проѣзжая лавровую рощу, захотѣлось мнѣ подъ тѣнію ея отдохнуть: чего ради привязавъ моего коня къ дереву, легъ самъ на траву, и отдыхая на ней нечаянно заснулъ. Въ самомъ почти началѣ моего сна, пробудился я отъ рева и трѣска вѣтвей: проснувшись увидѣлъ я, что преужасной величины Барсъ нападалъ на моего коня, который отъ него всѣми силами отбивался. Желая помочь ему, и себя спасти отъ опасности, схватилъ я копье, и поразилъ имъ хищнаго звѣря, коего удвоившаяся тѣмъ ярость обратилась на меня. Сколько храбрость и досужство мое ни употребляль я себѣ въ помощь, однакожъ не возмогъ себя защитить отъ всѣхъ его нападеній; и напослѣдокъ непремѣнно сталъ его жертвою, естьлибъ не помогъ мнѣ Левсилъ, славный страны тоя волшебникъ, который случился тогда на ловлѣ подлѣ самаго того мѣста. Барсъ былъ тотчасъ убитъ, а я отнесенъ въ его замокъ для излѣченія отъ ранъ.

Искуствомъ его былъ я въ тотъ же день отъ оныхъ освобожденъ; и хотѣлъ

была

было отъ него поѣхать, принесши напередъ мою благодарность за вспоможенїе его; однакожъ былъ имъ удержанъ. Видъ мой и образъ изъясненій моихъ столько ему понравились, что хотѣлъ онъ меня имѣть при себѣ вѣчно, и раздѣлять со мною всѣ выходы своего состоянїя; а я видя его къ себѣ пріязнь, и полюбя его также, согласился на то охотно. Напослѣдокъ поопознавшись болѣе, и здѣлавшись искренними пріятелями, не скрывали мы другъ отъ друга ничего: я ему разсказывалъ мои приключенїя, а онъ мнѣ свои, кои состояли въ слѣдующемъ.

Природою былъ онъ Армянинъ, и сынъ богатаго купца; искусству волхованїя научился онъ отъ своей бабки, которая была родомъ изъ Египта. Оставшись послѣ отца своего весьма молодъ, получилъ онъ великое наслѣдство, и употребилъ его на изученїе себя совершенно Кабалистикъ, для которой странствовалъ онъ по всѣмъ частямъ свѣта; и досталъ себѣ помощїю ея преудивительныя вещи, изъ коихъ препоясанїе и мечь, которыя вы здѣсь видите, были всего важнѣе. Прибывъ въ Индїю, и проѣзжая шѣми мѣстами, въ которыхъ напослѣдокъ

скъ построилъ себѣ замокъ, влюбился онъ по случаю въ Нимфу, увидѣвъ ее спящую подлѣ источника, мимо коего онъ ѣхалъ. Пріятный его видъ и ласки, къ чему можетъ быть наиболѣе послужило его искусство, склонили ее скоро на его желаніе, съ такимъ притомъ условіемъ, чтобъ онъ женился на ней, и остался жить въ той странѣ; ибо она ее оставить не хотѣла. Левсилъ на все съ радостію согласился: женился на ней, и построилъ великолѣпный замокъ по близости отъ того мѣста, гдѣ обитала прежде Нимфа.

По любви ихъ и согласію надлежало жизни ихъ продлиться во вѣкъ благополучною: любили они другъ друга какъ любовники, искренни были какъ друзья, и вѣрны какъ супруги. Левсилъ открылъ ей всѣ свои таинства, и здѣлалъ ее столькожъ искусною въ Кабалистикѣ, сколько былъ и самъ. Согласіе ихъ и любовь можноб было поставить примѣромъ, естьлибъ они жили въ нынѣшніе вѣки; а въ древнія времена оныхъ довольно было. Жизнь свою провождали они въ безпрерывныхъ веселіяхъ и забавахъ: всякая малость дѣлала имъ удовольствіе; однимъ словомъ, вѣкъ бы ихъ

проле-

пролетѣлъ какъ одна минута, если бы ненависть и злоба лютаго волшебника недала имъ почувствовать горести сего мира.

Волшебникъ сей былъ Карачунъ, и самой тотъ; который превратилъ Варварана, и всѣхъ его подданныхъ въ камни. Онъ былъ весьма влюбчивъ и корыстолюбивъ: всѣхъ прекрасныхъ женьщинъ похищалъ онъ въ свой Сераль, а дорогія и рѣдкія вещи собиралъ отовсюду въ свои сокровища. Объ етомъ извѣстился я отъ Левсила; ибо онъ по причинѣ съ нимъ ссоры, и также по искусству своему зналъ объ немъ обстоятельно. А ненависть его навлекъ онъ на себя отъ слѣдующаго приключенія.

Построивъ свой замокъ, и желая великолѣпнымъ образомъ торжествовать свой бракъ съ Нимфою, позвалъ Левсилъ на оный всѣхъ знаемыхъ ему волшебниковъ, которые одарили новобрачныхъ рѣдкими и важными вещами по ихъ наукѣ. Свадьба ихъ торжествована была великолѣпно и весело: уже сопиршествующіе, напоившись виномъ, запѣли пѣсни въ честь новобрачнымъ, и упоая въ веселіи ни о чемъ непомышляли кромѣ роскоши, какъ вдругъ огнен-

ный

ный клубъ, провождаемый громомъ и молнїями, влетѣвъ къ нимъ въ комнату пресѣкъ ихъ восхищенїя, и обратилъ на себя всѣхъ взоры.

Ето былъ Карачунъ: здѣлавшись изъ огня человѣкомъ, подошелъ онъ къ Левсилу, и сказалъ ему съ надмѣннымъ и насмѣшливымъ видомъ. Я очень сожалѣю, что ты сочелъ меня ниже всѣхъ, и не удостоилъ меня имѣть своимъ гостемъ; однакожъ, я чаю, ты вѣдаешь, что знанїе мое и власть могутъ поколѣбать вселенную, и съ самымъ твоимъ замкомъ. Милостивый государь! перехватилъ рѣчь ево Левсилъ: ето не отъ презрѣнїя произошло; а отъ того, что я не имѣя чести быть тебѣ знакомъ, не осмѣлился тебя прозьбою моею трудить; не надѣяся притомъ, чтобъ ты удостоилъ меня своимъ посѣщенїемъ. Извиненїе не худо вздумано: вскричалъ Карачунъ; однако ужъ поздо, да и несправедливо; потому что я и не званой сюда пріѣхалъ, дабы доказать тебѣ, что я не гордъ и не сердитъ. Левсилъ помоществуемый прочими волшебниками; старался всячески предъ нимъ извиниться; и напослѣдокъ умягчилъ его совершенно, такъ какъ хотѣлъ ето доказать Карачунъ.

Левсилъ

Левсилъ посадилъ его въ первое мѣсто, а прочіе гости сѣли по своимъ. Веселіе опять повсюду разлилося, и всякъ думалъ объ одномъ винѣ и пированіи. Карачунъ также показывался слѣдующимъ общему желанію; однакожъ непрестанно задумывался, почасту взглядывая на Нимфу. Прочіе, бывъ отягощены виномъ, сего не примѣчали; но Левсилъ будучи трезвъ, и пріемля въ томъ больше всѣхъ участія, не пропускалъ ниодного его взора, коихъ частые и страстные обороты увѣрили его вскорѣ, что онъ имѣетъ себѣ въ немъ соперника. Чего ради получивъ на него подозрѣніе, предпріялъ его остерегаться, опасаяся отъ него себѣ нападенія. Однакожъ Карачунъ, сколько былъ ни дерзостенъ, не отважился ничего тогда предпріять при собраніи волшебниковъ, коихъ совокупная сила превышала его могущество. Чего ради по окончаніи стола, поблагодаря съ притворною ласкою Левсила, поднялся на воздухъ, и изчезъ отъ всѣхъ въ минуту.

Левсилъ оставшись одинъ со своими гостями, изъяснилъ имъ свои подозрѣнія на Карачуна, и просилъ ихъ всѣхъ помочь себѣ въ такомъ опасномъ для него

обстоятельствѣ. Волшебники, будучи имъ угощены, охотно согласились на прозьбу его, и здѣлали между собою совѣтъ, какимъ образомъ отвратить отъ новыхъ супруговъ нападенїя Карачуновы. По довольномъ ихъ о томъ разсужденїи, придумали наконецъ здѣлать такое ожерелье для Левсиловой жены, что когда она будетъ имѣть его на себѣ, то всякой, ктобъ къ ней ни прикоснулся, ожжется отъ нее такъ какъ отъ раскаленнаго желѣза. А чтобъ и мужъ ея не претерпѣлъ тогожъ, прикасаяся къ ней, то положили здѣлать ему золотую цѣпь, на которую повѣсить изъ таковажъ металла Тализманъ, на коемъ начертанныя волшебныя слова учинятъ прикосновенїе его къ Нимфѣ не вреднымъ.

Выдумка сїя весьма показалась новобрачнымъ: они просили волхвовъ исполнить ее поскорѣе самымъ дѣломъ, что они и учинили совокупными силами въ тотъ же часъ, и вооружили ими молодыхъ супруговъ. Послѣ чего, по учиненїи съ обѣихъ сторонъ учтивостей, разстались. Волшебники разъѣхались по своимъ жилищамъ, а новобрачные отдалися въ объятїя любви и сна.

Карачунъ заразясь любовїю къ Нимфѣ, предпрїялъ ее похитить: въ слѣдствіе чего, вооружась всѣми своими силами, и полетѣлъ къ нимъ подъ вечеръ, уповая ихъ исплошить, и найти неспособными къ оборонѣ. Видъ принялъ онъ на себя седмиглавой Гидры, дабы страшнѣе показаться: и въ семъ образѣ примчался въ Левсиловъ замокъ.

Молодые супруги находились тогда въ саду, наслаждаяся пріятностїю воздуха, а болѣе своими нѣжностями. Малорослый чародѣй, увидя ихъ въ семъ расположенїи, воскипѣлъ сильнѣйшею завистїю, и бросился на Нимфу, дабы ее похитить изъ рукъ нѣжнаго ея супруга. Но лишь только прикоснулся къ ней, то взревѣлъ какъ лѣшей, будучи уязвленъ пламенемъ, произшедшимъ отъ волшебнаго ожерелья, которое на ней было. Въ яросши своей хотѣлъ было онъ разтерзать Левсила, думая что онъ сему былъ причиною: но Армянинъ, имѣя на себѣ волшебное препоясанїе и мѣчь, о которыхъ я объявлялъ, и коихъ силѣ ничто немогло противиться, поразилъ его симъ оружїемъ, и отсѣкъ ему голову, Что такъ взбѣсило Карачуна, что бросясь всѣмъ своимъ тѣломъ на Левсила,

хотѣлъ его разтерзать; но получа другой себѣ ударъ, которой лишилъ его другой головы, принужденъ былъ ярость свою удержать, и прибѣгнуть къ отступленію. Чего ради приняѣъ прежній видъ, и вспомоществуемъ будучи Духами, поднялся на воздухъ, крича притомъ Левсилу: Ты побѣдилъ теперь, бездѣльникъ! однакожъ не долго станешь гордиться своимъ злодѣйствомъ: праведная моя месть вскорѣ тебя накажетъ, и увѣритъ тебя, что Карачунъ больше имѣетъ силы Армянина.

Левсилъ, будучи ободренъ своею побѣдою, смѣялся его угрозамъ; однакожъ положилъ съ тѣхъ поръ завсегда ходить въ семъ спасительномъ препоясаніи, и имѣть при себѣ мечь; а супругѣ своей совѣтовалъ носить также завсегда ожерелье. На ночь заграждалъ онъ свою спальню волшебными словами, коимъ научили его волхвы; а днемъ защищалъ его мечь; и такъ отъ всѣхъ сторонъ находился онъ безопасенъ отъ Карачуна. Но отъ чего не можно ему было ожидать несчастія, отъ того оно ему приключилось: то есть отъ меня, отъ наилучшаго его пріятеля. Симъ именемъ могу я величаться; ибо подлинно былъ я ему искреній

искренній другъ, и причинилъ ему бѣдствые не съ умысла, а пронырствами лютаго Карачуна.

Вскорѣ послѣ побѣды Карачуновой пріѣхалъ я въ Индію, и вошелъ въ его замокъ объявленнымъ мною образомъ. Подружась съ симъ любезнымъ человѣкомъ, не отставалъ я отъ него ни на минуту, такъ какъ и онъ отъ меня. Всѣ увеселенія, какія можно было найти въ замкѣ, служили къ нашему удовольствію: чаще всего ѣздили мы на охоту, кою весьма страстно любилъ мой пріятель, и которая напослѣдокъ намъ здѣлалась бѣдственна; а наипаче Левсилу.

Нѣкогда будучи на оной, и гоняя довольное время звѣрей, разбилися мы всѣ по разнымъ мѣстамъ: иной гонилъ изъ насъ Вепря, тотъ Барса, а мнѣ попался Олень, какова ни я, и никто другой отъ роду невидывалъ. Рога у него были золотые, ноги желѣзные, нашеѣ блистало жемчужное ожерелье, въ ушахъ браліантовыя серьги, а станомъ столь былъ пригожъ, что не всякой бы художникъ могъ вѣрно положить на картину его красоту. Такой удивительный Олень всякаго бы зрителя склонилъ ко вниманію; а я такое почувствовалъ же-

ланїе къ овладѣнїю имъ, что поскакалъ за нимъ въ тужъ минуту, и положилъ не прежде возвратиться, пока его не поймаю, или не застрѣлю. Мнѣ весьма хотѣлось похвастаться передъ Левсиломъ сею добычею, какой не случалось ему никогда и видѣть.

Въ сихъ мысляхъ проскакавъ за нимъ довольное время по долинамъ, горамъ и лѣсамъ, пригналъ его напослѣдокъ къ весьма крутой и каменистой горѣ, въ коей находилось множество пещеръ. Въ одну изъ оныхъ вбѣжалъ гонимый мною олень: а я надѣясь способнѣе его въ оной поймать, оставилъ мою лошадь, и вошелъ за нимъ въ пещеру. Она раздѣлялась на другїе многїе вертепы, въ коихъ заблуждая нѣсколько времени, увидѣлъ я наконецъ въ недалекомъ отъ меня разстоянии свѣтъ, и блистанїе металловъ и камней. Побуждаясь любопытствомъ пошелъ я туда, откуда зрѣнїе мое они поражали: чѣмъ ближе я къ нимъ подходилъ, тѣмъ болѣе они увеличивались; и напослѣдокъ, по приближенїи моемъ туда, представилась моимъ глазамъ великолѣпная зала, украшенная серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Освѣщена она была

была многими хрустальными паникадилами, отъ которыхъ сіяніе разливалося повсюду. Напротивъ дверей стоялъ престолъ изъ чистаго золота, усыпаннаго брилліантами: на немъ сидѣла дѣвица въ бѣлой и съ розами смѣшанной одеждѣ. Красота ея столь была велика, что затмѣвала всѣ украшенія находившіяся въ пещерѣ. Руки и ноги ея скованы были алмазными цѣпями, кои прикрѣплены были къ престолу.

Сіе удивительное зрѣлище столько меня поразило, продолжалъ Русъ, что я пришедъ въ изумленіе, и нѣкоторый родъ боязни, не могъ ниодного выговорить слова, и только что смотрѣлъ на окованную красавицу. Она первая перервала молчаніе: ты удивляешься Русъ, говорила она мнѣ, сему чудному позорищу; но еще болѣе удивишься, когда узнаешь мою исторію. Я Царская дочь: въ несчастное сіе состояніе приведена я Карачуномъ: онъ меня похитилъ отъ моего родителя, и заключилъ въ свой сераль, желая имѣть меня своею любовницею. Всѣ богатства свѣта отдавалъ онъ въ мою власть: всѣ хотѣлъ покорить моей волѣ; но ничѣмъ не возмогъ снискать склонности моей къ себѣ. Угрозы его также ни-

мало

мало не подѣйствовали надо мною; ибо способомъ нѣкотораго моего знанїя въ Кабалистикѣ, умѣла я отвращать всѣ его насильства. Сіе столько его огорчило, что заключа меня въ вертепѣ, оковалъ сими волшебными цѣпями, коихъ ничто пресѣчь не можетъ, кромѣ волшебнаго Левсилова меча; и никто другой кромѣ тебя. Первому причиною закляттїе Карачуново, а другому мое соизволенїе, продолжала она закраснѣвшись. Ты вина сей моей неволи, жестокой! для тебя я презрила Крипскаго Царя, для тебя возгнушалась Карачуномъ, и вверженна въ сїи оковы. Вспомни Лакедемонъ, и въ немъ несчастную Царевну Горїаду, на которую зрѣнїе твое навлекло на тебя отъ ревниваго моего жениха нѣсколько ударовъ, и принудило тебя оставить Грецїю. Я самая та Горїада прельщенная тобою: я за тебя поссорилась съ Крипскимъ Царемъ; и будучи потомъ похищена Карачуномъ, отвергла его предложенїе, и осуждена за то въ вѣчную неволю. Терзаяся любовїю къ тебѣ всякой часъ, послала я искать къ тебѣ сего оленя, сотвореннаго моимъ искуствомъ, который завелъ тебя въ сїю пещеру. Теперь желанїе мое исполнилось: я вижу тебя; а о любви

твоей

твоей ко мнѣ спану судишь по твоему отвѣту. Но знай напередъ: ежели ты изъ оковъ моихъ меня освободишь, то Карачунъ тебѣ мстить не будетъ; онъ мнѣ клялся въ етомъ, заключая меня въ цѣпи, Княземъ Духомъ, и всѣми Богами. Сверхъ того будешь ты обладать вѣчно мною, ежели только любовь моя тебѣ пріятна; будешъ царствовать со мною на престолѣ, и поведешъ спокойную и пріятную жизнь въ моихъ объятіяхъ. По сихъ словахъ она умолила, ожидая моего отвѣта.

А я, будучи пораженъ прелестями ея и словами, пришелъ въ пущее недоумѣніе, и не зналъ что говорить. Сердце мое наполнилось снова къ ней любовію, которую почувствовалъ я въ Лакедемонѣ: а удовольствіе, слыша ея къ себѣ любовь, и лестныя ея обѣщанія помутили всѣ мои мысли. Въ восторгѣ моемъ бросился я предъ нею на колѣни, и - - -

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Въ Лугопой Миліонной, у переплетчика Вегѣ, продаются слѣдующія книги.

		р.	к.
1.	Трутень, еженедѣльное сочиненіе на 1769 годъ - - -	1.	40.
2.	Трутень на 1770 годъ, за весь годъ. - - - - - - - - -	2.	
	а порознь каждый листъ по		4.
3.	Собраніе пѣсенъ, часть I. -		75.
4.	Славенскія древности часть I.		
5.	Енеиды Виргиліевой, пѣснь I.		25.
6.	Еженедѣльникъ Смѣсь на 1769 годъ. - - - - - - - - -	1.	
7.	Еженедѣльникъ и То и Сьо.	1.	4.

ПОГРѢШНОСТИ

стр. 23 стр. 1 напеч. пріятны чтишай приняты

СЛАВЕНСКІЯ ДРЕВНОСТИ,

или

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Сочиненїе

Михайла Попова.

Часть II.

Въ Санктпетербургѣ

1771 года.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

При изданіи второя части Славенскихъ Древностей, за нужное я счелъ изъясниться предъ моими читателями, въ разсужденіи титула сея книги, которое нѣкоторыми почтено сопсѣмъ ей неспойственнымъ. Но я и при семъ томъ остановилъ бы сякого говорить о семъ по его благоразсужденію, ежелибъ не присопокуплено было нѣчто къ ущербу моего чистосердечія, съ какимъ положено отъ меня сіе названіе. И потъ что въ оправданіе мое представляю.

Намѣреніе мое, услужить обществу посильнымъ трудомъ, было мнѣ побужденіемъ сочинить сію сказку, или такъ называемый романъ. Первыми лицами поставилъ я въ ней Славенскихъ Князей, между коими Свѣтлосавъ занимаетъ первое мѣсто; я ее украсилъ нѣкоторыми нашими Древностями, которыя могли найти въ разположеніе сего сочиненія, и къ описанію коихъ прибавилъ я нѣсколько вымысловъ, дабы пріятнѣе ихъ представить взорамъ читателя.

читателя. Вотъ что склонило меня наименовать сіе творенїе Славенскими Древностями; а чтобъ читателямъ не подать объ немъ, при первомъ на него взглядѣ, двусмысленнаго воображенїя, то я присовокупилъ: или Приключенїя Славенскихъ Князей, что ясно означаетъ романъ, а не исторїю о нашихъ Древностяхъ, какъ нѣкоторые мнили найти.

Но ежели, и при всемъ моемъ оправданїи, титулъ сея книги найдетъ кто дѣйствительно ей неспойственнымъ, то я, въ разсужденїи такого, согласишусь лучше признать себя погрѣшившимъ въ наименованїи моей книги, нежели остаться предъ обществомъ такимъ человѣкомъ, который пышнымъ названїемъ малопажныя книги, хочетъ обмануть любопытство его въ свою пользу.

СЛАВЕНСКІЯ ДРЕВНОСТИ,

или

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РУСОВЫХЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ.

Будучи внѣ себя схватилъ я ея руку, и цѣлуя ее справедливо, вскричалъ: Ахъ, прекрасная Горїада! возможно ли, чтобъ Русъ былъ столько счастливъ! И льзя ли, чтобъ наипрекраснѣйшая особа въ свѣтѣ удостоила толь бѣднаго человѣка почтить своимъ взоромъ, и согласилась для него претерпѣвать напа-

ети! Нѣтъ! я скорѣе самъ тысячекратно умру, нежели допущу тебя страдать еще въ семъ подземномъ жилищѣ. Но, ахъ! Желанїе мое освободить тебя есть больше, нежели способы его исполнить. Мечь, отъ коего, по словамъ твоимъ, зависитъ твое освобожденїе, въ рукахъ у Левсила, моего пріятеля, который, какъ я ему ни другъ, не смѣетъ и мнѣ его ни на минуту повѣрить, опасаясь Карачуна, лютаго твоего похитителя, который безпрестанно ищетъ случая, его исплошить безъ волшебнаго сего меча.

Какъ! перехватила Горїада, когда я для тебя презрила царя, лишилась всѣхъ утѣхъ свѣта, подверглася съ радостїю вѣчнымъ оковамъ, ты не находишь тогда средства освободить меня отъ узъ; отрекаешся быть моимъ супругомъ, и сидѣть со мною на престолѣ? Неблагодарный! Сего ли отъ тебя я ожидала? Таковой ли цѣны горячность моя стоитъ? Я бы для освобожденїя твоего, изъ подобнаго несчастїя, предала жизнь мою всѣмъ муче-

мученїямъ: пожертвовала бы тебѣ отцомъ, матерью, всѣмъ моимъ родомъ, и наилучшею моею пріятельницею. Ты не находишъ средства освободить меня, и для того только, что твой пріятель обладаетъ симъ мечемъ, и что онъ тебѣ не ввѣритъ его опасаясь Карачуна. Я согласна на сїе, но развѣ нѣтъ другихъ способовъ его получить? Неужели ты не находишъ въ себѣ столько досужества чтобъ похитить его тайно для спасенїя той, которая тебя обожаетъ! Ахъ! Государыня, вскричалъ я, могу ли я сїе учинить не подвергая себя презрѣнїю всего свѣта, оповаживая моего пріятеля нападкамъ Карачуновымъ? Нѣтъ, перехватила окованная красавица, себя ты презрѣннымъ не учинишъ, избавляя отъ вѣчныя темницы несчастную царевну, тебя любящую, и впадшую для тебя въ толь недостойное состоянїе моего сана. Жестокой! Смотри на лїющїяся мои слезы, на томленїе мое и трепетъ: вообрази лютое страданїе моего сердца, пылающаго къ тебѣ неограниченною лю-

бовїю! Освобожденїемъ моимъ не одной ты мнѣ учинишь благодѣянїе: ты избавишь отъ горести двухъ несчастныхъ родителей, которые непрестанно о мнѣ сокрушаются, и изрываютъ себѣ гробъ ежечасными воздыханїями. Ежели ты пресѣчешь мои оковы, и возвратишь меня имъ, то какою благодарностїю не воздадутъ они за твое благодѣянїе! Какою похвалою не возвеличатъ они твое дѣянїе! Они тебя поставятъ выше смертныхъ: отдадутъ тебѣ престолъ свой, учинятся твоими рабами, божествомъ тебя своимъ поставятъ, и живаго почтутъ тебя жертвами! А я, пылающая уже и къ жестокому, какимъ тебя почту въ моемъ сердцѣ, когда ты учинишся моимъ избавителемъ! Ты мнѣ священнѣе Олимпа будешь! Ты мнѣ будешь.. Государыня! вскричалъ я тогда, ставъ ею чрезвычайно тронутъ, я готовъ тебя избавить отъ сея неволи; но научи меня, какъ мнѣ сїе учинить. Ты вѣдаешь конечно, присовокупилъ я, по своему искуству, что Лезвилъ препоясанїе свое

и

и мечь имѣетъ при себѣ непрестанно, а ночью спальню свою, въ которой ихъ хранитъ, заграждаетъ волшебными словами, которыхъ никакая сила побѣдить не можетъ.

Я знаю это, сказала мнѣ съ пріятностію моя прелестница; но не ужели любовь твоя ко мнѣ не можетъ обрѣсти какова средства къ полученію ихъ? Левсилъ тебя любитъ; изыщи какую нибудь хитрость, которая бы тебѣ вспомоществовала овладѣть его мечемъ. Хитрость сія будетъ тебѣ простительна, и Левсилу ни какой отъ того погибѣли не приключится; ибо какъ скоро ты меня избавишъ, то я сама, вмѣстѣ съ моею благодарностію, подщуся возвратить ему его оружіе. Любезный мой Русъ! Поспѣши освободить страждущую твою супругу отъ плѣненія; я тебя инако уже не считаю, примолвила она, кидая на меня страстные взоры, какъ любезнымъ моимъ супругомъ; ибо коль скоро ты меня освободишъ, тужъ минуту и я, и престолъ отца моего, тебѣ принадлежать будутъ.

Что же касается до способа, продолжала она, какимъ тебѣ доспать Левсиловъ мечь, то я тебя оному научу, ежели ты самъ не хочешь принять на себя труда вымыслить его. Вотъ, говорила она, подавая мнѣ малую золотую коробочку, сія волшебная вещь можетъ тебѣ послужить къ предпріятію сему, самымъ легчайшимъ способомъ. Она имѣетъ силу, когда ее разкроютъ, приводить природу въ разстроеніе: возбуждать бурю, громъ, молнію, градъ и вихрь. Возми ее, и спупай въ Левсиловъ замокъ. Когда настанетъ вечеръ, то ты, имѣя ее завсегда у себя въ карманѣ, разкрой ее: отъ сего единаго дѣйствія смутится вся природа: возстанетъ пресильная буря съ безпрестаннымъ громомъ и молніею. Ты ихъ не страшись внутренно, ибо они никакого зла тебѣ не приключатъ; но притворись предъ Левсиломъ, что ты сего весьма боишся: такимъ образомъ дай пройти цѣлой ночи, и слѣдующему дню. По прошествіи ихъ, и по наступленіи вечера, скажи Левсилу,

принявъ

принявъ на себя испужанный видъ, что ты весьма страшишся сей непогоды, и не можешь ночевать въ своей спальнѣ: примолви, что ты и прошедшую ночь не спалъ, находясь въ повсеминутномъ страхованіи отъ безпреспаннаго грома и блистанія. И посемъ проси Левсила, чтобъ онъ позволилъ тебѣ ночевать въ своей спальнѣ, огражденной волшебными словами, которые сохраняютъ ее не токмо отъ насилія человѣковъ, но отъ огня, желѣза и бурь, и недопускаютъ никого въ нее войти безъ его позволѣнія.

Когда же онъ дозволитъ тебѣ въ ней переночевать, то уже не трудно будетъ тебѣ овладѣть его оружіемъ: ты можешь во время ночи его похитить, и пріѣхать сюда для освобожденія моего. Ибо трудно только войти въ его спальню, а выйти изъ нее никакого уже труда тебѣ не будетъ. Вотъ какъ тебѣ надобно поступить, любезный мой Русъ! говорила она мнѣ, кидая на меня ласковые и распаленные взоры: не опринь прозьбы пылающей къ тебѣ Горіады: извле-

ки меня изъ ужасныя сея темницы, и возвратя меня моимъ родителямъ, учинися нашимъ Царемъ, и повелителемъ храбрыхъ Спартянъ.

Послѣдовавшія за симъ ласкательства ея и слезы въ такое колебаніе привели мой духъ, что я склонился бы тогда предать и Левсила и самого себя Карачуну, лишь бы только освободить ее отъ узъ и темницы, не токмо похитить мечь у моего пріятеля. Возвращая ей за ея ласки тьмою подобныхъ ласканій, и безчисленными колѣнопреклоненіями, обѣщалъ ей съ клятвою исполнить ея повелѣніе. Въ слѣдствіе чего, простясь съ нею, и поѣхалъ отъ нее къ Левсилову замку, по близости коего упражнялись въ ловитвѣ наши охотники.

Я ихъ нашелъ всѣхъ собравшихся уже въ одно мѣсто, и межъ ними Левсила, заботящагося о моемъ отсутствіи, и приказывающа искать меня. Прибытіе мое весьма его обрадовало: онъ спрашивалъ меня о причинѣ отдаленія моего отъ нихъ; а я, желая сокрыть отъ него на-

настоящее приключеніе, принуждень быль ему лгать, что будто гонясь за звѣремь заблудился, и на силу могь найти прежній путь.

Левсиль, почитая меня искреннимь себѣ другомь, нимало невздумаль подозрѣвать меня во лжи, и вѣриль всѣмь моимь словамь охотно. Послѣ чего поѣхали мы вь замокь, ибо начало уже смѣркаться. А я между тѣмь, спѣша начать порученное мнѣ отъ Горіады дѣло, разкрыль вь моемь карманѣ волшебную коробочку; и какь только сіе учиниль, то и началь воздухь колебаться, и мало по малу возставать вихрь. Вскорѣ показались темныя облака, которыя совокупляясь межь собою покрыли надь нами небо, и будучи понуждаемы вѣтромь, начали спираться другь сь другомь, и напослѣдокь произвели такой сильный громь, молнію, дождь и градь, каковыхь ни я ни Левсиль отъ роду не видывали. Сіе принудило нась убираться поскорѣе вь замокь.

Слѣдуя Горіадину ученію, принялъ я на себя видь боящагося

человѣка, и движеніями моими и словами старался увѣрить моего пріятеля, и Прекрашу его жену, что я весьма сей бури устрашаюсь. Они старались мнѣ доказать, что она ничего страшнаго въ себѣ не имѣетъ, и что сіе естественно, и не должно такъ устрашать разумнаго человѣка. Я и самъ ето вѣдалъ; но желая умыслъ мой произвести въ дѣйство, не давался имъ на уговоръ, и часъ отъ часу притворялся боязливѣйшимъ. Представляя такимъ образомъ робѣющаго лице, весьма мало ѣлъ во время ужина, вскакивая и содрогаясь при всякомъ ударѣ грома. По окончаніи стола, простился я съ ними гораздо ранѣе обыкновеннаго, поставляя причиною робость мою, для уменшенія которой, говорилъ я имъ, хотѣлъ зарыться въ мою постѣлю. Они охотно склонились на мое желаніе, и простясь со мною пошли въ свою спальню, а я отбылъ въ мою.

Безъ всякаго притворства не могъ я уснуть большую часть ночи: образъ моей прелестницы повсеминутно упражнялъ мои мысли: всѣ

всѣ ея слова и взгляды представлялися моему воображенїю; наипаче обѣщанїя ея услаждали мое честолюбїе: я воображалъ себѣ, что будто уже сижу на Лакедемонскомъ престолѣ, и повелѣваю Спартанскими народами. Но высокомѣрїю моему не довольно и сего было: я предпрїялъ учиниться обладателемъ всей Грецїи; и напослѣдокъ хотѣлъ окончить власть гордыхъ Персовъ По недолгомъ наслажденїи себя сими мнимыми побѣдами, вздумалъ я показать силу моего оружїя Индїянамъ. Подвергнувъ ихъ моему игу, предпрїялъ я увеличить державу мою покореніемъ Африки Но можетъ ли удовольствоватьи великїй духъ толь малое пространство земель! Я видѣлъ неповинующихся еще моему скипетру цѣлую Европу, и безчисленные острова Океяна. Чего ради предпрїялъ я и ихъ всѣхъ подвергнуть моему оружїю, и учиниться единодержавнымъ обладателемъ всей подсолнечной. Такъ заблуждаясь моими помышленїями, радовался я несказанно, воображая себѣ, какъ я стану

вели-

величаться, когда всѣ части свѣта будутъ предстоять моему престолу, и съ какимъ трепетомъ станутъ внимать всѣ мои слова. При семъ общемъ повиновеніи всея земли, однѣ только планеты не признавали моей власти; но я бы и ихъ конечно уже покорилъ себѣ, когдабъ немилосердый Кикимора, Божество Сна и Ночи, не испортъ у меня скипетра, и не оковалъ тягостными своими оковами Обладателя Вселенныя. Или лучше сказать: сонъ прервалъ глупыя мои размышленія.

На другой день, по пробужденіи моемъ, одевшись, пошелъ я къ Левсилу, который находился уже въ залѣ, разговаривая съ своею женою о чрезмѣрности бури коя часъ отъ часу умножалась. Хотя онъ и былъ искусенъ въ угадываніи причинъ, однакожъ немогъ постигнуть моей тайны, готовившей ему погибѣль. А я, принявъ на себя видъ устрашеннаго и обезпокоеннаго человѣка, объявилъ имъ, что будто не спалъ во всю ночь, въ повсеминутномъ находясь страхѣ отъ молніи. Старался имъ выразить какъ мож-

но

но наилучше боязни мои и трепетанія, и напослѣдокъ довелъ ихъ до того, что они сами начали изыскивать средства къ безопасности моей отъ бури; и наконецъ, не сыскавъ довольнаго къ ободренію мнимой моей робости, согласились, по прозбѣ моей дозволить мнѣ ночевать въ ихъ спальнѣ. Въ благосклонности сей наипаче утвердили ихъ мои благодарности, которыя однакожъ не изъ того проистекали источника, изъ коего мнили ихъ они. Весь остатокъ того дня препровелъ я съ ними, притворяяся непрестанно пужающимся, и прося ихъ о сдержаніи своего обѣщанія.

Наконецъ насталъ вечеръ, и по окончаніи ужина пошли мы всѣ трое въ Левсилову спальню, куда приказали перенесть мою постѣлю. Искренняя пріязнь и собѣсѣдованіе моего друга, чрезмѣрно терзали мою совѣсть: я покушался нѣсколько разъ, повергнувшись къ нему въ ноги, открыть ему мой умыселъ. и отказаться совсѣмъ отъ моея прелестницы; но воображеніе о красотѣ ея, и о Спартанскомъ

пре-

престолѣ. совокупляяся съ глупою надеждою завоевать всѣ часпи свѣта, упущали въ тужъ минуту мои угрызенїя, и уцверждали меня паки въ беззаконномъ моемъ предпрїятїи. Не долго ожидалъ я сего исполненїя: прїятель мой вскорѣ заснулъ съ своего женою; а я, пользуясь ихъ успокоенїемъ и цемностою ночи, похитилъ роковое препоясанїе его и мечь, и ушелъ изъ спальни, опредѣляя въ тотъ же часъ ѣхать къ Горїадѣ, дабы удобнѣе отто всѣхъ скрыть мое похищенїе.

Въ самомъ дѣлѣ нимало я и не мѣдлилъ: итогожъ часа пошедъ въ конюшню, и осѣдлавъ моего коня, поѣхалъ я изъ замка, не будучи ни кѣмъ усмотрѣнъ; ибо сонъ и сильная буря, обьявшїя замокъ, сокрывали мой отъѣздъ отъ взоровъ каждаго. Выѣхавъ изъ замка, поскакалъ я во всю конскую прыть, для освобожденїя отъ узъ моей прелестницы, и для возшествїя на Спартанскїй престолъ. Во время продолженїя моего пути, размышлялъ я, радуяся напередъ, сколько удивлю

Лев-

Левсила и Превращу, когда явлюсь имъ въ порфирѣ и вѣнцѣ; ибо я принялъ тогда намѣреніе напередъ воцарившся, а потомъ уже показашься моимъ пріятелямъ. Сими и подобными услаждаясь мыслями, къ чему также способствовала и темнота, сбился я съ дороги, ведшей къ пещерѣ; и принужденъ былъ проѣздить цѣлую ночь, хотя напослѣдокъ и закрылъ волшебную коробочку, дабы утишилась буря, и воздухъ принялъ прежній свѣтъ, но со всѣмъ тѣмъ немогъ сыскать горы, въ коей находилась Горіада, прежде солнечнаго восхода.

Напослѣдокъ, при помощи солнечныхъ лучей, нашелъ ее; но какое было мое удивленіе, когда я вмѣсто отверстія, ведшаго во внутренность горы, нашелъ только не весьма широкую разщелину, въ которой увидѣлъ картину въ человѣческій ростъ, на коей былъ изображенъ деревянный истуканъ, точно похожій на меня, съ ослиными ушами, въ дурацкой шапкѣ, и съ дѣтскою побрякушкою въ рукахъ! Я оцѣпенѣлъ при семъ видѣ, и

устремилъ

устремилъ удивленные мои глаза на картину, на коей изображенный мой испуканъ окруженъ былъ малыми рабятами, представляющими разные пороки, и точно тѣ, которые показалъ я въ себѣ при измѣнѣ моему пріятелю. Они всѣ представлены были указывающими и ругающимися моему изображенію, надъ которымъ начертаны были слѣдующія слова:

Прелестникъ Горїадинъ,

Премудрый Русъ,

Спартанскій обладатель,

Изтогнувшій у всѣхъ земныхъ владыкъ вѣнецъ,

Завоеватель всѣхъ небесныхъ звѣздныхъ странъ;

И на конецъ

Всѣмъ титламъ симъ дастъ толкъ вотъ ета образина.

На подножіи коея, продолжалъ воздыхая и стыдяся Русь, написаны были красными буквами слѣдующія

щія строки, соотвѣтствующія на верхніе стихи:

Невольникъ Ладинъ,
Лукавый трусъ,
Предатель,
Льстецъ,
болванъ,
Глупецъ,
Скотина.

По сему двоистренному изображенію, говорилъ Варягъ, не трудно мнѣ было узнать самаго себя, и что что я былъ обманутъ и одураченъ, и что ещо былъ Карачунъ, врагъ моего пріятеля, который сыгралъ со мною сію шутку. Досада, стыдъ, и угрызеніе совѣсти, привели меня въ бѣшенство: ярость моя, понуждавшая меня ко отмщенію моего позора, возбудила меня перѣе всего пожертвовать моему гнѣву предметъ моего посрамленія. Я схватилъ мечь, чтобъ изрубить въ куски сію пропроклятую картину, какъ въ самое то мгновеніе, изображенные на ней рабята поднялись на воздухъ, и

смѣясь изо всей силы, ухали мнѣ и кричали: *Е! Братъ, взялъ! е! а! о! у!* А болванъ, представлявшій мой образъ, въ то же самое время повалился съ картины на меня, и чуть было не сшибъ меня съ ногъ; между тѣмъ, пока удивленіе мое и ужасъ держали меня какъ окаменѣвша, онъ вскочилъ, и погналъ меня взашей своею побрякушкою, приговаривая при томъ: *Не прельщай Горѣады! Не пою на планеты! Не любжданій свѣта!*

Сей одушевленный уродъ прибилъ бы меня до смерти, ежели бы не было при мнѣ волшебнаго меча, коего помощь употребилъ я къ своей оборонѣ, и тѣмъ принудилъ изчезнуть сіе мое привидѣніе. Сіи насмѣшничества утвердили наиболѣе мои подозрѣнія, что я обманутъ Карачуномъ подъ видомъ Горіады; и что послужилъ ему орудіемъ для погубленія моего друга. Горесть и спыдъ, объявшія мое сердце, склонили бы можетъ быть меня тогда покуситься на жизнь мою, ежелибъ опасность, въ какой я чаялъ тогда моего пріятеля, не понудила меня поспѣшать

поспѣшать ему на помощь. Сыскавъ моего коня, поскакалъ я къ Левсилову замку, изо всей силы, и пріѣхалъ къ оному весьма скоро; но уже прибытіе мое было безполезно.

Люпый Ѳеіопъ, воспользуясь моимъ отсудствіемъ, напалъ на обезоруженнаго мною Левсила безъ всякаго себѣ опасенія. И уже при возвращеніи моемъ, сей гнусный чародѣй летѣлъ изъ замка на ужасномъ Аспидѣ, влача за собою любезнаго моего пріятеля, окованнаго цѣпями и терзаемаго множествомъ ястребовъ. Бѣдная его жена, окруженная служителями своими, бѣгала по срединѣ замка съ разпрепанными волосами, имѣя развращенное печаліею лице, вопія и терзаяся отчаянно, и призывая на помощь боговъ мстителей; но всѣ ея моленія погибали втунѣ: свирѣпый Карло вскорѣ увлекъ у всѣхъ изъ вида несчастнаго Левсила. Сіе привело бѣдную Преврапу внѣ себя: она упала на землю безъ памяти. Я хотѣлъ бѣжать къ ней на помощь; но вспомня, что я всему сему злу причина, не осмѣлился передъ глаза ея показаться;

и поѣхалъ прочь отъ замка, терзаяся угрызенїями совѣсти, и проклиная Карачуна; а наипаче себя, что причинилъ погибѣль наилучшему моему пріятелю, ослѣпяся вредною страстїю, и прельстясь суетнымъ привидѣнїемъ.

Будучи волнуемъ раскаянїемъ, горестїю и сожалѣнїемъ, воображая себѣ печальное приключенїе моего друга, и отчаянїе бѣдной его супруги, далъ я коню моему волю, и непомнилъ самъ куда ѣхалъ. Конечнобъ не опомнился я во весь тотъ день, ежели бы споткнувшись моя лошадь не сронила меня съ себя. Паденїе сїе возвратило мнѣ память; но горесть моя пущую отъ того получила на домысю силу; къ чему также присовокупилась и болѣзнь, ибо въ паденїи моемъ ушибся я весьма больно о камень. Сїе понудило меня искать поскорѣе жилища, на которое по счастью моему вскорѣ я и наѣхалъ. Село была не большая деревенька, въ коей не могъ я сыскать хорошаго лѣкаря, которой бы пользовалъ меня; и по сей причинѣ принужденъ я былъ пробыть въ оной

весьма

весьма долгое время, потому что полученный мною при паденїи ударъ, присовокупясь къ горести моей и скукѣ, произвелъ во мнѣ весьма сильную горячку, отъ которой насилу въ годъ возмогъ я оправиться.

Во время пребыванїя моего въ сей деревнѣ, пришло мнѣ нѣкогда на мысль несчастїе моего пріятеля и проклятая хитрость употребленная на то Карачуномъ, причемъ вспомнилась мнѣ и золотая коробочка, послужившая къ тому наиболѣе. Я было объ ней совсѣмъ позабылъ, однако вздумалось мнѣ при тогдашнемъ случаѣ разсмотрѣть ее получше; а притомъ же, помогая тогдашней великой моей бѣдности, продать ее мимо ѣздящимъ того мѣста купцамъ; для того приказалъ я вынять ее изъ кармана моего платья, въ которомъ она лежала; радуяся, что по крайней мѣрѣ, по лишенїи моего друга, и по потерянїи съ нимъ всего моего благоденствїя, осталась у меня сїя драгоцѣнная вещь. Но какимъ поражень я былъ удивленїемъ и стыдомъ, когда на мѣсто ее принесли ко мнѣ кусокъ

дикаго камня, обнадеживая меня, что ничего больше кромѣ сего въ карманахъ моихъ не нашли! Долго я не могъ повѣрить ни имъ ни собственнымъ моимъ чувствамъ. Но поворачивая камень, увидѣлъ начертанныя на немъ письмена; я съ жадностїю принялся ихъ читать, и вотъ что къ посрамленїю моему нашелъ ими изображенно:

Нельстись корыстїю отъ беззаконныхъ дѣлъ;
И благодаренъ будь, что самъ остался цѣлъ.

Сїи справедливыя слова поразили меня какъ громомъ, и произвели во мнѣ люпѣйшее терзанїе: измѣна моя представилася мнѣ во всей своей гнусности; и я почиталъ себя наипозорнѣйшимъ изъ смертныхъ, измѣня такому пріятелю, каковыхъ нынѣ чудомъ почитаютъ. Сїи сокрушительныя размышленїя, разправили весьма сильно мою болѣзнь, отъ коея началъ уже было я выздоравливать, и едва не привели меня ко гробу. Но можетъ быть болѣзнь моя

моя и лишила бы меня жизни, естьли бъ не избавилъ меня отъ нее сильный Чернобогъ, которому обѣщался я, что по выздоровленїи моемъ употреблю всѣ стараніа подать помощь Левсилу, ежели онъ еще живъ.

Для исполненїя моего обѣта, по выздоровленїи моемъ, предпрїялъ я объѣздить всѣ части свѣта, навѣдываясь о Карачунѣ и о прїятелѣ моемъ. Странствованїе мое продолжалось болѣе двухъ лѣтъ, въ которыя однакожъ весьма мало достопамятнаго со мною приключилось. Напослѣдокъ пріѣхалъ я въ Агру, столицу Индїи, гдѣ бытїе мое совершенно бы изчезло, ежелибъ помощь ваша не изторгнула меня изъ рукъ безчеловѣчныхъ жрецовъ. Случай сей достоинъ вашего вниманїя, и для того разскажу я вамъ объ немъ обстоятельнѣе.

По прибытїи моемъ въ сей городъ спросилъ я у одного мимоидущаго, гдѣ могу найти гостинницу, въ которой бы я могъ переночевать. А ты развѣ не здѣшнїй, спросилъ меня Индїянинъ! Такъ, я иностранецъ,

нецъ, отвѣчалъ я ему. Изрядно! вскричалъ онъ съ восхищенїемъ: я тебя провожу въ такую, коею ты совершенно доволенъ будешь. По семъ, взявъ моего коня за узду, провелъ меня чрезъ нѣсколько улицъ, и напослѣдокъ остановясь предъ великолѣпнымъ домомъ, вотъ здѣсь, сказалъ мнѣ, самая наилучшая, гдѣ ты можешь не токмо одну ночь, но цѣлый годъ ночевать, и всемъ будешь доволенъ: Я благодарилъ его наилучшимъ образомъ за сїе; невѣдая того, что онъ мнѣ симъ погибѣль устроевалъ, а неблагодѣянїе показывалъ. Между тѣмъ коварный сей услужникъ постучавшись у воротъ, которые тотчасъ ему отперли, просилъ меня въѣхать на дворъ, на которомъ встрѣтило насъ нѣсколько людей, и осѣдомясь обо мнѣ, кто я таковъ, и за чѣмъ пріѣхалъ, просили меня слезть съ лошади, и войти въ покои, обѣщавая мнѣ всякїя удовольствїя.

Я повиновался ихъ прозьбѣ, и послѣдовалъ за ними; изъ коихъ одинъ пошелъ напередъ, чтобъ увѣдомить обо мнѣ хозяина того дома.

Оный

Оный былъ первосвященникъ въ семъ городѣ, что я въ тотъ же день отъ самого его узналъ. Сей коварный святоша, вышелъ ко мнѣ навстрѣчу, и принявъ весьма ласково, просилъ слѣдовать въ покои. По приходѣ нашемъ въ оные, старался онъ угостить меня наилучшимъ образомъ; а между тѣмъ выспрашивалъ меня обо всемъ, что до меня ни касалось. Я будучи съ природы откровененъ, и притомъ же имъ обласканъ, разсказалъ ему обо всемъ, о чемъ онъ нижелалъ узнать. Отвѣтами моими казался онъ быть доволенъ, и обласкавъ меня снова началъ передо мной извиняться, что онъ не можетъ имѣть удовольствія долѣе разговаривать со мною, будучи отзываемъ своею должностію для нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ; того ради чтобъ я отпустилъ ему его неучтивость, и пробылъ до тѣхъ поръ одинъ, пока онъ отправитъ свои дѣла. А я, нимало непонимая изъ сего, что онъ шелъ сговариваться съ подобными ему бездѣльниками о моей погибѣли, воздавалъ ему за притворныя его учтивости искренними ласканіями, и оста-

 вшись

шись одинъ въ комнатѣ, употребилъ его отсудствїе на отдохновенїе себѣ.

Будучи утружденъ путешествїемъ, легъ я на софу, и проспалъ до самыя ночи. По наступленїи оной меня разбудили, прося отъ имени первосвященникова отужинать съ нимъ. Я тотчасъ всталъ, и пошелъ туда куда меня звали. Ужинъ былъ уже готовъ, и хозяинъ ожидалъ меня за нимъ съ двумя жрецами, которыхъ онъ видно нарочно пригласилъ. Столъ былъ весьма великолѣпенъ, и ни въ чемъ не было недостатка; а напаче въ винѣ, которымъ хозяинъ спарался всѣхъ уподчивать. Напослѣдокъ когда увидѣлъ онъ, что я охмѣлѣлъ, що поднеся мнѣ кубокъ вина, просилъ меня выпить его весь, обнадеживая меня, что я ему сдѣлаю великую угодность, ежели его выпью. Я повиновался его прозьбѣ, и выпилъ его до дна. Но какъ скоро я сїе учинилъ, то и началъ клонить меня сонъ: и по прошествїи немногихъ минутъ столъ меня одолѣлъ, что я не выходя изъ за стола заснулъ.

Я непомню ничего, что сдѣлалось со мною во время моего сна; но когда я проснулся, то увидѣлъ себя скованна цѣпями, и въ семъ одѣяніи, въ которомъ вы меня теперь видите. Я весьма сему удивился, и спрашивалъ вокругъ стоящихъ меня служителей, какое учинилъ я преступленіе, что здѣлали меня невольникомъ изъ свободнаго человѣка и иностранца. На вопросъ мой отвѣтствовано мнѣ, что сіе учинено по приказу первосвященника, который самъ мнѣ вскорѣ объявитъ сего причину.

Вскорѣ пришелъ къ намъ и первосвященникъ, въ богослужительномъ одѣяніи, провождаемый многими жрецами одѣтыми въ подобныя одежды. Злодѣй! сказалъ онъ приступя ко мнѣ, ты умертвилъ наслѣдника нашея державы, и похитилъ младую нашу Государыню, его супругу: возврати намъ ихъ обѣихъ; или сея же ночи окаянное твое тѣло поѣсть и попалитъ священный огнь. Грозный его видъ, и взводимое на меня беззаконіе, о которомъ я ниже помышлялъ, привели

меня почти въ безумїе. Цѣлую минуту споялъ я внѣ себя, и не зналъ что ему отвѣтствовать; напослѣдокъ вышедъ нѣсколько изъ моего смятенїя, спрашивалъ его, мнѣли онъ сїе говоритъ; ибо ты довольно знаешъ, продолжалъ я, по изустному моему тебѣ повѣствованїю, что я нижѐ когда видалъ вашего наслѣдника державы и его невѣсту, не токмо чтобъ учинить надъ ними приписуемое мнѣ злодѣйство. Нечестивый! вскричалъ на то первосвященникъ, твое извиненїе не оправдаетъ тебя, когда небесный гласъ въ тюмъ тебя изобличаетъ. Зїанъ, сказалъ онъ посемъ обратясь къ одному жрецу, прочти ему описанїе плачевнаго сего приключенїя, воспоследовавшее на то Божеское пророченїе, и указъ великаго Могола, повелѣвающїй предавать огню всѣхъ злочестивыхъ сюда пришельцовъ, которые подъ видомъ странствованїя приключаютъ здѣсь вопїющїя на небо злодѣянїя. Жрецъ повиновался ему, и прочелъ мнѣ о семъ описанїе пророчества, и указъ Моголевъ. Содержанїе ихъ слѣдующїе: Индїйскїй

Государь

Государь имѣлъ у себя сына именемъ Селина, весьма изрядныхъ качествъ и превосходнаго разума. Сего юнаго Князя вознамѣрился онъ женить на Черданѣ, дѣвицѣ украшенной всѣми прелестями ея пола, и одаренной многими добродѣтелями, къ тому жъ дочери нѣкоторого Владѣтеля подвластнаго Моголу. Уже бракъ сихъ юныхъ супруговъ былъ совершенъ и торжествованъ; но на другїй день, когда пришли ихъ поздравить съ благополучнымъ окончанїемъ ихъ союза, то младова Князя нашли безъ чувствъ лежаща, а Черданы и со всѣмъ не обрѣли. И сколько по томъ ни прилагали стараній, чтобъ юнаго сего Князя привесть въ прежнее его состоянїе, и возвратить ему дыханїе и жизнь, а супругу его сыскать; однакожъ ни въ томъ ни въ другомъ не успѣли. Моголевъ сынъ оспалася бездыханенъ, хотя и казался сохранять въ себѣ жизнь; а Чердана осталась неизвѣстно погибшею. Сего ради возымѣли прибѣжище свое къ славному Индїйскому боговѣщалищу, чтобъ испросить у него изъясненїя въ семъ недо-

умительномъ приключенїи. Пророчество изрекло имъ слѣдующїй отвѣтъ, который, говорилъ Русъ, остался у меня въ памяти, какъ я тогда ни испужанъ былъ.

Когда вонзится въ грудь иноплеменну ножъ,
Алкающїй огонь повѣстъ злодѣйски члены,
Разрушатся тогда мѣчты, коварства, ложь,
А бѣдствующихъ дни получатъ перемѣны:
Черданинъ минетъ плѣнъ, воспримета жизнь Селинъ;
Увидитъ миръ по семъ, кто былъ творецъ сихъ винъ:
Невѣрный то Пигмей, коварный Исполинъ.

Сїе прорѣченїе, продолжалъ Русъ, означало, какъ видно по всѣму, какого ни наестъ волхва иностранца, которому Боги предсказывали казнь, а по ней освобожденїе всѣмъ бѣдствующимъ отъ него; но ясно сего не объявляли, конечно по волѣ высочайшїя ихъ Судьбы. Хитрые Индїйскїе жрецы сїе поняли; но буду-

чи лукавы и корыстолюбивы, вотъ какъ разполковали Могилу сіе прорѣченіе, дабы воспользоваться имѣніемъ несчастныхъ иностранцовъ. Что понеже сей причинитель смерти Государева сына, и хищникъ его супруги, долженъ быть иностранецъ и волхвъ, и что не прежде окончится очарованіе юнаго Князя и возвращеніе Черданы, пока не истребится желѣзомъ и огнемъ сей злоприворецъ, того ради всякаго пріѣзжающаго къ нимъ иностранца предавать, по священному обряду, желѣзу и огню предъ истуканомъ младаго Князя, пока не сыщется настоящій виновникъ, и смертію своею не возвратитъ наслѣдника государству.

Прельщенный словами ихъ Могилъ согласился на сіе варварство по любви къ своему сыну, и повелѣлъ всему нечестивому первосвященнику, который, какъ видно, въ умыслѣ семъ былъ первый, чтобъ всякаго иностранца предавалъ онъ въ сей пещерѣ, созданной для сего нарочно, желѣзу и огню; а имѣніе ихъ бралъ на соборъ жрецовъ, которые прокля-

тую сію должность отправлять станутъ.

Когда окончилъ о семъ чтеніе жрецъ, продолжалъ Варягъ. тогда папа первосвященникъ увѣщевалъ меня, чтобъ я оживилъ Селина, и возвратилъ его супругу; но когда я отрекся, что никакъ сего учинить не могу, не будучи сему злу причастенъ, тогда безчеловѣчный сей жрецъ, приказалъ готовиться къ жертвоприношенію, которое опредѣлено было произвесть ночью, для того что несчастіе Императорскаго дома произошло въ такое время. Шествіе и обрядъ онаго, говорилъ Варягъ Славянамъ, я чаю вы сами видѣли; и я бы непремѣнно въ сію ночь погибъ, ежелибъ Боги не послали васъ ко мнѣ на помощь, великодушные мои избавители! Вотъ вся моя исторія, о которой вамъ угодно было отъ меня увѣдать. Теперь не останется мнѣ инова вамъ сказать, какъ представить мой совѣтъ, чтобъ оставили вы наискорѣе сіи страшныя мѣста; ибо разгнанные вами жрецы не преминутъ намъ мстить, объявя въ городѣ о разбитіи

разбитїи своемъ: и конечно собравъ воиновъ погонятся за нами, и предадутъ насъ всѣхъ смерти.

Нѣтъ! сказалъ ему Свѣтлосанъ, совѣшу твоему не могу я послѣдовать: возможноли мнѣ безъ угрызенїя совѣсти оставить человѣческїй родъ въ опасности, когда имѣю способъ ему помочь? Въ словахъ твоихъ нашелъ я неоспоримое доказательство, которымъ легко могу разрушить заблужденїе великаго Могола, и вывесть наружу жреческое корыстолюбїе, проливающее неповинныхъ кровь. Я намѣренъ теперь же поѣхать къ Индїйскому Государю, и представить ему ясно его лютость. Ежели же онъ, не смотря на истины, кои я ему предложу, вздумаетъ еще и насъ предать несправедливому своему осужденїю, то я употреблю тогда на отмщенїе гостопрїимства и правосудїя данную мнѣ отъ Чернобога силу, и Левсиловъ мечь, подаренный мнѣ тобою; и который я ему непремѣнно возвращу, ежели еще обрящу его жива.

Сказавъ сїе приказалъ онъ Бориполку сыскать своихъ коней, а Русу одеться въ прежнее свое платье; между тѣмъ самъ скинулъ съ себя свой мечь, и отдалъ Варягу, а Левсиловъ надѣлъ на себя. Когда Русъ переоделся, а Бориполкъ привелъ коней, то немѣдля ни мало, поѣхали они всѣ трое въ Агру. Во время ихъ пути освобожденный отъ пламени Варягъ, удивляясь Свѣтлосановой храбрости и великодушїю, обѣщался вѣчно за нимъ послѣдовать, и принимать вкупѣ бѣды и трудности. Славенскїй Князь съ своей стороны обнадеживалъ его своею дружбою, и обѣщалъ ему раздѣлить съ нимъ равномѣрно и счастїе свое, ежели окончитъ благополучно свое предпрїятїе, и взойдетъ на престолъ своего родителя. Обѣщанїе сїе усугубило къ нему преданность Русову, и вселило въ него великое желанїе прилѣпиться на вѣки къ Свѣтлосану. Въ сихъ и подобныхъ симъ увѣренїяхъ, проѣхали они большую часть дороги; и когда уже солнце освѣтило половину земнаго круга, тогда подъ-

подъѣжжали они къ столицѣ Индійской, изъ предмѣстія коея выходила насупротивъ имъ превеликая толпа вооруженныхъ людей луками и копьями.

Ето была погоня, посланная за ними отъ Могола, и предводимая жрецами, которыхъ Славяне разогнали. Сія толпа окружила вскорѣ Сѣверныхъ жителей, и хотѣла было употребить наглость, чтобъ принудить ихъ къ здачѣ; но Свѣтлосанъ объявилъ сей дерзновенной кучѣ, что онъ никого не оставитъ изъ нихъ жива, ежели осмѣляться малое сдѣлать огорченїе; но что своею волею поѣдутъ они сами въ городъ, и предстанутъ предъ ихъ Государя. Индѣйцы немѣдленно согласились на его предложенїе, и окружа отовсюду Славянъ, поѣхали за ними въ Агру.

По въѣздѣ ихъ въ сей городъ, народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ, чтобъ увидѣть такихъ людей, которые одолѣли и разогнали великое множество народа. Наиболѣе всѣхъ привлекалъ къ себѣ народные взоры Славенскїй Князь: благородный его

видъ и величественная осанка, неинако его имъ представляли, какъ Богомъ начальствующимъ во браняхъ. Индїяне съ перваго на него взгляда почувствовали къ нему великую любовь и почтенїе, и внутренно желали имѣть его своимъ Государемъ. До самаго Моголева дворца, проводили они Свѣтлосана, не спущая съ него глазъ, прося Бога покровительствовать его, и умягчить въ пользу онаго Моголово сердце.

До пріѣзда Славянъ ко дворцу, уже Индїйскїй Государь предувѣдомленъ былъ объ ихъ прибытїи, и пожелѣлъ представить ихъ предъ себя. Онъ назывался Абубекиромъ: нраву былъ кроткаго, но легковѣрнаго: разгорячался за ничто, и ничемъ также и смягчался; впрочемъ былъ любитель достоинства и добродѣтели. Когда Славяне предстали предъ него, тогда сей Императоръ, осматривая ихъ одного за другимъ, почувствовалъ къ Свѣтлосану подобныя народнымъ склонности; ибо внѣшнїя сего Князя качества представили ему онаго

Героемъ,

Героемъ, и таковымъ, каковыхъ онъ между человѣками невидывалъ; а развѣ зналъ по описаніямъ бытѣйскимъ. Сіе удивленіе и любовь, которыя чувствуемъ мы къ достоинствамъ, премѣнили его гнѣвъ, которымъ было онъ съ начала распалился, въ пріязнь къ Славенскому Князю, и сладостное удовольствіе на него взирать. Пребывъ такимъ образомъ нѣкоторое время въ размышленіи его, напослѣдокъ пресѣкши молчаніе, сказалъ ему: Иностранецъ! какое ты имѣлъ право прервать священный порядокъ жертвоприношенія; похитить отъ потребленія жертву, коея закланіе ласкало меня оживленіемъ моего сына, и возвращеніемъ его супруги; и сверхъ того, уничтожая почтеніе къ священному сану, (*указывая на предстоящихъ жрецовъ*,) разгнать дерзновенно сихъ Богослужителей, и умертвить изъ содруженства ихъ великое число? По семъ онъ умолкъ, ожидая отвѣта отъ Славенскаго Князя, который ни мало не будучи смѣшенъ его вопро-

сомъ,

ѳомъ, отвѣтствовалъ ему бодрственно слѣдующею рѣчью.

Великій обладатель Индіи! многіе случаи являютъ отъ внѣ со всѣмъ противный видъ, нежели какой имѣютъ во внутренности своего существа: наше приключеніе сего есть рода. Но я попщуся явить его твоему правосудію таковымъ, каково оно въ самой вещи. Я не имѣлъ ни какой причины досадовать на сихъ священныхъ мужей, и не съ тѣмъ проѣжжалъ пространную твою державу, чтобы нанесть тебѣ въ особѣ ихъ оскорбленіе; но безчеловѣчное ихъ звѣрство раздражило мое терпѣніе, и неволею изторгло мой мечь на защищеніе неповинно умерщвляемаго моего единоземца. Ты бы самъ, Государь, будучи на моемъ мѣстѣ учинилъ тоже; ибо, какое варварское сердце можетъ спокойно смотрѣть на умерщвленіе неповиннаго человѣка, и не подвигнуться на сожалѣніе и гнѣвъ? Вотъ сія несчастная и непорочная жертва, которую стремилося предать пламени корыстолюбіе сихъ святошъ. Не

удивляйся

удивляйся изрѣченїю сему. Государь! Чистосердечїе мое докажетъ тебѣ ясно все ихъ коварство и лицемѣрїе, какими испорчли они у тебя соизволенїе на погибѣль неповинныхъ, дабы упучнить себя корыстями съ оныхъ. Ты самъ представь, Государь, свойственноль быть Богамъ люпѣе человѣковъ? и возможноль, не погружаяся въ беззаконїе, приписывать Божеству такое повелѣнїе, чтобъ для сысканїя единаго беззаконника, умертвить тьмы неповинныхъ людей? А ежели безъ воли ихъ предавать человѣка смерти, не имѣя на него ни малѣйшаго подозрѣнїя въ злодѣйствїи, и для единыя токмо надежды обрѣсти въ немъ, по погубленїи его, виновника злу, то какая уже несправедливость можетъ превзойти адское сїе неправосудїе. Но ты въ семъ неповиненъ. Государь! Извиняетъ тебя въ семъ родительская твоя горячность къ сыну, и хитросплетенное жреческое коварство, скрывающееся подъ видомъ твоея пользы, и облекшееся силою мнимаго Божескаго повелѣнїя на изтребле-

нїе

ніе неповинныхъ иностранцовъ. Всему етому винсю есть сей варваръ, (*указывая на перпоспящениика,*) и нечестивые его сообщники: ихъ алчность къ собранію имѣнія употребила во зло неповиннымъ человѣкамъ несчастіе твоей породы, Божеское пророчествіе, и твое чадолюбіе. Не сомнѣвайся въ истинѣ моихъ словъ, Государь, извѣстъ мой докажетъ тебѣ ясно, что небесное пророчествіе иной заключаетъ въ себѣ смыслъ, нежели каковой ему дало гнусное ихъ любоимѣніе. По сему ихъ адскому коварству, и поносной къ тебѣ невѣрности, и о протчихъ суди ихъ поступкахъ. Но что бы долѣе не подвергать неповинныхъ неправедному умерщвленію, и душу твою избавить отъ оболщенія сихъ ненасытимыхъ Гарпій, такъ вѣдай, Государь, что божескій гласъ изобличаетъ въ умерщвленіи твоего любезнаго сына, и въ похищеніи прекрасныя его супруги, гнуснаго чародѣя Феіопа, люпаго и коварнаго Карачуна; а въ яснѣйшее доказательство моихъ словъ прочти заглавныя буквы пророченныхъ седми

строкъ

строкъ боговѣщалищемъ, которыя изображаютъ точно имя Карачуна.

Пораженный истиниою сихъ словъ Индѣйскій Государь, и проклятымъ коварствомъ своего первосвященника, и его сообщниковъ, обратился къ нимъ, чтобъ изтребовать отъ нихъ оправданія въ семъ ясномъ на нихъ доказательствѣ, но уже болѣе не увидѣлъ изъ нихъ никого. Сіи злодѣи почувствуя всю опасность, какою угрожала имъ Свѣтлосанова рѣчь, ушли тайно другъ за другомъ изо дворца, дабы не подвергнуться въ тужъ минуту раздраженному правосудію, и предупредить оное новыми коварствами. Ошбышіе ихъ открыло наиболѣе глаза Императору, и увѣрило его объ истинѣ проклятаго ихъ злочестія. Воспылалъ онъ гнѣвомъ, и повелѣлъ въ тужъ минуту начальнику своея стражи, забрать подъ карауль первосвященника и сообщниковъ его. Злодѣи! вскричалъ онъ по семъ, они не довольны были умерщвленіемъ толикаго числа неповинныхъ, но хотѣли еще, продо-

лжая мое ослѣпленїе, пожертвовать своему неисповѣду и сего премудраго иностранца, безъ спасительнаго увѣдомленїя коего не преступлъ бы я никогда обагрять моего скипетра неповинною кровїю, и учинять моего царствованїя примѣромъ наилютѣйшаго тиранства.

По семъ восклицанїи обратился онъ къ Свѣтлосану, и благодаря ему наичувствительнѣйшимъ образомъ за истолкованїе толикихъ важностей, просилъ его объявить, кому онъ одолженъ толь великимъ благодѣянїемъ. Когдажъ Славенскїй Князь объявилъ ему, что онъ родомъ и саномъ ему равенъ, тогда Моголъ въ пущее пришелъ воспаленїе противу нечестивыхъ своихъ жрецовъ, описавшихъ ему Свѣтлосана самымъ злочестивѣйшимъ человѣкомъ, и старавшихся его увѣрить, что онъ учинитъ самое богоугоднѣйшее дѣло, ежели повелитъ умертвить сего иностранца мучительнѣйшимъ образомъ. О какъ несчастливъ Государь, возопилъ онъ, окруженный толикими чудовищами: Прости мнѣ, знаменитый Князь, говорилъ

говорилъ онъ обратяся къ Свѣтлосану, варварство, къ которому привели меня сіи злочестивцы; я потщуся его омыть пролитіемъ всей ихъ крови.

Такъ говоря, старался онъ оправдить себя передъ Славенскимъ Княземъ, и учтивостями, оказуемыми Славянамъ, загладить несправедливость поступка противу иностранныхъ. А къ совершенію доказательства своея невинности, и истиннаго раскаянія, повелѣлъ сей день включить въ число торжественныхъ, и праздновать его повсягодно. Между тѣмъ, желая наградить причиненную Славянамъ досаду веселіемъ, приказалъ учредить въ тотъ день великій пиръ, къ которому приглашены были всѣ знатные вельможи его двора. Во время сего пиршества, Моголъ говоря непрестанно съ Свѣтлосаномъ, просилъ его паки разсказать свою исторію обстоятельнѣе, въ разсужденіи его путешествія въ Индію. Славенскій Князь во всемъ его удовольствовалъ, разсказавъ ему подробно всѣ обстоятельства своей жизни, похищеніе

сестры своей и зятя, и ужасныя злодѣйства малороссiйскаго народѣя.

Императоръ весьма былъ удовлетворенъ его повѣствованiемъ, и воспрiималъ къ нему часъ отъ часу наиболѣе любви и почтенiя. А въ доказательство своея къ нему прiязни, повелѣлъ принесть богатые и великолѣпные дары для Свѣтлосана и для спутниковъ его; однакожъ сей Князь отъ нихъ отрекся учтивымъ образомъ, представляя Абубекиру, что въ разсужденiи его путешествiя будутъ они для него отягощительны. Во время препиранiя ихъ о семъ, донесли Могалу, что первосвященникъ и сообщники его не повинуются его указу, и сверхъ того возмущаютъ на него народъ; и что уже великая онаго часть приведены ими къ бунтованiю. Сiе объявленiе привело Императора въ великую ярость на первосвященника. Неблагодарный и дерзновенный рабъ! возопилъ онъ: вотъ какъ онъ платитъ мнѣ за неизчетныя мои къ нему щедроты! Но сiе его злодѣйство не останется безъ наказанiя, я вскорѣ заставлю его разкаяться въ семъ беззаконiи. Силосланъ, про-

продолжалъ онъ говорить обратясь къ страженачальнику, сей часъ вооружи всѣхъ моихъ тѣлохранителей. и вѣрныхъ мнѣ Распутовъ, и накажи немѣдленно безумную чернь, дерзнувшую на меня возстать; а невѣрныхъ жрецовъ поищися поимать живыхъ. Я хочу казнію ихъ показать примѣръ мученіемъ, каковымъ должны предаваться таковые измѣнники, дерзающіе возставать на Государя своего.

Силостанъ со тщаніемъ повиновался повелѣнію Могола, и отбылъ произвести оное въ дѣйство; а Индійскій Владѣтель говорилъ такъ, обратясь къ Свѣтлосану: Ты не повѣришъ, любезный мой гостъ, колъ велики были мои благодѣянія къ сему невѣрному жрецу, и колъ безмѣрна его ко мнѣ неблагодарность, сіе ты видишъ теперь самъ. Онъ былъ бѣдный ученикъ, и понравился мнѣ способомъ своего краснорѣчія, кое имѣетъ онъ довольно въ нарочитомъ степени. Сіе побудило меня возвесть его въ нѣкоторый духовный санъ, и отверсть ему мои милости, которыя напослѣдокъ открыли ему путь къ первосвященни-

честву. Обманчивое его краснорѣчіе извлекало ему повседневно мои благодѣянія; однакожъ я и во время оныхъ примѣчалъ въ немъ не рѣдко вредное сердце, въ которомъ царствовали властолюбіе и корыстъ. По благости моей къ нему, не старался я выводить слѣдствій изъ сихъ моихъ примѣчаній, хотя иногда и доходили до меня жалобы на чрезмѣрную его жадность къ любоимѣнію и власти. Лукавое его краснорѣчіе всегда изторгало сего лицемѣра отъ моего правосудія. И могу сказать, что при всѣхъ его злыхъ намѣреніяхъ, онъ бы еще и нынѣ пользовался моими щедротами, есть ли бы его коварство въ разсужденіи иностранцовъ, и теперишнее его бунтованіе не открыли мнѣ ясно, что онъ злодѣй стремящійся похитить можетъ быть вѣнецъ мой.

Едва успѣлъ онъ окончать послѣднія сіи слова, какъ шумъ поражающихъ и поражаемыхъ, возбудилъ во всѣхъ вниманіе, и принудилъ обратиться туда, отъкуда оный происходилъ. Они увидѣли въ окна, которыя

которыя были на площадь, окружающую дворецъ, что народъ въ ярости гналъ и побивалъ стражу, посланную отъ Императора на утишеніе бунта. Первосвященникъ и сообщники его сидя на коняхъ, держали священныя знамена, и побуждали неистовящуюся чернь къ кровопролитію. Сіе ужасное зрѣлище привело Абубекира, и всѣхъ его придворныхъ, въ великое устрашеніе. Ну! вскричалъ онъ, теперь мы погибли! Люпый жрецъ достигъ до желанія своего; теперь я вижу ясно, что онъ предпріялъ похитить у меня жизнь мою и вѣнецъ. Спасайся любезный мой Князь, сказалъ онъ по томъ съ торопостію Свѣтлосану, пускай я одинъ погибну; а ты не долженъ принять участія въ неблагополучіи моемъ. Проговоря сіе, приказалъ онъ принесть себѣ отраву и вооруженіе, чтобъ употребить къ своему спасенію то или другое, смотря по обстоятельствамъ. Постой! вскричалъ къ нему тогда Свѣтлосанъ: Владѣтелю не отравою надлежитъ оканчивать жизнь свою, и не унывать во крайности,

такъ какъ не подвергать себя прельщенїямъ во благополучїи. Пребудь въ черногахъ сихъ, Государь! продолжалъ онъ ему говорить; мы одни сего возмущенїя причиною, такъ мы его и окончать должествуемъ. Проговоря сїе, повелѣлъ онъ Бориполку и Русу слѣдовать за собою

Какъ пущенная стрѣла изъ лука, сильною рукою, не находитъ себѣ препонъ въ теченїи своемъ, таковъ былъ Славенскїй Князь по изшествїи своемъ изъ черногорь: бросясь въ кучу яростныя черни, остановилъ тотчасъ ея стремленїе; и куда ни простиралъ свои стопы, всюду отверзалъ себѣ пространный путь. Вскорѣ дошелъ онъ до бунтующаго перзосвященника, который, привидѣ пламенныхъ его очей, затрясся и побѣднѣлъ. Помогите! возопилъ онъ къ народу: вотъ сей волхвъ прельстившей Императора, и желающей воцариться надъ нами. А! Бездѣльникъ! вскричалъ ему Свѣтлосанъ: я познаю твое коварство; но оно послѣднее въ жизни твоей будетъ; сей же мигъ освободишся

бодится Индїя отъ заражающаго ее чудовища, и опустошающаго вселенную! Проговоря сїе бросился онъ на трепещущаго жреца, и пересѣкъ его наполы. Ну, Индїяне! вскричалъ онъ по семъ громогласно: Тиранъ возмущавшїй спокойствїе ваше уже погибъ; а вы воспользуйтесь его погибѣлью, и возвратитесь къ должности вашей и повиновенїю, которыми обязаны вы великому Моголу. Что жъ касается до меня, я не волхвъ, и какъ видно обманулъ меня предъ вами коварный сей жрецъ, и нимало ничѣмъ не прельщалъ Императора; но только истолковалъ ему пророчество, гласящее о Селинѣ и Черданѣ, и доказалъ ему ясно, что сей злотворецъ есть гнусный Ефїопъ Карачунъ, похитившїй и у меня сестру и зятя. А сей коварный перзосвященникъ обнесъ меня вамъ, и искалъ моей смерти для того, что я изторгъ изъ несытыхъ его челюстей неповинныхъ иностранцовъ, которыхъ онъ предавалъ напрасно огню, а имѣнїемъ ихъ безсовѣстно наполнялъ свои сокровища, и дѣ-

лился съ сообщниками своими. Онъ увидя, что великій Моголъ ясно разобралъ нашу неповинность, а его коварство, ушелъ тайно изо дворца съ своими соумышленниками; и опасаяся себѣ достойнаго наказанія, возмутилъ вашу пропитву меня храбростію симъ нелѣпымъ обманомъ, дабы тѣмъ избыть своей казни. А хочу ли я надъ вами царствовать, такъ какъ онъ старался васъ въ семъ увѣрить, это вы теперь видите: ибо, поражая сего беззаконника, не себѣ я васъ покоряю, но законному вашему Государю. Впрочемъ же, хотя бы вы сами пожелали воцарить меня надъ вами, то и тогда бы я не согласился; ибо великіе Боги не простымъ человѣкомъ на свѣтъ меня произвели, но сыномъ сильнаго владѣтеля надъ храбрыми Славянами. А въ доказательство истинны моихъ словъ, допросите сихъ бездѣльниковъ, говорилъ онъ указывая на жрецовъ; они вамъ ясно объявятъ все свое злодѣйство, и первоначальника своего.

Во время сея рѣчи народъ внималъ его спокойно, и будучи пора-

жень

женъ его видомъ, храбростїю, и истинною его словъ, весьма удобно преклонился къ вѣрованїю, и бросился на жрецовъ, которые хотѣли было предаться бѣгству. Индїяне поимавъ ихъ всѣхъ привели предъ Свѣтлосана, и принуждали ихъ признаться въ ихъ грѣхѣ, въ которомъ обличалъ ихъ Славенскїй Князь. Устрашенные и терзаемые совѣстїю жрецы не долго колебались въ семъ; но бросясь на колѣни предъ Княземъ и народомъ, признались во всемъ, въ чемъ ихъ Свѣтлосанъ ни обличалъ; и только просили себѣ единаго помилованїя жизни. Но народъ, раздраженный ихъ злодѣйствами, и тѣмъ, что они его прельстили возбунтовать противу Могола, бросился на нихъ съ остервенѣнїемъ, и разтерзалъ ихъ въ мѣлкїя части.

По семъ кровопролитномъ дѣйствїи, возгласили Индїяне: да здравствуетъ нашъ великїй Моголъ, и да живетъ неисчетныя лѣта! Славенскїй Князь, обрадованный полъскорымъ утишенїемъ бунтованїя, похвалялъ черньцовъ, что она толь скоро вышла изъ заблужденїя своего, и

обратилась къ должности. Народъ съ своей стороны благодарилъ его, что онъ разрѣшилъ его ослѣпленіе, и наказалъ причинителя всего сего смятенія; при чемъ просилъ унижен-но Свѣтлосана, дабы онъ предста-тельствовалъ за него у великаго Мо-гола, что онъ ему охотно и обѣ-щалъ, обнадеживая его государскою милостію. Также присовокупилъ къ сему увѣщаніе, чтобъ впредь осте-регался Индіяне отъ подобныхъ возмущеній, и пребыли непоколеби-мы въ вѣрности своему Государю.

Прельщенный храбростію и ра-зумомъ его народъ, препроводилъ со плесканіемъ и похвалами до Императорскаго дворца, и оста-новился предъ онымъ, ожидая себѣ отъ Могола милости или казни. Между тѣмъ Свѣтлосанъ, послѣ-дуемый своими сопутниками, и лучшими Индіянами, пошелъ во дворецъ, на крыльцѣ коего стоялъ уже Моголъ, дабы встрѣтить по-бѣдителя. Какъ скоро увидѣлъ онъ Свѣтлосана, бросился въ его объ-ятія, и проливая радостныя слезы, возопилъ къ нему: Непобѣдимый за-

щит-

щитникъ мой! чѣмъ воздамъ тебѣ за великую твою мнѣ услугу! и какими похвалами возвеличу тебя за высокіе твои подвиги? Царства моего тебѣ мало; ибо я не токмо его, но и жизнь мою отъ тебя нынѣ получаю. Развѣ назову тебя по старости лѣтъ моихъ сыномъ; но и симъ не тебѣ, а себѣ учиню я славу. По толь знаменитыхъ твоихъ подвигахъ остается мнѣ единое сіе, чтобъ сооружа тебѣ жертвенникъ, воскурить на немъ Фиміамъ, яко Божеству спасшему престолъ и жизнь мою. Государь! отвѣщевалъ ему целомудренно Свѣтлосанъ: не мнѣ приписуй славу за усмиреніе бунтующихъ твоихъ подданныхъ, но Богамъ дѣйствовавшимъ моею рукою. О добродѣтельная душа! возопилъ Императоръ въ восхищеніи: не ложно я сказалъ, что ты болѣе царства моего стоишь; но ради Боговъ продолжи благодѣянія твои ко мнѣ: и хотя изъ единыя милости, удостой меня называться твоимъ отцемъ, и имѣть честь оставить тебѣ мой престолъ.

При семъ словѣ восплескалъ весь народъ, и бросясь на колѣни вопіялъ: да здравствуетъ нашъ юный Моголъ Свѣтлосанъ, и да живетъ къ благоденствію нашему многія лѣта! Услышавъ сіе Абубекиръ продолжалъ говорить съ пріязнію Славенскому Князю: ты слышишъ гласъ народа: онъ есть гласъ Божій; преклонися хотя безсчетными его желаніями, и воцарися со мною. Я знаю, что ты великодушенъ, и не захочетъ лишить моего сына его наслѣдія; но можетъ быть судьба на вѣки его отъ меня похитила; а ежели по счастію моему возвратится онъ къ жизни, то онъ и тѣмъ весьма доволенъ будетъ, когда ты возвратишъ ему половину моего царства, и будешъ ему вмѣсто отца защищая и наставляя его какъ сына. Во время сего предложенія Свѣтлосанъ стоялъ смиренно, потупя въ землю свои очи; по окончаніижъ Абубекиромъ рѣчи, отвѣтствовалъ ему такъ: Желаніе твое и народа твоего, Государь, дѣлаютъ мнѣ болѣе чести, нежели стоятъ мои дѣла; ибо я уже тебѣ объявилъ, что

усмиреніе

усмиренїе бунтующихъ немоею силою учинено, но промысломъ всесильныхъ; и такъ всѣ похвалы за сїе принадлежатъ имъ, а не мнѣ. А за доброжеланїя твои, и твоего народа ко мнѣ, поищуся я во всю мою жизнь воздавашь всѣмъ тѣмъ, чѣмъ силы мои мнѣ дозволятъ. Но Скипетра твоего себѣ я не желаю: хотя земля твоя великолѣпствуетъ всѣми щедротами природы, а мое наслѣдїе отдано въ жертву жестокимъ хладамъ; но оно мнѣ пріятнѣе всякїя сіраны. Весьма я счастливъ буду, когда научуся и онымъ управлять достойно. И такъ, Государь, сберегай великолѣпную сїю сірану любезному твоему сыну, котораго Боги конечно тебѣ возвратятъ; а премудрость твоя наставитъ его, какъ оною править.

Сїе безкорыстїе наипаче восхитило Индїянъ, которые услышавъ его отрицанїе, наболѣе воспламенилися желанїемъ имѣть его своимъ Государемъ. Абубекиръ равномѣрныя имѣлъ съ народомъ мысли, и не отступно просилъ Свѣтлосана, чтобъ онъ, хотя до оживленїя его сына

пробылъ въ Индїи, и царствовалъ съ нимъ совокупно. Но Славенскїй Князь противополагалъ ему на то непреоборимый свой долгъ, искать сестру и зятя. Сими и прочими убѣжденїями, склонилъ онъ на конецъ Могола согласиться на его отъѣздъ; но чернь, будучи во всемъ пристрастнѣе и неразсуднѣе просвѣщенныхъ умовъ, и во всемъ чрезвычайна, вопїяла Императору, что она откажется отъ повиновенїя ему, ежели онъ отпуститъ Славенскаго Князя, и не воцаритъ съ собою; а Свѣтлосана убѣждала тѣмъ, что ежели онъ не склонится добровольно на желанїе народа, то не выпустятъ его изъ Государства, и приставятъ къ нему стражу.

Сїе обстоятельство смутило Абубекира и Свѣтлосана: первый принужденъ былъ убѣждать другова воцариться, а другой уговаривать народъ, который однакожъ на всѣ его разсмотрѣнїя былъ не преклоненъ. Сїе принудило Славенскаго Князя склониться на то притворно, не возмогая инако отъ него освободиться. Соизволѣнїе его исполнило

полнило всѣхъ радостїю: всѣ паля предъ нимъ на землю, принося ему тьмы благодареній, и возсылая за него Богамъ неизсчетныя моленїя. По семъ всякой изъ народа пошелъ въ свой домъ, дабы провести тотъ день съ домашними и пріятелями своими въ веселїи и пированїи, обѣщавая себѣ напередъ благоденствїе подъ областїю добродѣтельнаго сего Князя. Но придворному празднеству ни что не могло сравниться: подобнаго великолѣпїя и веселїя ни кто изъ Индїянъ два раза въ жизни своей не видывалъ; ибо оно походило не на человѣческое, но на волшебное. Всѣ вельможи и знатное дворянство имѣли въ немъ участїе. Продолжалось оно до самой почти утренней зари, и кончилось потому только, что уже пирше-ствующїе не въ силахъ были вкушать онаго веселїя.

Во время сего пира Славяне, по приказанїю Свѣтлосанову, старалися во всемъ наблюдать умѣренность; и когда отбывъ прочїя гости, предалися сну, тогда они, переодѣвшись въ Индїйское платье,

которое нарочно для того заготовили, вышли вонъ изъ города, не будучи ни отъ кого примѣчены въ намѣреніи своемъ. Но бывъ пѣшіе не далеко бы могли они уйти, ежели бы по счастію ихъ не попался имъ купецъ торгующей конями, коихъ онъ велъ въ городъ для продажи. Славяне купивъ ихъ тотчасъ, пустились отъ столицы по проселошной дорогѣ, дабы въ случаѣ погони не быть паки возвращеннымъ въ городъ.

Путешествіе ихъ нѣсколько дней было нарочито спокойно. Они уже не весьма далеко были отъ Персидскихъ предѣловъ, какъ остановило ихъ путь слѣдующее приключеніе. Подъѣжжая къ пространному лѣсу, увидѣли они надъ онымъ летающаго ворона, который, какъ скоро ихъ увидѣлъ, то и устремился къ нимъ летѣть, каркая притомъ непрестанно: а полетавъ около ихъ нѣкоторое время, возвратился опять на поверхность лѣса. Путешественники нѣсколько были симъ удивлены, однакожъ не остановили своего пути, и продолжали оной. Но

какъ

какъ скоро поровнялись съ лѣсомъ, то воронъ паки къ нимъ возвратился, каркая изо всей силы, и летая около Славянъ, дѣлалъ такїе повороты, которыми нѣчто старался дать знать, и послѣ опять полетѣлъ отъ нихъ въ лѣсъ. Славяне пришедъ отъ сего въ большее удивленїе, начали разсуждать о семъ приключенїи, продолжая однакожъ свой путь. Примѣтя сїе воронъ опять къ нимъ возвратился, и уже не только леталъ вкругъ нихъ, но подлетая къ нимъ щипалъ ихъ за платье, и старался нѣкакъ дать имъ знать, чтобъ они возвратились по его слѣдамъ. Свѣтлосанъ понялъ, что скрывается тутъ нѣкая тайность, и что птица желаетъ ихъ возвратить въ лѣсъ: онъ сообщилъ о томъ свои мысли сопутникамъ своимъ, которые охотно согласились увидѣть окончанїе сего приключенїя.

Какъ скоро воронъ понялъ ихъ желанїе, то и полетѣлъ потихоньку предъ ними: Славяне послѣдовали за нимъ, и въѣхали въ лѣсъ по небольшой тропинкѣ. Недолго слѣ-

довали

довали они за нимъ въ густоту лѣса, какъ усмотрѣли вдали привязаннаго къ дереву человѣка. Воронъ въ самое то время закаркалъ, и обращаясь то къ Славянамъ, то къ привязанному человѣку, вдругъ повалился съ воздуха на землю, какъ бы такое животное, которое не имѣетъ крыльевъ; и когда путешественники ожидали съ паденіемъ его убою, тогда птица упавъ на землю превратилась въ зайца, и тотчасъ отъ нихъ сокрылась.

Сіе приключеніе въ большее привело ихъ удивленіе, и когда они находились отъ сего почти въ недоумѣніи, тогда привязанный къ дереву человѣкъ вскричалъ къ нимъ: Помогите несчастному, великодушные незнакомцы! Славяне возбужденные его прозьбою, немѣдленно поѣхали къ нему, дабы избавить его отъ узъ. Какъ скоро Свѣтлосанъ поближе къ нему подъѣхалъ, то и узналъ въ немъ того Древлянскаго Князя, который подарилъ ему золотую стрѣлу, принадлежащую Видоспану. Онъ слезъ тотчасъ съ своего коня, и отвязывая его сказалъ

залъ ему: Я очень радъ, любезный мой Князь, что нашолъ случай отслужить тебѣ нѣсколько за твой подарокъ. Удивленный Древлянинъ сими словами, осматривалъ жадно Свѣтлосана, и самъ позналъ его вскорѣ. Ахъ, государь! вскричалъ онъ, будучи уже отвязанъ, и обнимая Свѣтлосана: подарокъ мой гораздо меньше теперешняго твоего благодѣянїя. Никакъ, отвѣтствовалъ другой, я избавилъ тебя одного, а стрѣла твоя двоимъ возвратила свободу, и снискала мнѣ такїя свѣдѣнїя, какихъ бы я никогда безъ нее не получилъ. Но прежде нежели узнаешъ ты отъ меня о семъ, оставимъ поскорѣе сїи мѣста, которые жизни твоей были толь опасны. Борислокъ, сказалъ онъ потомъ своему оруженосцу, отдай ему твоего коня, а ты можешъ ѣхать съ Русомъ вмѣстѣ, пока попадется намъ и для тебя купить коня. Оруженосецъ исполнилъ его приказанїе, а Свѣтлосанъ просилъ Древлянина сѣсть на оставленнаго ему коня: послѣ чего оставили они немѣдленно лѣсъ, и пустились по

той

той дорогѣ, которая вела ихъ къ Персіи. Во время пути Славенскій Князь, желая узнать о всѣхъ приключеніяхъ Древлянина, просилъ его разсказать подробно свою исторію, къ чему и прочіе присовокупили свои прозьбы. Древлянскій Князь помолчавъ не много и воздохнувъ, началъ такъ свою повѣсть.

* * *

ИСТОРІЯ ОСТАНОВА.

Начало печальныя моея жизни ты довольно вѣдаешь, Государь, говорилъ онъ Свѣтлосану; но сіи господа можетъ быть о томъ не знаютъ, чего ради и начну ее съ самаго ея произхожденія. Я называюсь Останъ, продолжалъ онъ, и произхожу изъ древняго поколѣнія Древлянскихъ Князей, которыхъ Княжество находится въ Червонной Россіи между Днѣпромъ и Припятью, пространными водою рѣками. Я родился отъ послѣдняго Князя нашего рода, именемъ Любослава; и едва я увидѣлъ свѣтъ, какъ смерть моея матери, приключившаяся ей отъ

отъ моихъ родовъ, возвѣстила мнѣ несчастную жизнь, на которую сужденъ я рокомъ. Родитель мой любя свою супругу весьма несказанно, вскорѣ за нею послѣдовалъ, препоруча меня въ опеку ближнему своему боярину, отъ котораго все несчастіе моея жизни устроилось.

Обыкновенно неблагодарность неистовствуетъ наиболѣе тогда, когда присовокупляется къ ней любочестіе и корысть. Сей вельможа именемъ и нравами Презолъ, пользовавшейся паче всѣхъ милостями моего родителя, и снискавшій ласкательствами своими его довѣренность, употребилъ ее во зло, пріязъ по немъ во власть правленіе Княжества, и позабылъ вскорѣ, чѣмъ онъ былъ долженъ сыну своего благодѣтеля и Государя. Сіяніе вѣнца ослѣпило его очи; онъ предпріялъ не токмо лишить меня онаго, но даже отнять у меня и жизнь мою, чтобъ безопаснѣе потомъ воспользоваться плодомъ своего злодѣйства. Въ слѣдствіе адскаго сего предпріятія началъ онъ истреблять подъ разными подлогами пріятелей

пріятелей нашего дома, а своихъ ласкателей и любимцовъ возвышаль на ихъ мѣста, отдая имъ всю власть въ государствѣ. Напослѣдокъ укрѣпясь такимъ образомъ на престолѣ, повелѣлъ меня, еще младенца бывша, отравить тайно ядомъ. Но кормилица моя, узнавъ о семъ варварскомъ намѣреніи, и будучи вѣрна родителю моему и по смерти его, возгнушалася неслыханнымъ симъ злодѣйствомъ, презирая и обѣщанное ей за сіе великое награжденіе, и отнесла меня тайно къ Славомыслу, Чернобогову первосвященнику, который равномѣрно сохранялъ великое усердіе къ нашему дому.

Сей добродѣтельный мужъ скрылъ меня и съ кормилицею моею въ тайникъ Чернобогова храма, куда никто кромѣ его и спараго его служителя не ходилъ, и гдѣ сей первосвященникъ получалъ вдохновенія и пророчества отъ сего Божества. Въ семъ жилищѣ пробылъ я до пятнатцати лѣтъ моего возраста, въ которыя Славомыслъ спарался научить меня всему тому, что можетъ человѣка моего состоянія

просвѣ-

просвѣтить и наставить въ добродѣтели. Въ должности сей могъ онъ успѣть тѣмъ наипаче, что самъ былъ весьма ученъ, чѣмъ и снискалъ себѣ санъ первосвященничества. По вступленіи моемъ на шестнадцатый годъ, вѣрная моя кормилица умерла, а за нею вскорѣ и первосвященникъ скончался. Тогда то прямо оспался я несчастнымъ человѣкомъ, о коемъ ни солнце ни земля не вѣдали.

Передъ смертію своею первосвященникъ открылъ мнѣ родъ и санъ мой, и всѣ мои несчастія, надѣясь симъ возбудить во мнѣ ревность ко благочестію и добродѣтели. Сими одними средствами, говорилъ онъ мнѣ, можешь ты возвратить себѣ погибшій твой престолъ; благочестіемъ твоимъ Боги, а добродѣтелію человѣки подвигнутся къ тебѣ на сожалѣніе; старайся объ нихъ паче и жизни твоея, ибо ежели и жизнь твоя для нихъ прекратится, то земныя твои имѣнія останутся долу, а душевныя вознесутся съ тобою горе. Но прежде нежели, продолжалъ онъ, отыду я къ праотцамъ моимъ, хочу тебя наградить наслѣдіемъ

отцевъ моихъ, такъ какъ сына и питомца моего, ибо кромѣ тебя нѣтъ по мнѣ наслѣдника. Желаю только того, чтобъ сіе наслѣдіе употреблялъ ты во благо, а не во зло, и воспасеніе твоея жизни, такъ какъ употребляли отцы мои, и тому же и меня научили. А тебѣ оно будетъ потребнѣе насъ всѣхъ: ты имѣешь себѣ врагомъ сѣдящаго здѣсь на престолѣ, который не преминетъ искать твоея смерти, когда узнаетъ тебя жива. Сего ради совѣтую тебѣ по смерти моей удалиться изъ отечества твоего, и просвѣщать твой разумъ познаніями свѣта, пока Боги, по усмотрѣніи въ тебѣ достойнаго Вѣнценосца, соблаговолятъ возвратить тебѣ престолъ твоихъ предковъ. Сіе вѣщаю я тебѣ, примолвилъ онъ, по повелѣнію самихъ Боговъ.

Сказавъ сіе, взялъ онъ меня за руку, и повелъ во святилищѣ храма: оное было четвероугольно, сооружено изъ чернаго мрамора, на стѣнахъ онаго изображены были всякаго рода мученія и казни, коимъ подвергаются во адѣ беззаконники.

По

По срединѣ святилища стоялъ на мѣдномъ подножіи Чернобогъ кумиръ, сотвореннный изъ Гебенноваго дерева, глава его была злашая, украшена алмазнымъ вѣнцемъ: онъ былъ препоясанъ зміею, и покровенъ черною епанчею съ пламенными пятнами, лице имѣлъ свирѣпое, и грозящее казнію; въ правой рукѣ держалъ мечь и скорпію, а въ лѣвой вѣсы; десною ногою попиралъ увѣнчанную голову зіяющую пламенемъ; а шуею городскую стѣну, усыпанную деньгами.

Вошедъ во святилищѣ Славомыслъ, простерся предъ кумиромъ, чѣму и я послѣдовалъ; потомъ прочтя поспихоньку молитву, спперъ онъ попаенную дверь у подножія Божескаго испукана, и вынялъ оттуда Сандаліи (*) и кошелекъ съ деньгами. Возъ наслѣдіе моихъ праотцовъ, сказалъ онъ обращясь ко мнѣ, пріими его, и употребляй въ единыхъ нуждахъ могущихъ тебѣ случиться; сіи Сандаліи имѣютъ силу носить

(*) родъ старинной обуви, употреблявшейся на Востокѣ.

человѣка по водамъ и воздуху, а кошелекъ сей хотя немного содержитъ въ себѣ златницъ, однакожъ во вѣки небудетъ испощимъ, ежели ты будешъ изъ него брать на единыя твои нужды, и на вспомоществованїе неимущихъ и спражду щихъ непсвинно. Храни сїи вещи и не ввѣряй ихъ никому, ни же повѣдай. По семъ обратяся къ Чернобогу, простерся предъ него паки, и вспавъ на колѣни, что и мнѣ также повелѣлъ учинить, возгласилъ къ нему: Мстительное и защитительное Божество! призри на сего знаменитаго сироту; споборствуй ему, ежели будетъ онъ добродѣтеленъ, и накажи его, ежели онъ порокамъ предастся, и наслѣдїе сїе станетъ употреблять во зло.

Такимъ образомъ добродѣтельный сей мужъ, вручивъ мнѣ летающїе Сандалїи, и неизпощимый кошелекъ, отвелъ меня паки въ прежнее мое жилище. Вскорѣ послѣ сего онъ скончался: о семъ увѣдомилъ меня старый его служитель, который, какъ я уже объявилъ, о тайнѣ нашей вѣдалъ, и приносилъ

мнѣ

мнѣ пищу. Сїе печальное извѣстїе ввергнуло меня въ неизреченную горесть и недоумѣнїе: я не зналъ, что мнѣ съ собой начать, и какимъ образомъ явиться свѣту, коего я не зналъ. Сїе мое недоумѣнїе открылъ я сему усердному служителю, который, сообразуяся съ увѣщанїями моего благодѣтеля, совѣтовалъ мнѣ удалиться поскорѣе въ другїя Славенскїя Области, и путешествовать по онымъ, сколько для наученїя моего, столько и для сокрытїя себя отъ измѣнника похитившаго мой престолъ, пока милосердые Боги не возвратятъ мнѣ онаго. Я охотно послѣдовалъ его мнѣнїю, и просилъ его соповариществовать мнѣ въ семъ моемъ странствованїи, на что Добрыня, ибо такъ онъ назывался, охотно и согласился.

Такимъ образомъ положа на мѣрѣ наше путешествїе, опредѣлили мы выйти ночью изъ храма и Искоресша (*), столицы нашего Княжества. Произведенїе сего предпрїятїя

(*) сей городъ называется также Коростенемъ въ лѣтоп. преп. Нест.

благополучно было окончано: вышедъ въ рощу окоружающую сей городъ, разсуждали мы, въ которую сторочу прежде всего намъ отправиться. Разговаривая о семъ пришли мы въ средину сея рощи, освѣщаемой иногда сіяніемъ луны; помощію сего свѣта увидѣлъ я нѣсколько стоящихъ шутъ столповъ, изъ дикаго камня, весьма искусно сооруженныхъ, и на оныхъ поставленныя сосуды изъ чорнаго мрамора. Остановимся здѣсь, государь, сказалъ мнѣ Добрыня; на сихъ столпахъ опочиваютъ прахи твоихъ родителей, я нарочно привелъ тебя сюда, дабы ты, прежде отшествія твоего изъ сея страны, простился съ ними, и воздалъ имъ поклоненіе, когда уже не можешь имъ отправить Тризны. Я палъ на колѣни, и вмѣсто воспоминовенія принесъ имъ жалобы и слезы. По довольномъ моемъ предъ ними сѣтованіи, препровожавшій меня Добрыня, совѣтовалъ мнѣ оставить сіе мѣсто, и искать убѣжища до восхожденія Зимцерлы. Во время пути сопутникъ мой старался меня развесе-

лить, разсказывая мнѣ о приключеніяхъ своей жизни, которыя состояли въ томъ, что онъ въ молодости своей учился вмѣстѣ съ повойнымъ первосвященникомъ, который ему понравясь, и будучи бѣднымъ человѣкомъ и сиротою, согласился всю жизнь препроводить при немъ: и по сей причинѣ жилъ завсегда въ его домѣ не такъ какъ служитель но какъ домашній. Присемъ также объявилъ мнѣ онъ и о другихъ обстоятельствахъ своей жизни, которыя довольно означали грубость и звѣрство Древлянъ, и ихъ сосѣдей. Обычай сожигать усопшихъ тѣла, и прахъ ихъ полагая въ сосуды, ставить на столпахъ при большихъ дорогахъ, и вмѣсто порядочнаго бракосочетанія хватать дѣвицъ у водъ, и имѣть оныхъ себѣ вмѣсто женъ, перенялы Древляне, по сказкамъ его, отъ сосѣдей своихъ Радимичей, Кривичей, Вятичей и Сѣверянъ.

Такимъ образомъ повѣствуя мнѣ о нравахъ Древлянъ, старался онъ уклоняться отъ Искореспа въ сторону, и при восходѣ зари привелъ меня въ небольшую деревню, въ которой

которой

торой мы отдохнувъ, и купя себѣ коней пустились въ путь. Добрыня совѣтовалъ мнѣ преждѣ всего ѣхать въ Область Дулебовъ и Бужанъ, у коихъ во странѣ было славное пророчество, зовомое Золотою Бабою. Сїе прорицавшее Божество, говорилъ онъ мнѣ, должно тебѣ вопросить о успѣхѣ нашего путешествїя и о будущей твоей судьбѣ. Я охотно послѣдовалъ сему его совѣту, желая узнать о себѣ предбудущее, къ чему всѣ почти пристрастны человѣки.

И такъ направя путь нашъ въ сїю страну, черезъ нѣсколько дней прибыли мы въ нее; и еще издалече увидѣли мы въ оной стоящїй великолѣпный храмъ Золотыя Бабы, сооруженный изъ чистаго бѣлаго мрамора, и обнесенный такою же оградою. Чѣмъ ближе подъѣжжали мы къ сему храму, тѣмъ болѣе увеличивалось его великолѣпїе въ нашихъ глазахъ. Ограда онаго содержала въ себѣ покойныя и пріятно разположенныя жилища для жрецовъ сего Божества: по обѣимъ сторонамъ воротъ поспроены были гостинницы для пріѣжжающихъ, изобилующїя

всѣмъ

всѣмъ тѣмъ, что къ пропитанїю, одеждѣ, и уврачеванїю человѣковъ потребно.

Какъ скоро объявили мы привоpотнику желанїе наше поклониться и жертвовать Богинѣ, такъ скоро и отперъ онъ намъ желѣзные ворота, которые непрестанно были заперты для опасности отъ разбойниковъ; ибо въ семъ храмѣ сохранялося великое сокровище, возрастшее отъ щедрыхъ приношенїй молебниковъ: потому что, изъ почтенїя къ сему божеству, не дерзалъ ни единъ приходящїй отойти отъ него безъ принесенїя ему какой либо вещи; а ежели ничево не имѣлъ, то вырвавъ изъ платья своего волосъ, приносилъ оный въ даръ, кланяяся въ землю.

По вѣѣздѣ нашемъ въ монастыр, нижнїе служители храма съ великою учтивостїю помогли намъ слѣзть съ лошадей: одни изъ нихъ повели ихъ въ конюшни, а другїе проводили насъ самихъ въ гостинницу, гдѣ мы угощаемы были по княжески. Чрезъ нѣсколько часовъ объявили намъ, что первосвященникъ

сего храма желаетъ насъ видѣть. Мы тотчасъ пошли къ нему, и уговорились на дорогѣ сказаться купцами изъ Коростеня. Первосвященникъ принялъ насъ весьма ласково, и угощая вопрошалъ о винѣ нашего прибытія. Мы ему объявили, что желаемъ принести жертву, и вопросить о нашей судьбѣ Великую Матерь Боговъ. Жрецъ съ охотою обѣщался съ своей стороны удовлетворить наше желаніе, спрашивая насъ притомъ, какую мы хотимъ избрать жертву, чтобъ почтить Богиню. Я вынявъ десять золотыхъ просилъ его, чтобъ онъ избралъ за сіи деньги такую, какую ему за благо разсудится. Предложеніемъ симъ Жирославъ, (такъ онъ назывался,) наипаче былъ доволенъ.

Тотчасъ послѣ сего позвавъ своего служителя, и приказавъ ему привесть для жертвоприношенія непорочную юницу, овна, и двухъ агнцовъ, просилъ насъ слѣдовать съ нимъ во храмъ. Оный былъ осажденъ кедрами и буками; украшенъ отовсюду мраморными багряными столпами,

столпами, коихъ главицы вылиты были изъ мѣди, и позлащены весьма крѣпко; притворъ храма, гдѣ приносили жертву, сооруженъ былъ также изъ мрамора, и украшенъ подобнымижъ столпами. Жертвенникъ, на коемъ сожигали жертву, и другой, на которомъ жарили нѣкоторыя оной части для пожранія, были стальные, и помѣстамъ украшены серебряными съ золотомъ цвѣтами. По сторонамъ ихъ стояло на таганахъ нѣсколько мѣдныхъ котловъ, въ которыхъ варили также нѣкоторую часть жертвъ. Сѣкиры, ножи и другія жертвенныя орудія состояли изъ блистательнаго и крѣпкаго камня и серебра; также сосуды, умывальницы, и другія подобныя сему вещи были всѣ изъ драгоцѣннаго вещества, и преизбраннѣйшія работы.

Вскорѣ причели къ нимъ жертву, украшенную вѣнками изъ цвѣтовъ. Первосвященникъ и вспомоществующіе ему жрецы, облекшись въ богослужительныя ризы, начали службу пѣніемъ и молитвами, по скончаніи коихъ Ярославъ, возлагая

на каждую жертву свою руку, приказывалъ ихъ убивать, и прїуготовлялись къ жертвоприношенїю. По повелѣнїю его вскорѣ все было уготовано: лучшїя части были оставлены для трапезы жрущихъ, а прочїя сожжены въ честь Богинѣ.

По совершенїи такимъ образомъ жертвоприношенїя, Ярославъ увѣрялъ насъ, гадая по колебанїю огня, и по печенїю дыма, что жертва благопрїятна Богинѣ, и можемъ мы ожидать благополучнаго событїя нашимъ желанїямъ. По семъ повелъ онъ насъ во внутренность храма. Стѣны его украшены были живописью, представляющею дѣла и приключенїя Богини. По срединѣ храма стоялъ ея кумиръ изъ чистаго золота: на рукахъ у нее сидѣла маленькая дѣвочка, которую почитали ея внукою. На Богинѣ и внукѣ ея были вѣнцы изъ дорогихъ каменьевъ, самой высокой работы и цѣны. Подножїе ихъ состояло изъ чистаго серебра, и украшено было вылитыми изъ золота цвѣтами, и разноцвѣтными каменьями. Стоящїй

предъ ними жертвенникъ былъ подобно сооруженъ и украшенъ. Истуканъ сей окруженъ былъ отовсюду разнообразными музыкальными орудіями.

По вшествіи нашемъ во храмъ, первосвященникъ приказалъ намъ пасть предъ жертвенникомъ на колѣни, и предложить на немъ то, чѣмъ мы обрекались Богинѣ. Повелѣніе его немѣдленно мы исполнили: я вставъ съ Добрынею на колѣни, положилъ нѣсколько горстей золотыхъ на жертвенникъ, а Добрыня нѣсколько пѣнязей. Въ тотъ мигъ всѣ музыкальныя орудія, окружающія Богиню, возгремѣли, и произвели во храмѣ превеличайшій шумъ: Богининъ Истуканъ поколебался; а мы, быв устрашены симъ дѣйствіемъ, пали ницъ на землю. Послѣ сего шумъ мало по малу началъ утихать, и при концѣ онаго услышали мы гласъ Богини, подобный трубному гласу.

Какъ твоя невинность страждетъ,
Какъ его злодѣйство жаждетъ,

боги видятъ то давно:
Вскорѣ злыхъ не наказуютъ,
Косно добрыхъ испытуютъ;
И посемъ дѣлятъ равно.

Сїе прорѣченїе жрецы тотчасъ записали, и подали мнѣ онаго списокъ, за что отвѣтствовалъ я имъ нѣкоторымъ числомъ червонцовъ. Послѣ сего просилъ насъ къ себѣ первосвященникъ на вкушенїе жертвы, со всѣми бывшими при томъ жрецами. Мы за нимъ послѣдовали, а Ярославъ обращая ко мнѣ рѣчь, говорилъ мнѣ такъ: Богиня наша правосудна, пріятный гость! Она невинныхъ защищаетъ, и побораетъ по нихъ; а злодѣямъ завсегда противится: и рано или поздо наказуетъ ихъ. Я тебѣ при трапезѣ нашей разскажу о произхожденїи и дѣлахъ ея. Я не испытую, продолжалъ онъ, о состоянїи твоея жизни, но токмо вижу по изреченїю божества, что ты добродѣтеленъ и несчастливъ; но какъ злодѣйство гнать тебя ни станетъ, не ослабляй своего терпѣнїя: Боги со удовольствїемъ взираютъ на борющуюся

ся добродѣтель съ несчастіями; и напослѣдокъ увѣнчаваютъ ее.

При продолженіи имъ подобнаго сему нравоученія, прибыли мы въ его обитель. Столъ уже былъ уготованъ, Ярославъ просилъ насъ за него сѣсть; и когда нѣсколько уже насытилися, иногда онъ паки обращая ко мнѣ рѣчь, вѣщалъ мнѣ слѣдующее: я обѣщалъ тебѣ разсказать о началѣ и произхожденіи нашего Божества, зовомаго чернію Золотою Бабою, по причинѣ златаго ея испукана. Вотъ каковое повѣствованіе о томъ намъ предано: первоначальное существо Ѳеиръ, совокупясь съ нестройностію стихій, произвели на свѣтъ великую нашу Богиню, Царицу земли, и Маіеръ всѣхъ Боговъ; а она сочетавшись съ Свѣтовидомъ или Солнцемъ, подобнымъ съ нею древностію Божествомъ, породила миру Перуна, строителя громострѣлянній и всѣхъ воздушныхъ явленій; потомъ Волоса, Бога скотовъ, по немъ Купала, Бога плодовъ; и прочихъ Боговъ и Богинь, какъ то Ладу, Зимцерлу, Бѣлбога, Чернобога, Нію, Похвис-

та, Догоду, Услада, Кикимору, и имъ подобныхъ. Сынъ ея Перунъ совокупясь съ сестрою своею Ладою, Богинею любви, произвелъ Сиву, Богиню плодовъ древесныхъ и садовыхъ. И сію то любезную внуку, питательницу человѣковъ, держитъ Богиня наша непрестанно въ своихъ объятіяхъ, и любитъ ее жарчае всѣхъ своихъ дѣтей и внучатъ. А наши праотцы, желая означить свойство и достоинства сихъ Богинь, изобразили ихъ златыми украсивъ вѣнцами изъ драгоцѣнныхъ камней; ибо отъ нихъ произтекаютъ намъ и злато и сребро, и вся блага нашей жизни. А окруженіе ея музыкальными орудіями уставлено въ знакъ того, что возставшую между дѣтьми ея распрю, о державѣ земли, она пресѣкла, возстановя межъ ними согласіе правосуднымъ оныя раздѣломъ; и для того еще, что она многія изъ сихъ орудій изобрѣла сама, и любитъ ими услаждаться: и завсегда свои пророчества произноситъ во гласъ трубномъ.

По

По семъ Жирославъ, продолжалъ Останъ разказывалъ мнѣ о многихъ ея чудесахъ, и о дѣлахъ ея чадъ, о чемъ однакожъ я умалчиваю, какъ о такихъ вещахъ, о которыхъ и ты, Государь, я чаю вѣдаешь; а приступлю теперь къ повѣствованїю другихъ моихъ приключенїй.

Я пробылъ нѣсколько дней въ священномъ семъ жилищѣ, наслаждаяся собѣсѣдованїями первосвященника, которому подарилъ я пятдесятъ червонныхъ, и еще сто далъ на содержанїе ихъ гостинницы. Посемъ, совѣщавшись съ сопутникомъ моимъ, поѣхалъ я въ Державу Полянъ, у коихъ столицею былъ Кїевъ, построенный сего же имени Княземъ. Полянами владѣлъ тогда Князь Коваръ: у него вознамѣрился я просить себѣ помощи противу похитителя моего престола.

Путь нашъ даже до сего города былъ благополученъ: мы нашли Кевара, не доѣжжая до города, въ бору, окружающемъ Кїевъ, забавляющася съ придворными своими звѣроловительствомъ. По прошенїю мо-

ему я былъ ему представленъ: ласковый его пріемъ обнадежилъ меня открыться ему въ моей нуждѣ. На прозьбу мою отозвался онъ благосклонно: да и столько еще явилъ мнѣ благопріятства, что просилъ меня жить въ своемъ дворцѣ все то время, которое пробуду я въ Кіевѣ. Таковыя ласки со всѣмъ поколебали мое легковѣріе: и я уже мнилъ себя сѣдяща на престолѣ моего родителя. Но какъ я мало зналъ политику Государей, внемлющую болѣе своимъ прибытькамъ, нежели человѣколюбію!

Нѣсколько дней старался забавлять меня пустыми надеждами, какъ между тѣмъ пересылался съ моимъ злодѣемъ, коему дали знать о моемъ пребываніи въ Кіевѣ, и просили отъ него себѣ уступки нѣкоторыхъ городовъ, естьли не желаетъ онъ зрѣть себя воюема въ мою пользу. Похитителъ моего вѣнца, желая отвратить отъ себя сію бурю, охотно на требованіе ихъ согласился: съ такимъ напротивъ варварскимъ условіемъ, чтобъ меня ему выдали мертва или жива. Су-

дя

дя по коварству Кіевскаго Князя и его вельможь, можетъ быть и былъ бы я несчастною жертвою властолюбія Презолова, ежелибъ нѣкто изъ Коваровыхъ бояръ не продалъ мнѣ сея тайны за нѣкоторую сумму денегъ.

Какъ скоро я извѣстился о семъ проклятомъ ухищреніи, такъ скоро и уѣхалъ изъ Кіева. По совѣту Добрынину, слыша о добродѣтеляхъ и благостыни твоего родителя, государь, говорилъ Древлянинъ Свѣтлосану, вознамѣрился я ѣхать въ Славенскъ, дабы пасть къ ногамъ великодушнаго Богослава, для испрошенія у него той милости, о ксей тщетно умолялъ я Полянскаго Князя. Во время сего моего путешествія занемогъ я сильною огневицею, чего ради и остановился я въ Столицѣ Кревичей, гдѣ находился храмъ Знича, сего священнаго огня, подающаго болящимъ исцѣленіе, и совѣты на уврачеваніе болѣзней. Я послалъ Добрыню къ первосвященнику сего Божества, дабы онъ вруча ему отъ меня сто златницъ, попросилъ его принесть жертву

сему

ему неугасимому Пламеню, для испрошенія отъ него мнѣ увраченія. Жрецъ, повелѣвъ ему прійти на утрїѣ, далъ такой отвѣтъ Добрынѣ. который по словамъ его, само Божество изрекло ему ноцїю.

Обуй въ Сандалїи трепещущїя ноги,
И безбоязненно ступай во всѣ дороги:
Ни воздухъ, ни вода тебя не повредитъ,
Ни самый Тартаръ въ нихъ тебя не побѣдитъ.

Сей гласъ Боговѣщалища возвратилъ мнѣ память о забвенныхъ мною Сандалїяхъ, данныхъ мнѣ въ наслѣдство Славомысломъ, первосвященникомъ Чернобоговымъ, моимъ воспитателемъ. Я приказалъ Добрынѣ вынять ихъ изъ сумки, къ которую они мною были спрятаны, и обуть меня. Какъ скоро онъ на меня ихъ надѣлъ, такъ скоро началъ я чувствовать распространяющееся по всѣмъ моимъ жиламъ стремленїе крови, со окончанїемъ коего жаръ началъ во мнѣ утухать, и силы мои чувствительно стали прихо-

дить

дить въ прежнее состояніе. Однимъ словомъ, черезъ часъ сдѣлался я такъ здоровъ, какъ будтобъ не бывалъ никогда боленъ. Въ тогдашнемъ моемъ восхищеніи бросился я на землю, и принесъ священному Зиччу благодарственное моленіе, сопровождаемое радостными слезами. Послѣ сего пошелъ я во храмъ онаго, желая принести ему великолѣпную жертву.

Храмъ его стоялъ на высокой горѣ, сооруженъ изъ дикаго камня, и огражденъ высокою и крѣпкою стѣною на подобіе замка. Стѣны его состояли изъ двухъ ярусовъ небольшихъ покойцевъ: въ нижнихъ содержались плѣнники и скоты, опредѣленные на закланіе въ жертву сему священному Огню; а въ верхнихъ жили служители храма, и нѣкоторые жрецы. По входѣ моемъ въ сію ограду, слухъ мой пораженъ былъ стономъ плѣнныхъ, испрашивающихъ себѣ отъ Боговъ и мимоидущихъ свободы отъ напрасныя смерти. Жалость объяла мое сердце, я немогъ понять причинъ сему звѣрскому обыкновенію, чтобъ предавать

ваша отню неповинныхъ человѣковъ, въ жертву такому Божеству, которое подаетъ намъ исцѣленїе, и печется о нашемъ здравїи. О Боже! вскричалъ я тогда: конечно не ты виною варварскому сему успаву, но жадность къ корыстолюбїю немилосердыхъ твоихъ жрецовъ. Сїя мысль заглушила во мнѣ почтенїе, которое было возымѣлъ я къ первосвященнику сего Божества. Я вознамѣрился съ нимъ увидѣться, и употребить всю мою возможность къ освобожденїю невольниковъ, и ко уничтоженїю адскаго сего обыкновенїя.

Жреца сего нашелъ я готовяща-ся ко приношенїю сея кровавыя и безчеловѣчныя жертвы. Поблагодаря его за предстательство о мнѣ у Божества, просилъ я его принесть отъ меня благодарственную жертву. Изрядно, отвѣщствовалъ онъ, сїе я охотно учиню по принесенїи законной жертвы. Я его вопросилъ о ея родѣ, и услышалъ, что она состоитъ изъ сихъ несчастныхъ плѣнниковъ, возмутившихъ только мои чувства. Честный отецъ! сказалъ

я ему: не ужель и Боги столькожъ мстительны и жестокосерды, какъ и мы человѣки? И какая причина побуждаетъ ихъ желать толь варварскія жертвы? Нельзя спастися, чтобъ они услаждались человѣческимъ мученіемъ и кровію. И развѣ не о всѣхъ людяхъ равно они пекутся, и не равно ихъ любятъ? Жрецъ отвѣтствовалъ мнѣ весьма смятно на сіи вопросы, изъ коихъ ничего другаго я не понялъ, кромѣ пустыхъ его отговорокъ. Я употребилъ всѣ силы моего смысла, чтобъ доказать ему безчеловѣчіе и беззаконное заблужденіе сея службы. Но онъ противополагалъ мнѣ на то, что сіе заведено издревле, и что сею жертвою Божество ихъ конечно услаждается. О человѣки! возопилъ я иногда: вы и звѣрей въ яростіи и невѣжествѣ своемъ превосходите. Отче честный! говорилъ я ему, будь ты первый исправителемъ сего варварскаго и адскаго злоупотребленія: Боги конечно не требуютъ отъ насъ толь проклятыя жертвы; но отвращаются и мерзятся ею. Лютый жрецъ не внималъ моимъ разсмотрѣ-

ніямъ,

нїямъ, и готовился исполнить сїе варварское дѣло. Но я, отозвавъ его на сторону, обѣщалъ ему дать за всякаго плѣнника по сту червонцовъ, ежели онъ ихъ освободишъ отъ сея жертвы, и отпустишъ на волю.

При семъ обѣщанїи корыстолюбивый жрецъ улыбнулся, и умягчилъ суровый свой видъ и голосъ: чадо мое! Сказалъ онъ мнѣ, я вижу, что великїй Зничъ, подавъ тебѣ здравїе, хочетъ тебя прославить щедротою: волѣ его я повинуюся: исполняй его желанїе; а я сего же вечера освобожу плѣнниковъ, когда ему сїе угодно. Но не повѣдай сего народу, продолжалъ онъ, сему неумолимому чудовищу, котораго единыя чудеса къ покорству преклоняютъ. Я обѣщалъ ему содержать сїе тайно, и въ тотъ же день принесть ему цѣну на искупленїе неповинныхъ.

По сему нашему условїю, жрецъ пошелъ во храмъ, и по совершенїи нѣкоторыхъ жертвенныхъ обрядовъ, притворился ужаснувшимся, и дрожащимъ голосомъ, кривляя глазами

и

и успами , возопилъ къ народу : о неизреченнаго Божїя къ намъ милосердїя! При самой пропасти великїй Зничъ воспящаетъ насъ отъ паденїя. Народъ , облáдающїй Кревическими землями ! Священный Огнь освобождаетъ тебя отъ истребленїя, которое соединено было со смертїю сихъ плѣненныхъ тобою враговъ. Онъ мнѣ открылъ теперь, что коль скоро пролїется кровь сихъ Печенѣговъ, то чрезъ три дни , по непремѣнному опредѣленїю всемогущїя Судьбы падетъ наше Государство , и искоренится не возвратно нашими врагами. И для избѣжанїя сего бѣдства нѣтъ другаго способа , кромѣ освобожденїя сихъ плѣнниковъ. По сихъ словахъ онъ умолкъ, а народъ ввергнутый имъ въ смятенїе и страхъ возопїялъ , и требовалъ ихъ освобожденїя немѣдленно. Хитрый жрецъ, радуяся успѣху своего обмана , обѣщалъ народу освободить ихъ въ слѣдующую ночь; ибо, присовокупилъ онъ , сего требуетъ Божество , дабы они во тмѣ оставили нашу страну; ибо тма сїя послужитъ имъ омраченїемъ во всѣхъ

ихъ предпрїяшїяхъ на нашу землю. Но сїе значило, говорилъ Древлянинъ, что онъ хотѣлъ напередъ увѣриться въ деньгахъ, обѣщанныхъ ему мною, прежде нежели освободитъ сихъ Печенѣговъ. Народъ на все согласился, чего ни желалъ отъ него первосвященникъ, который по принесенїи обыкновенныхъ жертвъ возвратился въ свою обитель; а я пошелъ къ себѣ на постоялый дворъ, дабы приготовить ему деньги.

Дорогою встрѣтился со мною Добрыня, который отлучился отъ меня для нѣкоторыя нужды, и ничего невѣдалъ о переговорахъ моихъ со жрецомъ. Я ему разсказалъ сїю исторїю, и не могъ съ нимъ надивиться жадности сего первосвященника, которая побуждаетъ его не токмо народъ обманывать, но и проливать человѣческую кровь подъ предлогомъ благочестїя и богопочитанїя. Ахъ, государь! сказалъ мнѣ тогда Добрыня: такъ никакъ и отвѣтъ, данной имъ тебѣ отъ имени Знича, его же коварства есть вымыслъ; ибо я признаюсь тебѣ, что онъ ласкательствомъ своимъ

выѣдалъ

выведалъ отъ меня нѣсколько о нашей тайнѣ, и о Сандаліяхъ врученныхъ тебѣ Славомысломъ. А что онѣ помогли тебѣ освободиться отъ болѣзни, такъ сіе конечно произошло отъ сокрытой въ нихъ для сего силы, а не отъ Знича, коему приписываетъ жрецъ исцѣленіе болѣзней. Разсужденіе сіе почелъ я справедливымъ, соображая его со жреческимъ коварствомъ. Я предпріялъ завсегда носить спасительные сіи Сандаліи, а Добрынѣ приказалъ не объявлять впредь ни кому о нашей тайнѣ.

Между тѣмъ желая спасти неповинныхъ плѣнниковъ, вынялъ я изъ неизтощимаго моего кошелька деньги, по числу плѣнниковъ, которыхъ было около двадцати человѣкъ; и пошелъ подъ вечеръ къ корыстолюбивому жрецу, которому вручивъ сей выкупъ, просилъ его исполнить обѣщаніе, что онъ въ тотъ же часъ и учинилъ, приказавъ ихъ освободить. Послѣ чего ласкательства его доказали мнѣ ясно, сколь подла его душа. Я оставилъ его скоро, возымѣвъ къ нему

презрѣнїе больше еще прежняго, и идучи на мое подворье разсуждалъ, какъ праведные Боги такихъ гнусныхъ и беззаконныхъ шварей оставляютъ безъ наказанїя; но вспомянувъ произрѣченїе Золотыя Бабы, что Безсмертные мѣдленно наказуютъ злодѣевъ, оставилъ сїе на Промыслъ небесный, который на утрїе же мнѣ доказалъ, что онъ справедливъ. Ибо на другой день Добрыня, ходившей за нуждою на рынокъ, объявилъ мнѣ пришедъ, что сего первосвященника зарѣзали воры, въ числѣ которыхъ былъ его келейникъ, и пограбили все его имѣнїе. Услышавъ сїе, воздалъ я хвалу Небу за избавленїе земли отъ сего чудовища, пожиравшаго человѣчество, и просилъ прощенїя въ моемъ роптанїи на его правосудїе.

Послѣ сего приключенїя вскорѣ оставилъ я сей городъ, и продолжалъ мой путь въ Славенскъ. На семъ пути скончался добродѣтельный мой сопутникъ. По обыкновенїю нашему тѣло его я сожегъ, и собравъ въ сосудъ онаго пепелъ, поставилъ во храмѣ того села, въ ко-

которомъ

торомъ приключилась ему смерть. По совершеніи надъ нимъ признь, отправился я паки въ путь мой, который даже до Валдайскихъ горъ былъ довольно спокоенъ; но на оныхъ разрушило его слѣдующее приключеніе. Не доѣжжая нѣсколько до сего урочища, наѣхалъ я на приказнаго человѣка, ѣхавшаго также въ Славенскъ съ молодою своею женою, съ коею ѣздилъ онъ для свиданія къ ея родителямъ, и возвращался въ столицу Славянъ, имѣя въ оной свое жилищѣ. Мы оба весьма были рады, что наѣхали въ пути своемъ себѣ сотоварища: онъ со мной тотчасъ познакомился, и разсказалъ мнѣ о себѣ, кто онъ таковъ; я также объявилъ ему о себѣ, что я Древлянинъ, и желая видѣть достойныя примѣчанія мѣста путешествую. Такимъ образомъ разговаривая, уменшали мы скуку соединенную съ путешествіемъ, даже до объявленныхъ мною горъ.

По въѣздѣ нашемъ на оныя, и по продолженіи нѣкотораго по нихъ пути, переломилась ось у его коляски, что принудило его и жену его

изъ оной выйти. Я также сошелъ съ моего коня, дабы имъ сопровождествовать; и межъ тѣмъ, какъ люди его старалися привесть въ прежнее состоянїе коляску, мы всѣ трое пошли прогуливаться. Взошедъ на стоящую предъ нами гору, превосходившую высотою всѣ прочїя, удивлялися мы природѣ, аки бы игравшей въ семъ мѣстѣ собранїемъ въ совокупность поликаго числа горъ, намѣтанныхъ одна на другую. Во время сего нашего удивленїя, увидѣли мы летящее къ намъ облако отъ предѣловъ Славенска: летенїе его было весьма быспро, и казалося нѣчто на немъ сидящее. Позорище сїе привлекло на себя наши взоры: по приближенїи его къ намъ, увидѣли мы на немъ сѣдящаго малорослаго Еѳїопа, въ Китайскомъ платьѣ; сїе начпаче удвоило удивленїе и любопытство наше, которое намъ всѣмъ троимъ причинило бы пагубу, ежелибъ не имѣлъ я при себѣ преудивительныхъ моихъ Сандалїй. Ибо, коль скоро сей карло, подобный лицемъ своимъ и злостїю дїяволу, увидѣлъ насъ, що и устремился къ

намъ

намъ летѣтъ. Сїе его стремленїе столь испужало молодыхъ супруговъ, что Милостана (такъ называлась сїя женщина,) упала въ обморокъ въ руки своего супруга, а Завидъ ея мужъ въ такую пришелъ робость, что ни слова немогъ выговорить, и стоялъ какъ изумленный.

Между тѣмъ Еѳїопъ спустившись къ намъ, выхватилъ ее изъ рукъ ея мужа, который упавъ отъ страха, кричалъ изо всей силы: Ахъ, помилуй! помилуй, государь мой! пусти душу на покаянїе. Но карло ему не внималъ, и посадя женщину на облако, устремился съ нею отъ насъ летѣть. Но я, будучи не столь робокъ какъ ея мужъ, и подвигнувшись сожалѣнїемъ, вознамѣрился отнять у волшебника несчастную сїю женщину, которая испуская стенанїе и вопль, призывала меня и мужа своего на помощь. И такъ, имѣя на себѣ летающїе Сандалїи, погнался я за карломъ, и достигъ его вскорѣ, ибо Сандалїи мои несли меня быстрѣе птицы. Мурянинъ увидя меня бѣгущаго за собою, бро-

силъ

силъ въ меня золотою стрѣлою, коею былъ онъ вооруженъ; но я отъ удара сего увернувшись, и поймавъ его стрѣлу, устремился паки за нимъ, дабы самого его поразить ею. Уже вознесъ я руку мою на пораженїе его, какъ гнусный сей чародѣй, видно устрашась сего удара, и почтя меня сильнѣйшимъ себя, бросилъ бѣдную Милостану долой съ облака, а самъ устремился отъ меня летѣть.

Желанїе мстить ему не столь было во мнѣ сильно, какъ стремленїе помочь сей бѣдной женщинѣ, которая съ окончанїемъ своего паденїя ожидала себѣ смерти. Я бросился за нею, и едва успѣлъ предускорить ея паденїе, схвативъ ее за одежду. Между тѣмъ проклятый ея похититель отъ насъ изчезъ. Завидъ, лежавшїй во все сїе время полумертвымъ, услыша подлѣ себя шумъ, произшедшїй отъ насъ, паки закричалъ: Ай! ай! помилуй! Но я его началъ увѣрять, что врагъ его уже изчезъ, и супруга его благополучно отъ онаго избавлена. Тогда онъ приподнявъ немного голову, и

увидя

увидя насъ однихъ, сказалъ: ахъ, проклятый чародѣй! какъ онъ меня испугалъ! Однакожъ, продолжалъ онъ прибодрившись, ежелибъ у меня что въ рукахъ случилось, то я бы доказалъ ему себя.

Въ спокойнѣйшее время засмѣялся бы я его храбрости, но тогда старался я помогать бѣдной его женѣ, которая не могла еще оправиться отъ ужаса, причиненнаго ей волшебникомъ. Наконецъ по старанію моему и ея мужа, получила она паки спокойствіе духа. Послѣ чего принялись и мужъ и жена осыпать меня благодарностями, и просили меня усердно не токмо сошовариществовать имъ въ пути, но и по пріѣздѣ въ Славенскъ жить въ ихъ домѣ во все то время, которое пробуду я въ семъ городѣ. Учтивостямъ ихъ отвѣтствовалъ я подобными учтивостями, и согласился охотно на ихъ желаніе. Между тѣмъ прибѣжали къ намъ Заридовы служители, которые весьма довольно были отъ насъ отдалены. Они усмотрѣли издали приключеніе случившееся съ нами; и бѣжали

намъ помочь по своей возможности; но уже дѣло окончано было до нихъ. Любопытство побуждало ихъ всѣхъ тогда просить меня, чтобъ я имъ разсказалъ, какимъ средствомъ возмогъ я побѣдить толь страшнаго врага, и летать подобно ему по воздуху. По неосторожности моей открылъ я имъ, что ето учинилось помощію моихъ Сандалій, имѣющихъ силу носить по воздуху и водѣ, и притомъ еще и отъ болѣзней излѣчивать.

Сіе объявленіе возбудило во всѣхъ моихъ слушателяхъ не малое удивленіе, которое напослѣдокъ произвело въ одномъ изъ слугъ Завидовыхъ вредное для меня желаніе. Онъ вознамѣрился похитить у меня сей драгоцѣнный залогъ моего воспитателя, что того же дня и произвелъ онъ въ дѣйство на ночлегѣ, обокравъ со мною вмѣстѣ и господъ своихъ, во время нашего сна. По пробужденіи нашемъ на другой день узнали мы о семъ злодѣйскомъ его поступкѣ; и я еще благодарилъ Небо за сохраненіе неизтощимаго моего кошелька, о коемъ никто невѣдалъ,

и

и который и во время сна хранилъ я у себя въ карманѣ, и по сей то причинѣ грабитель нашъ не могъ его у меня похитить. Бѣдные мои сопутники тѣмъ болѣе горевали о семъ несчастіи, что не имѣли больше чѣмъ доѣхать до Славенска, ибо воръ похитилъ у нихъ всѣ деньги; но я ихъ скоро вывелъ изъ сея грусти, обѣщавъ имъ помогать во всѣхъ ихъ нуждахъ. Сіе наипаче умножило ко мнѣ усердіе ихъ и пріязнь: они осыпали меня тьмою благодареній, и даже привели меня въ стыдъ своими учтивостями.

О семъ странномъ съ нами приключеніи, продолжалъ Останъ обращая слово къ Свѣтлосану, не имѣлъ я случая ни тебѣ объявить, государь, и твоему родителю, ниже кому другому, во время пребыванія моего въ Славенскѣ; не знаю и теперь, забвеніюль сіе приписать я должень, или волшебнымъ хитростямъ сего же чародѣя, котораго съ посрамленіемъ обратилъ я въ бѣгство. Я скорѣе ето приношу ему отвѣтствовалъ на то Свѣтлосанъ, ибо по стрѣлѣ познаю я въ

немъ Карачуна, сего люпаго волшебника, который по всему свѣпу причиняетъ великія бѣдспза многимъ людямъ, въ числѣ которыхъ находятся сеспра моя и зять, что я тебѣ по окончаніи твоей повѣсти подробнѣе объявлю. И такъ я думаю, что сей волхвъ, спрашася можетъ быть самому себѣ скорыя пагубы, спарается всѣ свои злодѣйспва сокрыть отъ человѣковъ; но только отъ всемогущихъ Боговъ сего утаить онъ не въ силахъ, которые непремѣнно покажутъ его когда нибудь за неизчетныя его беззаконія. Сказавъ сіе просилъ онъ паки Остана продолжать его повѣствованіе, что Древлянинъ и учинилъ слѣдующимъ порядкомъ.

Послѣ сего случая, продолжалъ Останъ, путь нашъ былъ уже спокоенъ до самаго Славенска, всего великолѣпіе превышало всѣ города видѣнные мною: красопта храмовъ его и башенъ издалече поразила мои очи, и удосповѣрила меня о подлинности славы, носящейся о немъ по отдаленнымъ спранамъ. По въѣздѣ въ оный, глаза мои не знали

куда

куда обратиться : всюду встрѣчалися зданїя достойныя особливаго разсматриванїя ; удивленїе мое продолжалося по пространству всего города , простирающагося на нѣсколько верстъ ; и не преждѣ успокоилось мое вниманїе, какъ по пріѣздѣ въ Завидовъ домъ, стоящей почти по концъ города.

По нѣкоторомъ отдохновенїи въ семъ домѣ , пошелъ я во дворецъ , чтобъ исходатайствовать себѣ счастїе предстать предъ твоего родителя , коего человѣколюбїе прославлялося по всѣмъ Славенскимъ странамъ. По благости его вскорѣ получилъ я къ нему доступъ : я ему объявилъ мои несчастїя , прося его о покровительствѣ и помощи себѣ. Добродѣтельный сей Князь , умилясь на мое злополучїе , но ненавидя брани, проливающей безъ всякаго сожалѣнїя человѣческую кровь , и разторгающей спокойствїе цвѣтущихъ областей , обѣщалъ изходатайствовать мнѣ миротворствомъ , чего другїе доискиваются кровопролитїемъ. Въ исполненїе своего обѣщанїя , послалъ онъ вскорѣ

посольство въ Искоресть съ такимъ приказаніемъ, чтобъ оное старалося преклонить хищника моего престола уступить мнѣ безъ разторженія мира принадлежащій мнѣ вѣнецъ, и ежели не успѣетъ въ семъ, то хотя бъ преклонялo его уступить мнѣ половину Древлянскія земли, съ такимъ условіемъ, чтобъ другую оставилъ онъ мнѣ по своей кончинѣ. Но сей злодѣй не токмо не склонился на сіе миролюбное и выгодное для него требованіе, но предпріялъ еще отнять у меня и жизнь, какимъ бы то способомъ ни было. Для сего варварскаго исполненія, избралъ онъ самыхъ наипозорнѣйшихъ людей изъ своихъ прислужниковъ, отъ которыхъ едва нечаянный случай возмогъ спасти мой животъ.

Извѣстно тебѣ, государь, продолжалъ Древлянинъ, что по милости твоего родителя перешелъ я жить изъ Завидова дома во дворецъ, гдѣ ни въ содержаніи ни въ удовольствіяхъ не имѣлъ я никогда недостатка; но оскорбленное мое сердце гоненіемъ рока не воспринимало иногда отъ нихъ ни малыя сладо-

сти,

сіи, и погружало меня въ глубокую задумчивость: въ сіи печальные для меня часы, любилъ я прогуливаться по прекраснымъ долинамъ Славенска, или по берегамъ рѣки Мушной, прозванной Волховымъ въ память Славенова сына Волхва или Волховца, который по сей рѣкѣ разбойничалъ, превращаяся въ лютаго крокодила. Нѣкогда въ вечернее время прохаживаяся по берегамъ сея рѣки, довольно далеко отъ города, увидѣлъ я на рѣкѣ сѣдящаго въ лодочкѣ престарѣлаго человѣка, упражняющагося въ ловленіи рыбы. Упражненіе его привлекло на себя мои очи: я впалъ въ пріятную задумчивость, представляющую мнѣ состояніе рыболова, и стоящаго человѣка на высокой степени, гоняющагося за счастіемъ: единаго изъ нихъ безпечную и сладкую свободу, и другаго обманчивый блескъ, совокупленный съ безпрестанными заботами, и изнуряющею тягостію его званія. По средѣ сихъ думъ произшедшій вопль изторгъ меня изъ моихъ размышленій: я обратилъ мои глаза туда, откуда

сный происходилъ, и увидѣлъ бѣднаго старика утопающа. Не мѣдля нимало бросился я въ рѣку, и съ великимъ хотя для меня трудомъ, однакожъ освободилъ его напослѣдокъ отъ утопленія, воспослѣдовавшаго ему отъ неосторожности и легкости его лодки; и онъ бы непремѣнно погибъ безъ моея помощи, ибо по несчастію его ни одного человѣка кромѣ меня не случилось тогда на берегу.

Бѣдной сей старикъ лишился при семъ случаѣ лодки своей, и снастей принадлежащихъ къ его промыслу: но онъ объ нихъ тогда не сожалѣлъ, освободясь отъ неминуемыя себѣ смерти, и бросясь ко мнѣ въ ноги, приносилъ мнѣ наичувствительнѣйшую благодарность. Состояніе его показалося мнѣ жалостно, я подалъ ему десять червонцовъ на исправу его надобностей, которыхъ онъ при потопленіи лишился. Сія малая щедрота привела его въ неописанное восхищеніе: онъ паки хотѣлъ повергнутся къ моимъ ногамъ, но я его до сего не допустилъ, совѣтуя ему притомъ возвра-

вратиться въ свое жилищѣ для успокоенїя ; а чтобъ болѣе не возмущать его моимъ присудствїемъ, то пошелъ отъ него самъ той жеминуты.

Что Небо воздаетъ намъ со вторицею за щедроты наши къ бѣднымъ, сїе я позналъ тогда же опытомъ ; ибо по нѣсколькихъ дняхъ послѣ сего приключенїя , когда я по обыкновенїю моему прогуливался по берегу Волхова , то сей самый старикъ, увидя меня, просилъ отойти съ нимъ отъ людей въ сторону , обѣщавая возвѣстить мнѣ важную тайность ; я его желанїе удовольствовалъ. Скажи мнѣ , государь , спросилъ онъ отведши меня, не ты ли сей Древлянскїй Князь, за котораго вступясь добродѣтельный Обладатель Славянъ , послалъ въ Искоресть посольство ? Такъ , отвѣтствовалъ я ему , это я. Милости твои , оказанныя мнѣ съ толикою щедротою, сказалъ мнѣ на то престарѣлый рыболовъ, побуждали меня завсегда воздать тебѣ за нихъ какою нибудь услугою , и благодарю Бога, что они услышали о семъ мою молитву. Жизнь твоя

находится въ опасности, государь, продолжалъ онъ: хищникъ твоего Княжества хочетъ тебя лишить оной; видишь ли ты сихъ людей, присовокупилъ онъ указывая мнѣ на трехъ прохаживающихся: они Древляне, и присланы сюда твоимъ злодѣемъ, чтобъ отнять у тебя жизнь тайнымъ образомъ. Мнѣ удалось сію тайну у нихъ самихъ подслушать; ибо они приспали въ моей хижинѣ, опасаясь явиться въ городѣ, чтобъ предпріятіе ихъ какъ не открылось. Во время ночи, когда не могъ я уснуть по причинѣ моей хворости, перешептывалися они о семъ: и притомъ еще говорили, что пославшій ихъ предпріялъ развратить деньгами пословъ и вельможъ здѣшняго двора, чтобъ какъ нибудь устроить здѣсь твою погибѣль. Такъ я, продолжалъ старикъ, памятуя къ себѣ твои милости, и видя твое доброе сердце, совѣтую тебѣ, государь, какъ найвозможно скорѣе удалиться изъ сея страны, и ожидать себѣ помощи отъ единыхъ Небесъ. Не мни избыть здѣсь пагубы отъ твоего злодѣя; хотя

ты

ты объявишь о смертоубійцахъ твоихъ добродѣтельному Богославу, и казнію ихъ отвратишь на нѣсколько отъ себя ударъ, но врагъ твой другіе составитъ на тебя козы; и напослѣдокъ непремѣнно потребитъ тебя. Злые въ желаніяхъ своихъ упорствуютъ, и пронырствами своими достигаютъ скорѣе успѣховъ, нежели идобродѣтельные. Хотя здѣшній Государь окруженъ почтенными и добродѣтельными людьми, но въ великой толпѣ придворныхъ и народа довольно сыщется бездѣльниковъ, которыя не ужаснутся пролить неповинную кровь за мздовоздаяніе. Не возгнушайся моего совѣта, государь, примолвилъ онъ, хотя я теперь ничто иное какъ бѣдный рыболовъ, но былъ нѣкогда знаменитый вельможа между Болгарами; но будучи весьма долго игралищемъ судьбы, и изнуренъ превратностями лживаго счастія, удалился я въ сію страну, отрекшись отъ суетныхъ пышностей сего мира, спрашася предаться паки его треволненію; и веду теперь жизнь хотя убогую, но за

то

то спокойную и безопасную отъ нападковъ льстиваго счастія, которому нечего больше у меня теперь похитить кромѣ моея жизни.

Сіе неожидаемое бѣдствіе поразило меня какъ громомъ, говорилъ Останъ, и возмутило наипаче тревожныя мои мысли: но добродѣтельный сей старикъ, увидя мое смущеніе и страхъ, старался меня утѣшить подавая мнѣ полезныя совѣты и наставленія. Онъ присовѣтовалъ мнѣ оставить тайно Славенскъ, представляя, что ежели я открою твоему родителю причину моего отъѣзда, то непремѣнно буду имъ воспрепятствованъ, и не возмогу безъ грубости отказать его желанію, чтобъ пребыть подъ его защитою; а между тѣмъ врагъ мой сыщетъ средство устроить неминуемую мнѣ погибѣль. При семъ случаѣ увѣдомилъ онъ меня, что восходя на Востокъ между Азіею и Европою есть страна, называемая великою Болгаріею, лежащая при великой рѣкѣ Волгѣ, отъ коея и имя свое получила. Сея страны народы, говорилъ онъ, единоплеменны

Славя-

Славянамъ; они пришедъ отъ краевъ Варяжскаго моря, разположили свои жилища при плодоносныхъ рѣкахъ Камѣ, Волгѣ и Яикѣ, построивъ многіе и крѣпкіе городы, изъ которыхъ главнѣйшій называется Боогордъ. Жители сея земли славны сколько оружіемъ своимъ, столькожъ купечествомъ и хитросшными своими рукодѣліями. Они ведутъ безпрестанныя войны съ вышедшими изъ Кипайскихъ странъ народами; и отъ сего упражненія пріобыкли они столько къ воеванію, что почитаются между Славянами храбрѣйшими воинелями.

Къ симъ то народамъ совѣтовалъ онъ мнѣ ѣхать, и искать ихъ помощи противу моего злодѣя. Они охотно предпринимаютъ дальные походы, говорилъ онъ мнѣ, когда только надѣются получить отъ нихъ себѣ славу и прибытокъ. На совѣтъ его охотно я преклонился, и тѣмъ наипаче, что таковыми путешествіями уповалъ научиться, разсматривая нравы, законы, обыкновенія и достопамятности разныхъ народовъ. За спасительное его объ-

явленіе

явленіе и благій совѣтъ, хотѣлъ было я паки возблагодарить ему деньгами; но онъ отъ подаянія моего отвратился, и отвѣтствовалъ мнѣ, что онъ никогда еще не продавалъ за мзду ни совѣтомъ своихъ, ни остереженій отъ смертоносныя погибѣли; и что и такъ уже одолженъ мною низачто. Толикое его безкорыстіе восхитило мою душу такъ, что ежели бы не предстояла мнѣ грозящая смертію опасность, то я тогда же бы согласился водвориться съ нимъ, дабы научиться его терпѣнію и добродѣтели.

И такъ, слѣдуя спасительному его совѣту, выѣхалъ я въ послѣдующую же ночь изъ Славенска, оставя письмо Государю твоему родителю, прося его въ ономъ простить меня въ скоропоспѣшномъ моемъ отъѣздѣ изъ его столицы, къ чему меня побудили, прилагалъ я, тайныя и важныя причины. Такимъ образомъ извиняся сколько возможно лучше, выѣхалъ я изъ города, и направилъ путь мой къ великой Болгаріи. Я умалчиваю небольшія приключенія случившіяся мнѣ въ дорогѣ. По

нѣсколь-

нѣсколькихъ трудностяхъ. прибылъ я напослѣдокъ въ Боогордъ, столицу Болгарскихъ Князей. Городъ сей пространствомъ своимъ и зданіями, едва уступаетъ Славенску. По всѣмъ мѣстамъ видимо въ немъ достойное похвалъ искуство Болгарскихъ художниковъ; наипаче сіяетъ оно въ украшеніи храмовъ и Княжескихъ чертоговъ. Сей городъ стоитъ верстахъ въ тридцати ниже устья рѣки Камы: а отъ Волги отдѣленъ лугами верстъ на семь.

Пріѣздъ мой и въ сей городъ былъ безполезенъ, ибо я желанной мною помощи не могъ и въ немъ получить, понеже Болгарскій Князь, именемъ Тривеллій, находился тогда на войнѣ противу непріятелей Государства, изъ коея не уповали возвращишься ему скоро. Обманутъ будучи повсюду надеждою, разсудилъ я, воспомнивъ послѣднія слова моего воспитателя, что никакъ сами Боги препятствуютъ мнѣ получить человѣческою силою то, что долженствую я пріобрѣсть единою добродѣтелію и достоинствомъ. Размышляя такъ, отложилъ

я попеченїе о полученїи моего пре-
стола по нѣхъ поръ, пока сами Бо-
ги не соблаговолятъ мнѣ возвра-
тишь онаго, усмотря меня того
достойнымъ. Во ожиданїи того
опредѣлилъ я, странствуя по свѣ-
ту, наслаждаться разсматриванїемъ
вселенныя и ея обитателей. Раз-
ложась такимъ образомъ, старался
я разогнать смущенїе моихъ мыслей,
колебавшее меня повсюду, и вдался
въ разсматриванїе всего, что очамъ
моимъ ни представлялося достой-
нымъ любопытства и примѣчанїя.
Наипаче всего старался я научишься,
и вспомоществовать несчастнымъ и
бѣднымъ людямъ, поставляя себѣ
то главнѣйшимъ правиломъ, и дол-
жностїю честнаго человѣка.

Принявъ сїе начертанїе моимъ
поступкамъ, и обозрѣвъ достопри-
мѣчаемыя мѣста, городы и вещи
Славенскихъ Волгаръ, поѣхалъ я къ
Хвалиссамъ, народу произхожденїемъ
Славенскому жъ, живущему близъ
Хвалынскаго моря, около славнаго и
богатова города Тмутаракани. Про-
бывъ у оныхъ нѣсколько времени,
отправился я моремъ въ Перейю, а
отпуда

оттуда въ сію страну, въ которой по неожидаемому мною счастію, обрѣлъ тебя, государь, избавителемъ себѣ отъ неизбѣжныя мнѣ погибели, которая слѣдующимъ образомъ мнѣ приключилась.

Я ѣхалъ въ столицу здѣшняго Государства, по воспріятому мною намѣренію, чтобъ осмотрѣть вездѣ достойное примѣчанія. По обыкновенію моему сего дня, во время самаго жарчайшаго сіянія солнца, склонился я съ дороги въ лѣсъ, дабы подъ тѣнію древъ пребыть по шѣхъ поръ, пока умѣрится солнечный жаръ. Во время сего моего отдохновенія напала на меня шайка разбойниковъ: они меня совсѣмъ ограбили, и не довольясь тѣмъ, привязали меня къ дереву, по своему обыкновенію, опасаясь, чтобъ я по отбытіи ихъ не собрался за ними погони. Одинъ изъ сихъ злодѣевъ, будучи недовѣрчивѣе и лютѣе прочихъ, хотѣлъ меня умертвить испущеніемъ на меня стрѣлы; но въ самое то время вскричавъ преужасно, палъ мертвъ. Я и товарищи его весьма сему удивились, и обозрѣвшись

шись увидѣли мы скорпїю, которая его въ самой тотъ мигъ ужалила, когда онъ устремился было меня умертвить. Сїя пресмыкающаяся, отползши потомъ нѣсколько отъ насъ шаговъ, вдругъ встрепенулась, и превратясь въ ворона отъ насъ улетѣла. Устрашась сего чуднаго приключенїя, и услышавъ ѣдущихъ шумъ, разбойники меня оставили, и тояжъ минуты отъ меня сокрылись; но при всемъ томъ я бы остался тутъ жертвою либо звѣрей, либо глада, когдабъ сей самый воронъ, избавившїй меня подъ видомъ скорпїи отъ смертоубїйцы, не привелъ тебя ко мнѣ на избавленїе, великодушный Князь; ибо я примѣтилъ, что онъ непрестаннымъ своимъ летанїемъ туда и сюда привлекъ васъ всѣхъ въ пагубное сїе для меня мѣсто. Вотъ вся моя исторїя, сказалъ онъ по семъ Богославову сыну, о которой тебѣ угодно было отъ меня увѣдать.

Послѣ сего Останъ паки принялся благодарить Свѣтлосана, и обязанїями своими доказывать ему усердїе свое и прїязнь; напротивъ чего

и

и другой равномѣрнымъ образомъ старался ему отвѣтствовать. По оказаніи другъ другу равныхъ учтивостей, просилъ Древлянинъ Славенскаго Князя разсказать ему подобно и о своихъ приключеніяхъ, которыя были ему виною путешествія его въ Индію, въ чемъ Свѣтлосанъ немѣдленно его и удовольствовалъ. По окончаніи его исторіи, разсуждали они всѣ совокупно, куда имъ надлежитъ напередъ ѣхать, и по нѣсколькихъ словопрѣніяхъ, усовѣтовались они побывать у всѣхъ славныхъ прорицалищъ, дабы отъ нихъ увѣдать, гдѣ сыскать, и какъ побѣдить Карачуна. По низложеніи же сего страшнаго врага, обѣщалъ Славенскій Князь Остану возвратить ему Древлянскій престолъ вооруженною рукою; но правосудные Боги инако случай сей разположили.

Во время сихъ ихъ размышленій и предпріятій, солнце начало спущаться въ Океянъ, а небо покрываться мрачными и проспранными облаками, которые угрожали путешественникамъ престрашною бурею. Чего ради, желая отвратить

отъ себя ея нападки, понудили они коней своихъ поскорѣе бѣжать, дабы заблаговременно сыскавъ ночлегъ укрыться отъ сея непогоды. Но однакожъ намѣренїя своего совершить они неускорили: буря предупредила оное, и ужасными вѣтрами и мракомъ, соединенными съ преспрашнымъ громомъ, безпрестанными молнїями, пресильнымъ дождемъ и градомъ, сокрыла отъ очей ихъ дорогу. Испужанные ихъ кони симъ безмѣрнымъ волненїемъ природы, весьма разсирѣпѣли, и помчали всадниковъ своихъ туда, куда влекло ихъ стремленїе и страхъ. Сколько Славяне силъ своихъ ни прилагали, дабы удержать устрашенныхъ сихъ животныхъ, но они закуся удилы разбѣжалися съ сѣдоками своими въ разныя стороны. Наипаче Свѣтлосановъ конь, будучи прочихъ сильнѣе и упрямѣе, умчалъ его топчась у прочихъ изъ вида; и заблуждая съ нимъ въ темнотѣ, носилъ его по долинамъ, горамъ и лѣсамъ, будучи непрестанно подстрекаемъ ударами грома и блистанїями молнїй.

Напослѣ-

Напослѣдокъ, по протеченїи уже цѣлой ночи, когда буря спала утихать, и солнечные лучи освѣщать и согревать землю, конь его оспановился въ пространной долинѣ, будучи весьма утомленъ. Свѣтлославъ, лишась подобно силъ своихъ, слезъ съ коня, и пустилъ его, спрегожа, пастися по полю; а самъ бросился на праву, чтобъ получить себѣ между тѣмъ нѣкое отдохновенїе. Однакожъ весьма долго не могъ заснуть, будучи тревожимъ мыслїю о своихъ сопутникахъ, и спрашася потерять ихъ въ такое время, когда они были ему весьма нужны. На послѣдокъ возшедшее солнце, начавъ испущать жарчайшїе лучи, и ослабивъ утомленные его члены, склонило нечувствительно ко сну, который былъ ему весьма нуженъ по толикомъ его изнеможенїи.

На семъ пустомъ мѣстѣ, окруженномъ отвсюду лѣсами, проспалъ бы онъ можетъ быть до вечера, ежели бы не прервало его покоя слѣдующее сновидѣнїе: представилося ему будто онъ шелъ по пространному полю, украшенному цвѣтами и те-

рнїемъ, во храмъ славы, который стоялъ на концѣ сего поля; и когда уже онъ оканчивалъ къ нему свой путь, какъ вылетѣвшее вдругъ изъ онаго чудовище, на подобїе изображающїяся смерти, препятило ему въ оный входъ, и бросилось на него съ остервенѣнїемъ; но въ самое то время Вельдюзъ, зять сего Князя, отдернувъ его въ сторону, поразилъ сїе чудовище своимъ мечемъ. Отъ сего тревожнаго видѣнїя Свѣтлосанъ проснулся, и увидѣлъ около себя бѣгающаго зайца, который, посмотрѣвъ на него нѣсколько, побѣжалъ отъ него прочь, и въ тужъ минуту превратясь въ соловья, улетѣлъ у него изъ глазъ. Свѣтлосанъ озрясь въ другую сторону, по причинѣ происходившаго оттуда реву, увидѣлъ коня своего терзаема двумя львами, изъ которыхъ одинъ усмотря Славенскаго Князя, бросился на него стремительно, чтобъ его разтерзать; но Свѣтлосанъ, вооружась Левсиловымъ мечемъ, укротилъ вскорѣ его стремленїе, пресѣкши его наполы. Другой левъ, усмотря сраженїе своего товарища, кинулся ему на помощь,

помощь, но Князь умертвилъ и онаго по недолгомъ его сопротивленїи.

Избавясь такимъ образомъ отъ предстоявшей себѣ опасности, размышлялъ онъ долго о семъ приключенїи, и не могъ надивиться, какимъ образомъ заецъ, будучи толь робокъ и дикъ, осмѣлился ему помочь; но вспомнивъ оборонѣ, превратившемся въ сего рода звѣрка, началъ онъ думать, не человѣкъ ли уже какой въ толь странныхъ видахъ помогаетъ людямъ, будучи самъ гонимъ, можетъ быть, лютостїю какого нибудь чародѣя. Сїе размышленїе привело ему на мысль бѣднаго Вельдюзя, Видостана, и прочихъ бѣдствующихъ отъ злобнаго Карачуна. При воспоминовенїи ихъ горесть объяла его сердце: онъ простерся по землѣ, принося молитвы отечественнымъ своимъ Богамъ; а наипаче Чернобогу, покровителю своему. Во время сея его молитвы, услышалъ онъ слѣдующїй къ себѣ гласъ: *Мужайся и дерзай!* Сей Божественный голосъ вселилъ въ него паки ослабшую его бодрость: онъ паки простерся, и принесъ благодареніе ниспославшему сїи слова.

По

По окончаніи своей молитвы по шелъ онъ въ ту сторону, въ которую полетѣлъ соловей, превратившейся изъ зайца. Цѣлый день онъ ничего не ѣлъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ, попадшихся ему на пути, древесныхъ плодовъ. Ночь препровождалъ онъ въ лѣсу, превожимъ будучи непрестанно лютыми звѣрями. И такъ препроводя ее весьма худо, шелъ онъ другой и третей день безъ всякія почти пищи. На конецъ на четверпой уже день, будучи весьма упомленъ и обезсиленъ, усмотрѣлъ онъ вдали замокъ, и весьма былъ тому радъ, уповая въ немъ найти себѣ спокойное отдохновеніе отъ претерпѣнныхъ имъ трудовъ.

Подошедъ поближе къ оному, увидѣлъ онъ на воротахъ сего замка того же самаго свѣтозарнаго Духа, который его избавилъ отъ Карачуна. При видѣ онаго Свѣтлосанъ предъ нимъ палъ ницъ на землю, а духъ изрекъ къ нему слѣдующее.

Здѣсь смерти одръ,
Жилище при:
Будь, смертный, бодръ,
Или умри.

Про-

Проговоря сїе Духъ сталъ невидимъ, а Свѣтлосанъ остался разсуждать о его пророченїи. Онъ былъ въ недоумѣнїи о словахъ его, которыя грозили ему смертїю въ семъ замкѣ, ежели не будетъ онъ бодръ: онъ заключилъ изъ сего, что должно тутъ скрываться важной тайности, которую весьма желалося любопытству его увѣдать. Приходило ему на мысль, что могутъ тутъ быть заключенны сродственники его либо друзья; воспомнилось ему и пророчѣнїе Чернобогово, что онъ не инако достигнетъ до окончанїя бѣдствъ, какъ по пути напастей, и предводительствомъ неустрашимости. И такъ вообразя все сїе, и вооружась всею своею храбростїю, предпрїялъ вступить въ замокъ, и познать его таинства, во чтобъ то ему ни стало.

По приходѣ его въ замокъ, мѣдные онаго ворота затворились за нимъ сами съ превеликимъ скрыпомъ и стукомъ; послѣ чего увидѣлъ онъ по всему двору премножество людей, разнаго народа, въ разнообразныхъ положенїяхъ: иные изъ нихъ

были удивленны, другїе испужанны, третьи и той и другой страсти имѣли на лицѣ своемъ знаки; а нѣкоторые казалися призывающими Небо къ себѣ на помощь. Свѣтлосанъ подошедъ къ первому изъ нихъ, хотѣлъ отъ него увѣдать причину страннаго сего зрѣлища, но нашелъ его окаменѣнна. Онъ обратился къ другому, но и того нашелъ въ такомъ же состоянїи; и напослѣдокъ увидѣлъ, что они всѣ были камни, сохранившїе человѣческїй видъ. Сїе его удивило, однакожъ не привело въ робость. Но когда онъ прошелъ нѣсколько по двору, то всѣ сїи окаменѣнные люди учинили за нимъ превеликїй шумъ и гаркъ: иные изъ нихъ плакали, другїе смѣялись надъ нимъ, а третьи кричали: *Постой! постой! остановись! ахъ! погибъ бѣдный!* Инде вопили: *у! у! е! а!* и ругали его всякими браньми, осмѣхая и устрашая. Однакожъ всѣ сїи сопли не могли его совершенно устрашить, хотя и дали ему видѣть, что онъ находится въ ужасномъ мѣстѣ. Онъ остановился на нѣсколько, и принеся

неся молитву Богамъ, обнажилъ свой мечь, и продолжалъ свой путь въ предстоящія полаты, вознамѣрясь на все отважиться, ежели потребуетъ нужда. Къ сему его побуждало наболѣе сіе, что онъ надѣялся сыскать въ семъ замкѣ сестру свою, или взятя, либо кого нибудь изъ своихъ пріятелей.

По приближеніи его ко крыльцу, услышалъ онъ изходящее изъ покоевъ спенаніе и вой, и вскорѣ за ними свистъ и вопль преужасный; когда же вступилъ онъ на крыльцо, то въ двери, ведущія съ онаго въ покои, повалилъ на него густой и смрадной дымъ. Свѣтлозанъ, призывая непрестанно имя Чернобогово, простеръ свой мечь, и вступилъ въ первую комнату: оная вся наполнена была премножествомъ разнообразныхъ уродовъ съ прегнусными харями. Какъ скоро они его увидѣли, то и завыли всѣ преспрашными и скаредными голосами, крича ему со всѣхъ сторонъ: *Куда ты, несмысленный, идешь? Возвратись назадъ: здѣсь преддверіе ада. Ежели ты осмѣлишся пойти еще далѣе, то*

ниспадешь въ пылающую Геенну. Бѣги скорѣе отсюду. Выговоривъ сіе бросились они на него со всѣхъ сторонъ, и начали его перебить и уязвлять отовсюду; съ начала пришелъ было Свѣтлосанъ въ робость, но уязвленія ихъ возвратили ему сердце и смѣлость: онъ началъ поражать своимъ мечемъ окружающихъ его уродовъ, которые мало по малу отъ него разсыпаясь, вдругъ всѣ изчезли.

Сіе возвратило ему прежнюю его бодрость: онъ увидѣлъ, что мечь его можетъ всему сопротивляться; чего ради принеся паки молитву Чернобогу, пошелъ далѣе. По разшвореніи второя комнаты, увидѣлъ онъ, что всѣ ея стѣны и потолокъ увѣшаны были зміями и чудовищами, а полъ усыпанъ пепломъ, и полуистлѣвшими человѣческими костями. Какъ скоро чудовища его усмотрѣли, то и начали на него всѣ зіять пламенемъ, поднявъ преужасный скрежетъ, ревъ и свистъ, наподобіе клокоту и журчанія огнедышущія горы. Славенскій Князь, имѣя въ рукахъ обнаженный Левсиловъ

сѣкновѣ мечь, и надѣясь и ихъ разогнать подобно, вошелъ безбоязненно и въ сію комнату; но едва не лишился онъ тутъ своея жизни. Пламя, которое испустили на него змѣи и чудовища, обхватило его со всѣхъ сторонъ, и онъ отовсюду началъ горѣть: и ежели бы, въ семъ опасномъ приключеніи, храбрость его хотя на минуту совсѣмъ его оставила, то погибъ бы онъ тутъ отъ пламени ихъ мгновенно. Но по счастію его, и помощію Чернобога, сохранилъ онъ и въ семъ ужасномъ случаѣ колеблющуюся свою бодрость: и будучи терзаемъ отовсюду огнями, непрестававъ поражать мечемъ нападавшихъ на него чудовищей, и на превеликую силу наконецъ ихъ разогналъ. Тогда то онъ позналь, что естьлибъ не одаренъ былъ отъ Чернобога силою и храбростію, и не вооруженъ Левсиловымъ мечемъ, то погибъ бы тутъ конечно.

Сіи два побоища, присовокупясь къ придневному его гладу, весьма ослабили его силы, и уменьшили его бодрость: онъ уже началъ и сумнѣваться

нѣваться преодолѣть сіи адскія стражи, и хотѣлъ возвратиться назадъ; но въ самое то время услышалъ гласъ, ободряющій его на довершеніе предпріятаго имъ дѣла. Сей небесный голосъ оживотворилъ унылое его сердце: бодрость его укрѣпилась, и полученныя имъ раны не стали ему чувствительны. Онъ воздалъ благодареніе подкрѣпляющему его Божеству, и обѣщалъ безропотно ему повиноваться.

Въ слѣдствіе чего, принявъ паки твердое намѣреніе до конца изслѣдовать сію тайну, отворилъ онъ безбоязненно двери третей комнаты: стѣны ея и полъ были желѣзныя, раскалены на подобіе горящаго угля. Какъ только Свѣтлосанъ, отворя ее, и неразсмотря еще совершенно, занесъ ногу, чтобъ въ нее вступить, то въ самое то мгновеніе полъ обрушился, и намѣсто онаго выступило зіяющее пламя, подобно изходящему изъ огнедышущія горы; и въ тотъ же мигъ вылетѣвшій изъ глубины сея пропасти пламенный крокодилъ, разинувъ широкія свои челюсти, устре-

мился

мился на Свѣтлосана, и хотѣлъ его проглотить однимъ зѣвомъ. Но ободренный сей Князь небеснымъ гласомъ, въ самой тотъ мигъ вонзилъ ему въ пасть свой мечь: страшилище засѣпѣло и изчезло, а комната изъ самыя страшныя учинилась весьма великолѣпно украшенною. При семъ пріятномъ видѣ Свѣтлосанъ наиболѣе еще ободрился, и отдохнувъ въ ней нѣсколько, безъ всякія уже робости пошелъ въ четверпую полату. Сія была всѣхъ прочихъ несказанно пространнѣе и преужаснѣе: она заключала въ себѣ несмѣтное множество страшилищъ, на которыхъ взираніе навлекало смотрящему неизбѣжимую смерть; но всѣхъ ихъ ужаснѣе былъ прегрозный Исполинъ, вооруженный претяжкою желѣзною дубиною съ шипами. Какъ скоро сей извергъ естества увидѣлъ идущаго въ полату Славенскаго Князя, то возопивъ преужасно, и приподнявъ ужасную свою палицу, хотѣлъ ею сразить Свѣтлосана; но юный Князь предускоривъ сей ударъ, вонзилъ самому ему въ сердце свой волшебный мечь.

Страшилище упало и изчезло, и всѣ съ нимъ вмѣстѣ окружавшія его чудовища: ужасная полата въ тужъ минуту превратилась въ великолѣпную залу, а намѣсто прегнуснаго Исполина предстала прекрасная женщина въ бѣломъ одѣяніи.

Она постоявъ нѣсколько въ молчаніи, какъ будтобъ собирала разсѣянный свой разсудокъ, бросилась потомъ предъ Свѣтлосана на колѣни, и проливая радостныя слезы, возопила къ нему: великодушный и неустрашимый Герой! Чѣмъ мнѣ воздать за великое твое благодѣяніе? Ты освободилъ меня отъ такого очарованія, надъ которымъ цѣлый адъ я чаю трудился. Государыня моя, отвѣтствовалъ ей Князь подымая ее, не мнѣ, но Богамъ должна ты благодарить за сіе избавленіе; ибо, ежели бы не ихъ рука и меня въ семъ дѣлѣ предводила, то и я бы погибъ здѣсь невозвратно. Но скажи мнѣ, государыня, продолжалъ онъ, кто тебя заключилъ въ ужасное сіе жилищѣ? Карачунъ, отвѣтствовала она. Карачунъ! возопилъ удивленный Князь. Праведные

ные Боги! доколѣ попустите вы сему чудовищу тиранствовать надъ бѣдными человѣками? Сей же самый злодѣй, государыня, продолжалъ онъ къ ней, и меня лишилъ сестры и зятя, которыхъ я ищу весьма уже давно. А какъ называется сей зять, спросила его поспѣшно женщина? Вельдюзь, Полотскій Князь, отвѣтствовалъ ей Свѣтлосанъ. Ахъ, государь! вскричала она: онъ то и приключилъ мнѣ сію напасть, отъ коея ты меня избавилъ; но я на него не жалуюсь: онъ самъ въ томъ не виноватъ, и пострадалъ можетъ быть жесточе еще и меня отъ нашего злодѣя. Такъ ты супруга Левсилова, перехватилъ рѣчь ея Князь? Такъ, отвѣтствовала Превраша; но ты почему знаешь, государь, несчастнаго моего мужа? Тогда Свѣтлосанъ разсказалъ ей вкратцѣ исторію Руса, и свои приключенія соединенныя съ онымъ. Ахъ, государь! сказала тогда Превраша, по словамъ твоимъ хотя Русъ не столь виноватъ, какъ я мнила, но только онъ всѣмъ нашимъ напастямъ причина; однакожъ я ему проступокъ

его прощаю; можетъ статься былъ онъ только орудіемъ Божескаго на насъ гнѣва.

Въ семъ мѣстѣ ихъ разговора, прервала ихъ бѣсѣду толпа оживленныхъ людей, вошедшихъ въ комнату: они всѣ пали на землю предъ Свѣтлосаномъ, принося ему свою благодарность за избавленіе ихъ отъ очарованія. Они были всѣ разнаго состоянія, и разныхъ земель люди, и по случаю путешествія ихъ зашли они въ сей замокъ, надѣясь сыскать въ немъ гостинницу; но вмѣсто оныя обрѣли было смерть. По объявленію ихъ, какъ только кто изъ нихъ входилъ на дворъ замка, и будучи устрашенъ шумомъ, произходившимъ отъ очарованія, хотѣлъ бѣжать назадъ со двора, то въ самое то время становился окаменѣвшимъ. По сказкамъ ихъ, весьма не многіе изъ нихъ доходили до второй комнаты; а которые были столь дерзки, тѣ погибали бѣдственно отъ зіяющихъ пламенемъ чудовищъ. Мы всечасно претерпѣвали мученіе, говорили они, хотя были и окаменѣвшы; ибо мы сохраняли

няли всѣ чувства, хотя и не могли ими дѣйствовать. Лютыя страшилищи сего замка повсеночно мучили насъ жесточайшимъ образомъ; и мы всечастно молили Боговъ послать намъ либо смерть, либо избавителя. Теперь они молитву нашу исполнили,ославъ тебя къ намъ на избавленїе, неустрашимый незнакомецъ. Сея милости твоей, продолжали они, во вѣки мы не забудемъ.

Послѣ сего бросились они опять къ ногамъ Свѣтлосановымъ, который, съ своей стороны, обласкавъ ихъ сколько возможно наилучше, просилъ госпожу замка, чтобъ она за участїе ихъ въ ея злоключенїи утѣшила ихъ, и поправила, сколько возможно ей, понесенные ими убытки. Превратa съ великою охотою на предложенїе его согласилась, и приказала своимъ служителямъ, которые подобно были очарованы, и предстали предъ нее совокупно съ прочими людьми, приготовить для всѣхъ изобильный столъ.

Между тѣмъ просила она своихъ гостей, чтобъ они во ожиданїи обѣда успокоились, гдѣ кому угодно

угодно будетъ; а Свѣтлосану предложила удалиться съ нею во особливую комнату, обѣщавая разсказать ему приключеніе своего очарованія, а отъ него узнать объ его повѣсти. Славенскій Князь охотно на желаніе ея согласился, и послѣдовалъ за нею въ ея кабинетъ, гдѣ и начала она сперва разсказывать ему свои приключенія отъ начала ихъ, упоминая кратко объявленное уже объ ней Русомъ и Великоземъ. Послѣ чего продолжала она слѣдующимъ порядкомъ.

По свершеніи любпаго своего мщенія, говорила она Свѣтлосану, надъ несчастнымъ твоимъ зятемъ, Карачунъ, сей гнусный извергъ природы, сказалъ обратясь комнѣ: а ты, неблагодарная! претерпишь отъ меня сократъ люшѣйшее сего наказаніе; но не за вспоможеніе твое сему бѣдному Полочанину, а за презрѣніе любви моей къ тебѣ. Недостойнаго твоего мужа наказалъ уже я такъ, какъ должно за его гордость и дерзость противу меня; а тебя оставлялъ въ покоѣ до сихъ поръ для того только, что не имѣлъ

еще

еще въ рукахъ у себя способа прикоснуться къ проклятому твоему ожерелію; а теперь отмстя творцамъ онаго, вымучилъ изъ нихъ способъ прикасаться къ нему безвредно. Проговоря сіе схватилъ онъ меня съ остервенѣніемъ за ожерелье, и приподнявъ ударилъ о полъ, сказавъ сіи слова: презрапись во образъ ужаснѣйшій сего, какой теперь я имѣю, и пребудь въ немъ по тѣхъ поръ, пока не умертвитъ тебя люпое оружіе твоего мужа. Имѣй неистовое желаніе убивать всѣхъ приходящихъ на избавленіе къ тебѣ; а чтобъ мученіе твое сравнялось моему, какое я отъ тебя чувствовалъ, то да превратится веселое твое жилище во образъ адскихъ пещеръ, коего жителямъ препоручаю я сіе дѣло. Вотъ какъ люто, примолвилъ онъ, отомщаетъ себя раздраженная любовь.

Окончавъ свою рѣчь, топнулъ онъ въ полъ ногою, и засвиставъ преужасно, провалился сквозь со всѣми своими прислужниками. Послѣ чего изъ отверстія учиненнаго имъ поднялся густой дымъ, смѣшанный

съ

съ пламенемъ, и неизсчетнымъ множествомъ чудовищъ, какихъ я отъ рожденїя моего не видывала. Сіе смѣшенїе адскихъ страшилищъ, измучивъ меня наилюпѣйшимъ образомъ, помѣшало весь мой разумъ, и превращенной Карачуномъ въ прегнуснаго Исполина, дали мнѣ въ руки палицу, вселя въ меня бешенство убивать всѣхъ попадающихся мнѣ. По семъ адскомъ дѣйствїи наполнили они весь мой домъ преужаснѣйшими привидѣнїями и страшилищами, заграждая такимъ образомъ ко мнѣ путь смертныхъ. Но моя комната наполнена была ими столько, сколько, я чаю, и въ самой безднѣ ихъ не скоплялось. Они меня терзали всякой день наимучительнѣйшимъ образомъ, и жизнь мою содѣлали мнѣ люпѣе самыя смерти.

Вотъ, неустрашимый Князь, продолжала Превратна, отъ какихъ напастей избавила меня твоя храбрость. Одолженїе твое почитаю я больше всякаго благодѣянїя; ты меня освободилъ отъ свирѣпостей цѣлаго ада, который я чаю надъ первой надо мною совершилъ такїя люпости.

Свѣт-

Свѣтлосанъ по оказанїи своего удивленїя о толикихъ чудесностяхъ, и по возблагодаренїи Богамъ за ея избавленїе, разсказалъ ей потомъ, по ея прозьбѣ, и свои приключенїя, по окончанїи коихъ присовокупилъ онъ свое сожалѣнїе о сопутникахъ своихъ, прося Превращу послать нѣсколькихъ людей по разнымъ дорогамъ, для сысканїя ихъ. Она весьма охотно обѣщалась ему въ томъ услужить, и тогожъ часа позвавъ нѣкоторыхъ изъ своихъ служителей, приказала имъ ѣхать по разнымъ путямъ, и искать Славянъ. Я уже теперь, подобно прочимъ людямъ, говорила Превращa Князю, принуждена естественно и помощїю человѣковъ исправлять всѣ мои дѣла и нужды; ибо лютый Карачунъ, по очарованїи моемъ, отнялъ у меня всѣ способы къ произведенїю чего нибудь чрезъестественнаго. Но я о семъ не сокрушаюсь, примолвила она: знанїе мое въ Кабалистикѣ употребляла я къ единому только моему удовольствїю, и къ вспомоществованїю несчастнымъ, что и нынѣ могу я дѣлать, имѣя къ тому довольно

есте-

естественныхъ способовъ. Желанія твои весьма похвальны, государыня, сказалъ на то ей Князь: а кто имѣя и сильное могущество-то, употребляетъ его во зло человѣкамъ, тотъ не токмо онаго, но и жизни не достоинъ; и непремѣнно наконецъ постраждетъ люторою казнію, готовимою ему Небесами.

По окончаніи ихъ разговора, пришли имъ объявить, что столъ уже готовъ. Прекрата вставъ просила Свѣтлосана слѣдовать съ нею въ столовую комнату, чтобъ съ прочими избавленными имъ, окончить пированіемъ претерпѣнныя ими бѣдствія. Князь ей послѣдовалъ, и по приходѣ ихъ въ столовую, нашли они всѣхъ гостей готовыхъ уже къ празнованію своего воскресенія. По первой прозьбѣ сѣли они всѣ за столъ, за которымъ всякой изъ нихъ старался доказать, что онъ весьма долгое время не ѣлъ и не пилъ. Столъ продолжался весьма долго, и окончился веселымъ пѣніемъ сопиршествующихъ. При окончаніи стола, Прекрата предложила своимъ гостямъ отужинать и ночевать у нее,

у нее, и ѣхать уже на другой день куда кому потребно. Всѣ они съ охотою на сїе согласились; и ужинъ ихъ былъ веселѣе еще и обѣда. На другой день превратa, одаривъ ихъ всѣхъ весьма щедро, отпустила ихъ отъ себя чрезвычайно довольными.

Славенскїй Князь остался у нея въ замкѣ, ожидая своихъ сопутниковъ, которые чрезъ нѣсколько дней съ посланными за ними и возвратились. Свѣтлосанъ весьма былъ обрадованъ ихъ возвращенїемъ: онъ ихъ всѣхъ представилъ Превратѣ, препоручая ихъ въ ея дружбу, а наипаче прося ее простить Руса въ погрѣшенїи его предъ нею и Левсиломъ. Тогда Варягъ палъ ей въ ноги, присовокупляя и свои прозьбы и извиненїя къ Свѣтлосановымъ. Я уже сказала тебѣ, говорила Превратa Свѣтлосану, что я ему все прощаю, потому что онъ не отъ злодѣйства къ намъ ето учинилъ, но отъ ослѣпленїя; и еще болѣе хитростїю коварнаго обмана мрачнаго чародѣя.

По примиренїи ея такимъ образомъ съ Варягомъ, начали они по-

имъ всѣ совокупно веселиться ; такъ какъ наилучшіе пріятели. Веселіе ихъ продолжалося нѣсколько дней , по окончаніи коихъ Свѣтлосанъ предложилъ своимъ сопутникамъ , что время уже имъ отправиться въ предлежащій путь , что они всѣ и подтвердили. Напротивъ того Превраша намѣреніемъ симъ весьма была опечалена : она видѣла въ нихъ, а напаче въ Свѣтлосанѣ, искреннихъ себѣ друзей ; но впрочемъ не могла она справедливо противиться законной причинѣ, побуждавшей ихъ къ тому. Съ великимъ сожалѣніемъ на конецъ согласилась она на ихъ отъѣздъ , прося Славенскаго Князя вспомнить объ ней , и ея мужѣ , когда онъ будетъ въ состояніи имъ помочь. Свѣтлосанъ съ своей стороны обѣщалъ ей приложить всѣ свои старанія , подать помощь Левсилу , ежели онъ въ живыхъ еще находится; прося притомъ не поставить ему въ худо , что онъ не возвратилъ ей волшебнаго меча ея мужа , который въ предпріятіи его весьма ему нуженъ. Превраша напротивъ того выгова-

ривала ему съ ласкою, что онъ возвратя ей жизнь, драгоцѣннѣйшую тысячу кратъ требуемой имъ вещи, извиняется ей въ такой малости, которая ей ни къ чему уже болѣе не нужна. По семъ дружескомъ словопреніи они разстались, обѣщавъ другъ другу вѣчную дружбу.

Выѣхавъ изъ ея замка, направили они путь свой къ Индійскому морю, по которому вознамѣрилися они ѣхать въ Африку и Египетъ, и въ прочія оттуду мѣста, въ коихъ находились славныя Боговѣщалищи. Во время своего путешествія разсуждали они о всѣхъ тѣхъ приключеніяхъ, которые съ ними случились: и не могли надивиться, какъ Боги, будучи столь правосудны, и показнившіе добродѣтельнаго Богослава за единое позволѣніе поединка, а Вельдюзя за показаніе безчеловѣчной своей храбрости, опускаютъ безъ наказанія гнуснаго Карачуна, мучащаго всѣхъ попадающихся ему въ глаза. Долго бы они о семъ разсуждали, естьлибъ Свѣтлосановъ конь споткнувшись, не сро-

нилъ его съ себя, и не пресѣкъ тѣмъ ихъ размышленїй. Всѣ соспутники сего Князя бросились ему помогать, и всѣ вмѣстѣ увидѣли камень, о который запнулся конь, и на коемъ слѣдующее начертано было наставленїе.

О слабый смертныхъ умъ, покрытый вѣчнымъ мракомъ,
Взирающїй на всѣ пристрастнымъ бренимъ зракомъ:
Тебѣль испытывать судьбы Владыкъ Небесъ,
Коль умствованїй ты своихъ непостигаешъ;
И буйство въ нихъ твое явитъ всегда превѣсъ:
Смирися, и оставь, чего не понимаешъ.

Прочитавъ сїе Славяне, пали ницъ на землю, прося прощенїя у Небесъ въ преступныхъ своихъ размышленїяхъ, послѣ чего облобызали они камень, почитая его священнымъ, и мня, что небесная рука нарочно для нихъ начертала сїе наставленїе, чтобъ научить ихъ

безропотно

безропотно повиноваться своему предѣлу.

По семъ паки сѣвъ на коней, продолжали свои путь, говоря уже о такихъ вещахъ, которыя не касался до промысла судебъ. На послѣдокъ, по нѣсколькихъ дняхъ своея ѣзды, пріѣхали къ небольшому городку, стоявшему подлѣ моря. По приближеніи ихъ къ оному, увидѣли они мятущуюся толпу людей на берегу морскомъ, изъ коея нѣсколько человѣкъ приготовляли судно. Когда Индіяне увидѣли пріѣхавшихъ къ себѣ Славянъ. То и начали ихъ просить усильно подать имъ помощь въ погонѣ, которую сбирались они учинить за морскимъ разбойникомъ, похитившимъ у главнаго судьи сего города дочь, которая вышла съ своими подругами и служительницами на берегъ прогуляться.

Славяне, а наипаче Свѣтлосанъ, охотно склонились на ихъ прозьбу, и сѣвъ въ приготовленный стружокъ, погнались за похитителемъ. Чрезъ нѣсколько часовъ настигли они разбойническое судно, и учи-

нили на него нападеніе. Разбойники сдѣлали храбрый отпоръ, а особливо ихъ атаманъ, который превышалъ всѣхъ ихъ своею дерзостію: онъ бросался съ остервенѣніемъ на Славянъ, старавшихся поимать его живаго, чтобъ учинить надъ нимъ достойную казнь въ примѣръ прочимъ подобнымъ ему злодѣямъ. Какъ скоро Останъ на него взглянулъ, то и узналъ въ немъ того самаго вора, который похитилъ у него Сандаліи. А! злодѣй! вскричалъ онъ къ нему: наконецъ я тебя нашолъ, чтобъ воздать тебѣ достойную казнь за бездѣльническій твой съ нами поступокъ. Разбойникъ обращенный сими словами на Остана, и самъ узналъ его; и будучи угрызенъ совѣстію и сыражомъ при его зракѣ, пришелъ въ пущее остервенѣніе, (обыкновенное слѣдствіе движеній беззаконныхъ душъ;) и напустилъ на Древлянина, мня успокоить угрызеніе своея совѣсти умерщвленіемъ свидѣтеля своего преступленія. Но присовокупившіеся къ Остану, прочіе Славяне, учинили бѣшенство его тщет-

ными;

нымъ; и одинъ только бѣдный Русъ отъ него поспрадалъ, будучи поражень саблею, и сверженъ въ море отъ сего злодѣя.

На конецъ сей варваръ, видя изнеможенїе своихъ сотоварищей, и не надѣясь успѣха въ своей оборонѣ, бросился въ каюшу, гдѣ заключена была похищенная имъ дѣвица, и схватя ее въ беремя, поднялся съ нею на воздухъ, будучи вспомоществуемъ украденными у Остана Сандалїями; и въ весьма короткое время убѣжалъ у всѣхъ изъ вида. Оставшїе разбойники, видя побѣгъ своего начальника, и лишась надежды отбиться, сдались нападающимъ, прося помилованїя своей жизни. Но раздраженные Индѣйцы злодѣйствомъ ихъ атамана, унесшаго дѣвицу, перерубили безъ милосердїя ихъ всѣхъ, и покидали въ воду.

Учинивъ такимъ образомъ кровавое отмщенїе злодѣямъ, и причаливъ ихъ стружокъ къ своему, возвратились они съ Славянами въ городокъ. Отецъ похищенныя дѣвицы, который по причинѣ глубокой своей старости не могъ за разбойниками

гнаться,

гнались, ожидалъ ихъ на берегу со всѣми своими родственниками, волнуясь между страхомъ и надеждою. При видѣ привязаннаго разбойническаго стружка, всѣ они закричали радостнымъ гласомъ, который, по привалѣнїи судна къ берегу, премѣнился въ плачь и рыданїе, когда объявлено было о схѣдствїе погони: Свѣтлосавъ старался сколько возможно ущѣшить бѣднаго старика, который паче всѣхъ рвался о похищенїи своей дочери; но таковыя несчастїя единое токмо время приводитъ въ забвенїе.

По семъ печальномъ приключенїи, не долго пробылъ Свѣтлосавъ въ семъ мѣстѣ; но нанявъ порядочное судно для мореплаванїя, пустился въ море съ послѣдователями своими. Плаванїе ихъ даже до равноденственныя черты довольно благополучно было; но при подъѣздѣ къ оной тихая погода перемѣнилась, и вѣтры начали возмущать гладкїя воды. Вскорѣ Похвистъ, Божество бурливыхъ вѣтровъ, явился на воздухѣ, гоня стадами мрачныя и густыя облака, которыя раз-

разпростираясь по Горизонту, затмили сіяніе блестящаго Свѣтовида, и преобразили день въ ночь. Ужасный громъ и безпрестанныя молніи пріумножали свирѣпость бури, и страхъ пловцовъ; а разъяренныя волны, воздымая ихъ къ небесамъ, низвергали до жилища Нїи, подземнаго Царя. Сѣдая пѣна вїяся клубами, окружала корабль со всѣхъ сторонъ, и ввергаяся въ него съ валами, устрашала плывущихъ неизбѣжнымъ утопленіемъ. Къ довершенію напасти, неукротимые сыновья вѣтра сломивъ щегли, и оборвавъ кормило, понесли корабль по пространству моря, крутя и порывая его по глубокимъ и высокомѣрнымъ валамъ. Ужасъ и темнота отняли присудствіе разума, бодрость и силы у кормщика и мореходцовъ: всѣ кричали и повелѣвали; но никто не исполнялъ повелѣннаго. Одинъ Свѣтлосанъ и сопутники его сохраняли бодрость, вспомоществуя повсюду, и ободряя мореплавателей. Но на конецъ послѣдній и свирѣпѣйшій всѣхъ валъ, отнялъ послѣднюю у всѣхъ надежду, повергнувъ корабль на под-

водный камень, и раздробивъ его нарозно объ оный.

Въ сію ужасную минуту несчастливѣйшіе погрязли тотчасъ во глубинѣ морской, а прочіе, ухватясь за разломанныя части корабля, предались волнамъ, полагаяся на волю Боговъ. Въ семъ числѣ спасшихся находился и Свѣтлосанъ: при разпорженіи корабля попался ему въ руки большой онаго отломокъ, за который онъ ухватясь, предался свирѣпости моря. Разъяренныя волны понесли его съ великимъ стремленіемъ по пространству водъ, и напослѣдокъ, утомивъ его несказанно, привели въ безпамятство, и почти окаменѣніе. Въ семъ жалостномъ состояніи, выбросили его воды на пустой и каменистый островъ, въ самую глухую полночь. Отъ причиненнаго удара симъ изверженіемъ Свѣтлосанъ нѣсколько опамятовался; но избавясь отъ страшнаго зрѣлища свирѣпствующаго моря, не напріятнѣйшее попалъ онъ мѣсто. Посредствомъ блистающія молніи, увидѣлъ онъ престрашныя высотою и положеніемъ горы, покрытыя

крытыя дремучими лѣсами ; пологую землю, усыпанну всю каменьями; причемъ ревъ и вой свирѣпыхъ звѣрей совокупясь съ пресильнымъ визжаніемъ вѣтровъ, ломавшихъ и исторгавшихъ съ кореньями деревья, представилъ ему сію страну ужаснѣе и самаго моря. Дрожаніе и хладъ, объявшія его тѣло, ужасъ отъ безпрестанныхъ сверканій и грома, и лишеніе отовсюду помощи, поколебали весьма его бодрость : онъ бросился на колѣни, что бы принесть молитву Богамъ, на коихъ ему тогда послѣдняя осталась надежда; но въ самое то время оторванный вихремъ камень, съ висѣвшія надъ нимъ стремнины, поразилъ его столь сильно, что онъ упалъ безъ памяти.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СЛАВЕНСКІЯ ДРЕВНОСТИ,

или

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Сочиненіе

Михайла Попова.

Часть III.

Въ Санктпетербургѣ

1771 *года.*

СЛАВЕНСКІЯ ДРЕВНОСТИ,

ИЛИ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

ПОгруженный симъ жестокимъ ударомъ Свѣтлосавъ въ безпамятство, и почти въ смертное безчувствіе, пролѣжалъ на семъ каменистомъ берегу до совершеннаго восхожденія солнца, которое благотворными своими лучами мало по малу возвратило ему напослѣдокъ чувство. Онъ разтворилъ смутные свои глаза, и осматриваясь во всѣ стороны, на силу могъ вспомнить, гдѣ онъ находится. Сіе вспоминовеніе и ослабленіе тѣлесныхъ силъ, погрузили

его въ глубокое размышленїе, которое, представляя ему постепенно всѣ его бѣдственныя приключенїя, ввергло было наконецъ въ уныніе. Князь примѣтивъ, что сей ядъ разливается весьма быстро по его жиламъ, вооружился всѣми оставшими силами своея бодрости, и принеся молитву Богамъ, возсталъ, и предая себя ихъ волѣ, вознамѣрился всѣ бѣдствїя свои сносить великодушно. Въ семъ намѣренїи будучи предпрїялъ онъ осмотрѣть весь островъ, ласкаясь нѣкоторою тайною надеждою, получить на немъ благополучное окончанїе своему странствованїю.

Ободренный сими мыслями, прошелъ онъ великїй округъ каменистаго берега, и пришелъ напослѣдокъ на плодоносное мѣсто, коего прїятный видъ бодрость его прїумножилъ. Лугъ покровенный многоразличными и благовонными цвѣтами, деревья обремененныя прелестными плодами, привлекли къ себѣ его взоры: онъ сорвалъ нѣсколько плодовъ, которыхъ прїятный вкусъ и запахъ, услаждая его

чувствы,

чувствы, подали ему новыя силы. Свѣтлосанъ получа отъ сего наиболѣе надежды къ лучшему впредь, возблагодарилъ Богамъ., и увеселяясь симъ лестнымъ упованіемъ, началъ онъ прохаживаться въ сей благовонной долинѣ, наслаждаясь пріятными ея предметами. По нѣсколькихъ минутахъ его прогуливанія, пришелъ онъ на прелестнѣйшее и того мѣсто, и когда взоры его по немъ обращались, то представилось ему зрѣлище весьма не совмѣстное съ пріятностями мѣста. Ето былъ человѣкъ лишь только разтерзанный звѣремъ: стенанія его привлекли къ нему Свѣтлосана, который желалъ ему подать помощь, ежели осталось какое къ тому средство. Но какое было его удивленіе, когда онъ въ семъ человѣкѣ увидѣлъ того разбойническаго атамана, который, будучи рабомъ, укралъ у Османа Сандаліи, и съ которымъ онъ сражался на морѣ за похищенную имъ дѣвицу! Но при плачевной участи сего бѣдняка, гнѣвъ его уступилъ мѣсто сожалѣнію: Свѣтлосанъ хотѣлъ ему

помочь перевязанїемъ ево рань. Великодушный незнакомецъ ! Сказалъ ему разбойникъ томнымъ голосомъ, труды твои напрасны: смерть мою ничто уже удержать не можетъ ; сами Боги ею меня наказуютъ за мои злодѣйства. Но благодарю ихъ, что при послѣднемъ моемъ концѣ послали они ко мнѣ тебя свидѣтелемъ моего разкаянїя. Сними съ меня, примолвилъ онъ , драгоцѣнныя сїи Сандалїи, которыя похитилъ я у Древлянина, и возврати ему ихъ; а меня оставь пожирать моей смерти. По сихъ словахъ, умножившихъ ево изнеможенїе , началъ онъ ослабѣвать смертельно, и вскорѣ лишился жизни.

Свѣтлосанъ удивляяся правосудїю Неба, воздалъ благословенїе неизпытаннымъ ево судьбамъ , и по семъ приступилъ ко исполненїю завѣщанїя умершаго. Въ снятыя съ него Сандалїи разсудилъ онъ самъ обуться для всякаго нечаяннаго случая, предпрїявъ возвратить ихъ Оспану, ежели Небо соблаговолитъ еще его увидѣть жива. Потомъ выскавъ яму , положилъ въ нее мертвое

твое тѣло, и заметалъ всѣмъ тѣмъ, что ему способное къ тому попалось. Воздавъ такимъ образомъ послѣдній долгъ человѣчеству, предпріялъ онъ съ помощію Сандалій обойти нѣсколько острововъ, въ надеждѣ обрѣсти на нихъ своихъ соспутниковъ, которые, чаялъ онъ, можетъ быть подобно ему были выброшены моремъ. Въ семъ намѣреніи предпріялъ онъ напередъ обойти островъ, на коемъ самъ находился, что немѣдленно онъ и началъ.

Прошедъ нѣсколько разстоянія, увидѣлъ онъ весьма высокую гору, которая показалась ему весьма способною для разсмотрѣнія всего острова; чего ради и пошелъ онъ на нее, въ такомъ мнѣніи, не увидитъ ли чего съ нее достойнаго примѣчанія, или кого изъ своихъ сотоварищей. Взошедъ на гору долго онъ осматривался по всѣмъ сторонамъ; но за множествомъ горъ и лѣсовъ не могъ онъ хорошенько разсмотрѣть пологія земли и береговъ. Такимъ образомъ обманувшись въ своей надеждѣ, хотѣлъ уже было онъ сойти съ горы, какъ вдругъ

его взорамъ представилося слѣдующее позорище. Превеликое сборище львовъ и тигровъ въ долу подлѣ горы гналося за молодымъ человѣкомъ, и готово было его разтерзать. Свѣтлосанъ пораженный жалкимъ его состояніемъ, нимало не размышляя о собственной своей опасности, бросился къ нему на помощь, надѣяся посредствомъ своихъ Сандалій выхватить его изъ среды плотоядныхъ сихъ звѣрей. Но едва онъ къ нимъ спустился по воздуху, и ухватя юношу хотѣлъ съ нимъ подняться, какъ нѣсколько львовъ, схватя его за одежду, повергли на землю, и разтворя жадныя свои пасти, хотѣли его разтерзать. Свѣтлосанъ обманувшись въ успѣхѣ своего предпріятія, готовился уже на мучительную себѣ смерть, какъ въ самой тотъ мигъ, избавленный имъ юноша, повергъ нѣчто въ толпу люпыхъ звѣрей. Едва они почувствовали сіе, какъ бросясь всѣ къ тому мѣсту начали между собою преужасную ссору, грызя другъ друга, и удаляясь отъ того мѣста, гдѣ былъ

повер-

жовержень Свѣтлосанъ. Между тѣмъ молодый человѣкъ, ухватя его въ беремя, понесся съ нимъ какъ вихрь, и въ одну почти минуту принесъ его въ пещеру весьма ужасной горы, обросшей камнями и дремучимъ лѣсомъ.

Принеся его въ пещеру, и посадя на сдѣланную изъ дерна лавку, сказалъ ему слѣдующее: ты учинилъ такое дѣло, какое рѣдкой изъ смертныхъ предпріять отважится, и которое ласкаетъ меня сыскать въ тебѣ того Витязя, отъ коего храбрости зависитъ мое освобожденіе. Проговоря сіе прошепталъ онъ нѣсколько словъ, и въ тужъ минуту превратился въ преужасный видъ, который представлялъ безобразнѣйшаго человѣка, какого ниже быстрѣйшее воображеніе вымыслить можетъ. Онъ былъ обремененъ препятостными оковами, на которыхъ были положены неизвѣстныя знаки. Вотъ мой точный видъ, продолжалъ онъ говорить Князю, какой мнѣ данъ, въ наказаніе мое, отъ Подземнаго Царя. Я хочу, примолвилъ онъ, разсказать

тебѣ мою повѣсть, которая подастъ тебѣ ясное обо мнѣ поняшїе, и о коей никто еще изъ смертныхъ незнаетъ. Сказавъ сїе, сѣлъ онъ на земли противъ Свѣтлосана, и началъ ее слѣдующимъ порядкомъ.

* *
*

ПОВѢСТЬ ЛИПОКСАЯ СКИѲА.

Я одинъ изъ трехъ сыновъ Таргитая Скиѳа, произшедшаго отъ Перуна, и дочери рѣки Днѣпра. Дѣдъ мой, по возрастѣ моего родителя, отдалъ ему во владѣнїе всю ту землю, коею нынѣ обладаютъ Славяне и Чудь, изъ коихъ послѣднїе произошли отъ нашего рода, и присовокупилися потомъ къ Славенскимъ племенамъ. Родитель мой получа сей даръ, началъ себѣ собирать отовсюду подданныхъ, которыхъ напослѣдокъ скопилося довольное множество, и содѣлалось изъ того небольшое Царство. Великое плодоносїе нашея земли, не мало способствовало къ размноже-

размноженїю въ ней народа. Царствованїе моего родителя продолжалося весьма спокойно до глубокїя его старости ; и напослѣдокъ скончался онъ нечаянно , не чувствуя ни каковыя скорби, приведенъ къ своему концу истощенїемъ природы, а не сластолюбивымъ житїемъ , какъ то бываетъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

Сїя его нечаянная смерть была намъ причиною къ распрѣ о Державѣ нашея страны. Насъ было три брата, какъ я уже сказалъ: средній назывался Арпоксай, младшїй Колоксай, а я былъ старшїй, и называюсь Липоксай. Дѣдъ нашъ Перунъ, желая разрушить нашъ споръ своимъ благоволѣнїемъ, избралъ достойнымъ къ Державѣ младшаго изъ насъ брата. Избранїе свое утвердилъ онъ слѣдующимъ чудомъ. Когда мы вышли изъ столичнаго нашего города Гелона на полѣ, чтобъ рѣшить нашъ споръ превосходствомъ нашихъ силъ: (ибо мы уговорились, чтобъ тому кто далѣе изъ насъ выстрѣлитъ изъ лука, осталося населенное Царство, а прочимъ

пустая

пустая земля;) то въ самое то время, когда хотѣли мы къ сему лишь приступить, упали съ неба соха, ярмо, топоръ и чаша, всѣ изъ чистаго золота. При семъ пріятномъ позорищѣ, всѣ мы оборотили на нихъ свои глаза. Желаніе толь богатыя корысти привлекло меня къ нимъ первато: но при первомъ моемъ къ нимъ прикосновеніи, изшедшее отъ нихъ пламя такъ меня ожгло, что я, закричавъ преужасно, съ великимъ стремленіемъ отъ нихъ отскочилъ. Арпоксай, середній нашъ братъ, равную мнѣ имѣлъ участь. Меньшій изъ насъ, (моглаль сіе помыслить наша гордость!) лишь только подошелъ къ симъ драгоцѣннымъ вещамъ какъ въ тожъ мгновеніе пламя ихъ оставило, и онъ учинился счастливымъ ихъ обладателемъ; а съ ними совокупно и нашего Царства.

Сіе огорчительное для насъ, и славное для Колоксая, приключеніе, преклонило къ нему народныя сердца; а мы принуждены были выйти изъ его Державы. Арпоксай удалился въ Сѣверныя страны; и учинился родо-

родоначальникомъ Чудскихъ поколѣній, изъ коихъ слѣдующія славны потомъ учинились: Весь на Бѣлѣ Озерѣ, Меря въ Ростовской и Переяславской землѣ, по Клещину Озеру, также Мордва, Печора, и другія многія, о которыхъ для краткости я умалчиваю. По смерти его Чудскіе народы, а наипаче Бѣлоозерцы, обоготворили Арпоксая за его добродѣтель, и преизящное ево царствованіе. Содѣлали ему истуканъ изъ драгоцѣннаго дерева, возложили на него богатое ожерелье, и дали ему въ руки серебряную чашу, въ которую, всѣ приходящіе къ нему для молитвы, клали деньги. Подлѣ великолѣпнаго ево храма сорудили кладбища, въ которыхъ погребались всѣ знатные и богатые люди съ великими сокровищами. Память его и донынѣ межъ нихъ осталась подъ именемъ Іомалы.

По крайней мѣрѣ судьбу ево почитаю я тѣмъ блаженною, что онъ, лишась своего отечества, учинился индѣ счастливымъ родоначальникомъ, и обоженнымъ Государемъ. А я несчастный, лишась

отече-

отеческаго престола, и гордяся моимъ старшинствомъ, впалъ въ отчаяніе, и удалился въ покрытыя вѣчнымъ льдомъ земли, прилѣжащія ко Хвалынскому и Черному морю. Собокупя нѣсколько дикихъ народовъ, съ убѣжавшими со мною Скиѳами, учинился я малымъ Владѣтелемъ, и родоначальникомъ произшедшихъ потомъ Угровъ и Обрей. Но не довольясь симъ малымъ владѣніемъ, и сокрушаяся завсегда объ отеческомъ престолѣ, и о предпочтеніи моего брата, старался я сыскать въ чемъ нибудь другомъ мое прославленіе; и напослѣдокъ вдался я въ розысканіе травъ, и бѣговъ небесныхъ; и на конецъ такъ къ сему пристрастился, что оставя попеченіе о маломъ моемъ Княжествѣ моимъ дѣтямъ, препроводилъ я всю мою жизнь въ изобрѣтеніи и сысканіи, такъ называемаго, Чернокнижія.

Неусыпными моими стараніями и прилѣжаніемъ, учинился я напослѣдокъ великимъ Кабалистикомъ: нашелъ таинство съ помощію травъ, камней и минераловъ, производить

всякïя невозможныя дѣла, и повелѣвать Духами. Посредствомъ бѣговъ небесныхъ научился я угадывать прошедшее, настоящее и будущее. Всѣ сïи знанïя описалъ я въ превеликой сочиненной мною книгѣ, которая заключала въ себѣ науку и наставленïя, какъ производить всякïя невозможныя дѣла. Книгу сïю, и къ ней словарь, сочинилъ я на Ассирïйскомъ языкѣ, которому научился я въ молодости моей отъ одного Ассирïянина, пришедшаго поселиться въ Скиеïю къ моему родителю, куда его загнали несчастïя, изгнавшïя его изъ Ассирïи. Сïе я учинилъ для того, чтобъ не всякой могъ ею пользоваться; ибо она заключала въ себѣ всю глубину чародѣйнаго знанïя.

Гордясь толь великими успѣхами моего раченïя, сдѣлалъ я нѣсколько волшебныхъ вещей, которыхъ дѣйствïе удивило моихъ подданныхъ, и вселило въ нихъ обо мнѣ высокое мнѣнïе. Вскорѣ слава моего искусства разпространилася по сосѣдственнымъ Державамъ: превеликое число народа стеклося ко мнѣ

отовсюду, иные желая удостовѣриться, другїе научиться. Стеченїемъ симъ Государство мое пріобрѣло себѣ въ короткое время размноженїе, богатство и сїянїе, какихъ дотолѣ не имѣло. Ободренный сими выгодами, спарался я утвердить мою славу новыми изобрѣтенїями, и чудесами моего знанїя. Свѣденїя моего не скрывалъ я отъ иностранцовъ, но дозволялъ имъ все видѣть, и всему отъ меня учиться за нѣкоторые прибытки, которые были полезны новому моему Государству. Однимъ словомъ, я началъ продавать все, и чертоги мои содѣлалися училищемъ волхвованїя для всѣхъ пріѣзжающихъ; и хранилищемъ волшебныхъ вещей, которыя раздавалъ я всѣмъ желающимъ за великїя цѣны и подарки, не мысля ни мало о томъ, что нѣкоторыя изъ сихъ вещей служили не токмо къ пользѣ человѣческой, но и ко вреду, что потомъ вскорѣ и воспослѣдовало.

На конецъ раздраженный Перунъ, сими злыми моими изобрѣтенїями, поразилъ меня громомъ, и тѣмъ окон-

окончилъ дальныя мои въ чародѣйствѣ изысканія; но однакожъ не пресѣкъ тѣмъ волшебства, которое, посредствомъ моихъ наставленій и вещей, по всему свѣту разпространилось; а наипаче въ подвластной мнѣ землѣ, въ Скиѳіи, и въ Чудскихъ странахъ.

Оставшіяся по мнѣ дѣти, и подданные мои, оплакавъ меня весьма довольно, учинили мнѣ погребеніе по Скиѳскому обряду, слѣдующимъ порядкомъ: спеова вскрывъ мое чрево, и вычистя оное, наполнили нарѣзаннымъ Галгантомъ, курительнымъ порошкомъ, сѣменами травы петрушки и анисомъ, и потомъ зашили; а тѣло мое все облѣпили воскомъ. Послѣ сего положа меня во гробъ, поставили оный на одръ. и такъ вынесли на кладбище: поставя его на ономъ, вонкнули со всѣхъ сторонъ копья, на кои возложа шесты, покрыли ихъ прутьями около гроба. При томъ въ честь мою положили со мною вмѣстѣ, задушивъ наперед, наложницу мою, кравчева, повара, конюшева, служителя, судостроителя, и коця; присово-

купя къ тому золотую чашу, и прочія любимыя мною вещи, также волшебную мою книгу, и съ нею словарь. По семъ дѣйствіи всякой, кто только ни провождалъ мое тѣло, старался принести наболѣе земли, дабы оною засыпать мой гробъ, и положенныхъ со мною; и наконецъ насыпали надо мною толь великій бугорь, что оный походилъ болѣе на холмъ. Сіе обыкновеніе, чтобъ насыпать бугры надъ могилами, примолвилъ Липоксай, и вы отъ насъ переняли.

Душа моя, продолжалъ онъ, по изшествіи своемъ изъ тѣла, предстала совокупно, съ прочими погребенными со мною, предъ Подземнаго Царя, ожидая съ трепетомъ отъ него себѣ осужденія. Нія воззрѣвъ на меня свирѣпымъ взглядомъ, сказалъ мнѣ грозно: недостойный сынъ добродѣтельнаго Таргитая! Тако ли ты слѣдовалъ его примѣрамъ? Намѣсто добродѣтельнаго и попечительнаго правленія, ты употребилъ жизнь свою на изысканіе таинствъ, сокрытыхъ отъ человѣковъ Небесами: ты хотѣлъ уподобиться Богамъ,

Богамъ, запрещенными тебѣ средствами, и силою Духовъ тебѣ служившихъ; но намѣсто блага приключилъ ты вселенной невѣдомыя ей несчастія. Проговоря сіе повелѣлъ онъ Фуріѣ представить предъ меня зеркало, въ которомъ я увидѣлъ ужасное множество людей, мучимыхъ разнообразно моими учениками. Иные изъ нихъ были превращаемы въ разныя гнусныя животныя, другіе томимы были ядомъ или очарованіями, третьи лишаемы были любимыхъ имъ вещей, и однимъ словомъ, усмотрѣлъ я тутъ всякія люотости, содѣваемыя отъ учениковъ моихъ надъ прочими смертными. При семъ ужасномъ зрѣлище вострепеталъ я паки, познавъ всю мою несправедливость и безуміе: я палъ предъ Нѣею, надѣяся моимъ уничиженіемъ и мольбами преклонить его къ себѣ на милость.

Напрасно ты стараешся, закричалъ онъ мнѣ грозно, склонить меня своими мольбами: преступленіе твое столь велико, что не можетъ его ничто загладить кромѣ твоего наказанія. По семъ ужасномъ

отвѣтѣ, повелѣлъ онъ адскимъ страшилищамъ меня окружить, и наложить мнѣ всѣ тѣ мученїя, каковымъ подвергла моя наука живущихъ во вселенной. О небо! возопилъ при семъ Липоксай, какихъ не испыталъ я погда люпосипей! Безпрестанное мое превращенїе, въ разнообразныя и гнусныя живопныя, было меньшее изъ тѣхъ мученїй, какими я томимъ былъ отъ Фурїй: ядъ, огонь, желѣзо, повсеминупно меня терзали; и напослѣдокъ уже самъ немилосердый, Нїя пронулся моими мученїями, продолжавшимися нѣсколько годовъ, и повелѣлъ меня предъ себя представить. Не дѣла твои, сказалъ онъ мнѣ суровымъ образомъ, исходапайствовали тебѣ оставленїе мученїй, а сожалѣнїе мое; но злодѣйства твои таковы, что требуютъ должайшаго очищенїя. По опредѣленїю Судьбины до тѣхъ поръ не получишъ ны себѣ упокоенїя, пока пребывъ нѣсколько лѣтъ во власти у мрачныхъ чародѣевъ, тобою произведенныхъ, не будешь ны на конецъ освобожденъ отъ нѣкотораго

которато лютаго волхва, юнымъ Княземъ отъ рода Славенова; и пока не уничтожатся со онымъ чародѣемъ, посредствомъ сего Витязя, всѣ волшебныя вещи, тобою на свѣтъ произведенныя.

Едва онъ сїе проговорилъ, какъ мрачное и густое облако, подхватя меня, понесло съ великимъ стремленїемъ, и на послѣдокъ, поставя меня въ пустой Аравїйской степи, оставило меня моему отчаянїю. Долгое время пробылъ я на семъ пустомъ мѣстѣ, и наконецъ, по нѣкоторомъ моемъ заблужденїи, пришедъ не нарокомъ къ чистому источнику, взглянулъ я въ него, и увидѣлъ въ немъ все мое безобразїе, какимъ меня наказалъ Подземный Царь. Съ превеликимъ ужасомъ отскочилъ я отъ источника, мня видѣть въ немъ нѣкое страшилище, пришедшее паки меня мучить; но не видя никого, опять я подошелъ къ тому мѣсту, и увидя паки то же страшилище, дѣлающее сообразныя моимъ движенїя, увѣрился я напослѣдокъ, что ето было собственное мое изображенїе. О Небо! ка-

кая грусть тогда меня обѣяла! Я бы охотно лишилъ себя жизни въ тогдашнемъ моемъ сокрушенїи, ежелибъ естество Духа, которое поднесь я сохраняю, могло чѣмъ лишиться своего бытїя, по примѣру человѣческаго. Но однакожъ послѣ я узналъ, что могу, въ отраду мою, принимать каждый день, на одинъ часъ, такой видъ, какой самъ я изберу.

Послѣ сего приключенїя не долго я пробылъ шатаяся: страшный адскїй гласъ, произшедшїй ко мнѣ вскорѣ послѣ того, опредѣлилъ меня къ Вавилонскому чародѣю, который научась отъ послѣдователей моихъ волхвованїю, и узнавъ о мѣстѣ моей книги, вырылъ ее изъ бугра, въ которой она съ тѣломъ моимъ была зарыта. Посредствомъ сея книги и другихъ волшебныхъ вещей, принудилъ онъ адъ дать себѣ во услуженїе Духовъ, въ числѣ которыхъ и я къ нему былъ посланъ. Сей гнусный чародѣй, за сїе требованїе, обязался предать себя по смерти на вѣчное мученїе аду. Онъ сїе учинилъ съ умыслу, надѣяся посредствомъ Духовъ достать себѣ безсмертїе;

смертїе; но всемогущїе Боги сїе его намѣреніе уничтожили. Сей волшебникъ не зналъ ничего обо мнѣ, и починалъ меня просто Духомъ; напослѣдокъ, желая отъ другихъ сотоварищей моихъ получить нѣкоторыя важныя услуги, извѣстился отъ нихъ, что одинъ я могу его въ томъ удовольствовать; а въ доказательство того разсказали они ему мое приключеніе. Безъ сумнѣнїя учинено было сїе ими по повелѣнїю Нїи, дабы совершить надо мною мой рокъ. По сему извѣстію и возложилъ онъ на меня должность исполнять всѣ его приказанїя; но необычайность и безчеловѣчность оныхъ, заставили меня отъ того отрещися. За сїе непослушанїе, по власти данной ему надо мною, началъ онъ меня мучить наилютѣйшимъ образомъ, дабы преклонить меня къ повиновенїю; но я всю его ярость постоянно претерпѣлъ, уповая тѣмъ окончить мое страданїе. Но опредѣленїе Боговъ отложило весьма на далѣе окончанїе моего бѣдствїя.

Такимъ образомъ стенялъ я подъ жестокостїю его ударовъ, до самыя

смерти

смерти сего чародѣя. По отшествіи души ево въ Тартаръ, получилъ я паки мою свободу; но однакожъ не многіе годы ею пользовался, и доспался паки во власть нѣкоторому добродѣтельному Вавилонянину, вмѣстѣ съ моею книгою, которую нашелъ онъ въ землѣ, копая себѣ колодезь; ибо прежній волхвъ зарылъ ее въ оную, опасаяся, чтобъ кто ее у него не похитилъ; но и храня ее въ землѣ, столько боялся ее потерять, что написалъ въ ней на похитителей заклятіе. Новый и добродѣтельный мой повелитель, не принуждалъ меня ни къ какому беззаконному дѣлу, ни же хотѣлъ, полученныя въ книгѣ моей свѣдѣнія, обратить во зло своимъ ближнимъ, какъ то дѣлалъ лютый его предшественникъ; но еще избавлялъ смертныхъ и отъ прочихъ чародѣевъ: и за то пріобрѣлъ себѣ спокойную жизнь, и мирную кончину, передъ которою зарылъ онъ паки книгу мою въ землю, приложа къ ней обвязленнсе шебъ Видостаномъ завѣщаніе.

По

По кончинѣ добродѣтельнаго сего человѣка, пробылъ я нѣсколько лѣтъ въ свободѣ; но наконецъ книгу мою, съ коею совокуплена была моя вольность, вырылъ нѣкоторый бѣдный человѣкъ, и не зная ея употребленїя, продалъ ее Индѣйскому купцу, а отъ сего досталася она Видостанову отцу. О прочемъ ты самъ вѣдаешъ; и мнѣ осталось только разсказать неизвѣстное тебѣ.

Видостанъ получа ее въ свои руки, и познавъ ея важность, весьма учинилъ неосторожно, открывъ о томъ невѣрному своему любимцу, который употребивъ знанїе ея въ свою пользу, содѣлался страшнымъ повелителемъ своему благодѣтелю, мнѣ, и всему свѣту. Первое ево стараніе было покорить своей власти Духовъ, между коими и я ему достался. Послѣ сего научился онъ разнымъ превращенїямъ и очарованїямъ, дабы ограждая себя отъ всѣхъ сторонъ, учинится страшнымъ всѣмъ людямъ. Вскорѣ послѣ сего учинилъ онъ опытъ знанїя своего и любопыт надъ ин-

цемъ своего благодѣтеля, отравя его наилютѣйшимъ ядомъ. Учинивъ сїе онъ сокрылся, и избравъ своимъ пребывалищемъ одинъ изъ здѣшнихъ острововъ, на которомъ принудилъ насъ построить себѣ замокъ. Изъ сего по ужаснаго замка выходя, причиняетъ онъ свѣту ужасныя злосчастїя, какїя только выдумать можетъ. О злодѣйскихъ ево поступкахъ съ Видостаномъ и прочими извѣстными тебѣ людьми, ты самъ довольно вѣдаешь; а о прочихъ ево злодѣянїяхъ скажу тебѣ коротко.

Сей гнусный чародѣй, получа во власть свою меня и прочихъ Духовъ, вознамѣрился овладѣть нашею помощїю цѣлымъ свѣтомъ, и учиниться безсмертнымъ; но великїе Боги суетному и высокомѣрному ево желанїю посмѣялись, показавъ ему въ насъ слабыхъ исполнителей ево гордости; ибо сїе ево желанїе удовлетворить мы отказались, сколько онъ ни принуждалъ насъ къ тому наказанїями. Карчунъ лишась въ томъ своей надежды, вознамѣрился къ тому достигнуть

нуть самъ собою: онъ началъ выискивать всѣхъ волхвовъ, и лишать ихъ волшебныхъ ихъ вещей, надѣяся сими средствами учиниться сильнѣе всѣхъ, въ чемъ онъ дѣйствительно и успѣлъ. Ибо сколько ни обрѣталося волшебниковъ во вселенной, онъ всѣхъ ихъ побѣдилъ разными пронырствами, и овладѣлъ ихъ вещами; и тѣмъ учинился столько силенъ и страшенъ, что самъ Нія не смѣлъ иногда сопротивляться его волѣ. Таковою его властію раздражась Боги, и опасаясь его люпости, лишили его силы умерщвлять всякаго человѣка, и опредѣлили ему скорую казнь, что я узналъ отъ прочихъ Духовъ, моихъ сотоварищей.

Долго бы разсказывать мнѣ, продолжалъ онъ, о всѣхъ его злодѣйствахъ, ежелибъ описывать ихъ подробно; но я скажу тебѣ о томъ вообще. Съ тѣхъ поръ, какъ овладѣлъ онъ моею книгою и Духами, не приключилося во свѣтѣ никакого важнаго несчастія, коего бы не былъ онъ виною. Сей мерскій Еѳіопъ, лишась власти умерщвлять людей,

терзаетъ ихъ напротивъ того всякими люттѣйшими мученіями, и лишаетъ ихъ своими очарованіями естественнаго ихъ вида. При чемъ употребляетъ онъ такую хитрость, что всѣ очарованные имъ, по тѣхъ поръ неизвѣстны бываютъ свѣту, покамѣстъ продолжается ихъ очарованіе; и одни Боги могутъ человѣкамъ открыть ево козни. Онъ построилъ еще себѣ на нѣкоторомъ здѣсь островѣ замокъ, и опредѣлилъ его на свои увеселенія; но однакожъ кромѣ досадъ и огорченій ничего въ немъ болѣе не находитъ. Ибо похищенныя имъ отовсюду въ сей замокъ красавицы, какія онъ ни употребляетъ происпырства для прельщенія ихъ, всѣ до единой презираютъ его, и гнушаются имъ; ибо правосудные Боги, въ наказаніе ему, и для предосторожности неповинныхъ красотъ, лишили его власти являться къ нимъ въ другомъ видѣ, кромѣ ево собственнаго. А собственное ево гнусное лицо, неудобно прельститъ и самой наиподорнѣйшей женщины. Вотъ каково ево изображеніе!

Теперь

Теперь осталось мнѣ сказать тебѣ окончаніе собственной моей повѣсти. Я нашелъ, будучи еще вживѣ, люпое средство умерщвлять людей разнообразно, хотябъ и сами Боги смерти ихъ сопротивлялись. Но сего варварскаго таинства не включилъ я въ мою книгу, ниже кому о томъ повѣдалъ, опасаяся худыхъ отъ того слѣдствій. Сія то воздержность и спасла меня во адѣ отъ конечнаго моего погубленія, и сіе есть причиною теперешняго моего заключенія. Ибо сей люпый волхвъ, увѣдавъ отъ соповарищей моихъ о сей моей тайнѣ, хотѣлъ отъ меня объ ней узнать, но я ему твердо въ томъ отказалъ, что и навлекло мнѣ отъ него самое варварское мученіе, и темницею сей островъ. Но я надѣюсь, что милосердые Боги, за претерпѣнныя мною страданія, вскорѣ избавятъ меня отъ власти сего тирана человѣческаго рода. Ибо ты, государь, продолжалъ онъ, точно мнѣ кажешся тѣмъ Випяземъ, отъ коего Боги опредѣлили мое избавленіе. Я уже весьма давное

время нахожуся на семъ островѣ, вседневно ожидая съ тобою моея свободы. Напослѣдокъ увидѣвъ здѣсь тебя, предпріялъ я испытать твое добродушіе, и тѣмъ увѣриться, что ты будешь мой избавитель отъ лютаго Карачуна. Для сего то точно и превратился я въ молодаго человѣка, и силою моего знанія, обратилъ на себя толпу люпыхъ звѣрей; и когда доброе твое сердце склонило тебя вдаться-ся для меня въ опасность, тогда я бросилъ въ толпу сихъ животныхъ нѣкоторый приготовленный мною составъ, который возбудя въ нихъ бѣшенство, обратилъ ихъ на самихъ себя.

Едва Липоксай скончалъ свою повѣсть, какъ пресильное землетрясеніе взорвало въ пещерѣ полъ, и учинило великое отверстіе, изъ коего съ превеликимъ пламенемъ и сгущеннымъ дымомъ выскочилъ къ нимъ Исполинъ, вооруженный саблею. Умри, вскричалъ онъ Свѣтлосану, замахнувшись на него оружіемъ, и прекрати надежду сего невѣрнаго Духа, и твою собственную. Но

Липоксай

Липоксай въ самый тотъ мигъ отхватилъ Князя отъ пораженія, и вынесъ его вонъ изъ пещеры. Дерзновенный! вскричалъ Исполинъ Духу, ты осмѣливаешся защищать любѣйшаго моего врага; но вѣдай, что ты симъ усугубилъ только свои и ево мученія. Ничто васъ не избавитъ отъ мщенія Карачунова. Проговоря сіе, кинулся онъ за Свѣтлосаномъ, который, лишась волшебнаго своего меча при поповленіи, принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ, не имѣя къ защитѣ своей другаго способа. Помощію летающихъ Сандалій, прибѣжалъ онъ вскорѣ на поверхность моря, но Исполинъ, который былъ точно Карачунъ, не оставилъ за нимъ гнаться и по морю, будучи поддерживаемъ Духами.

Конечно бы отъ руки его погибъ тогда Славенскій князь, ежелибъ нечаянный случай, который казался угрожать ему прямо погибѣлью, не спасъ ево жизни. Отъ продолжительнаго бѣжанія, духъ у него началъ уже заниматься, и лишать его всей надежды ко спасенію: от-

чаяніе овладѣло ево мыслями : онъ возвелъ глаза свои на небо, для испрошенія себѣ помощи свыше; но въ самое то время запнувшись упалъ, и мнилъ уже себя потопшимъ, какъ въ самый тотъ мигъ почувствовалъ у себя въ рукахъ нѣчто такое, которое паденіе ево остановило. Онъ всталъ тотчасъ опять на ноги, и увидѣлъ подъ собою превеликаго Дельфина, держащаго во рту своемъ волшебный Левсиловъ мечь. Обрадованный Князь симъ приключеніемъ, едва осмѣлился повѣрить своимъ глазамъ: воздавъ благодареніе Безсмертнымъ, ухватилъ онъ свой мечь, и съ превеликою храбростію обратился на гоняющагося за нимъ Карачуна, который весьма уже близко отъ него находился. Сей гнусный волхвъ, сколько ни наглъ былъ и ни дерзостенъ, но усмотря Левсиловъ мечь въ Свѣтлосановой рукѣ, воспрепеталъ и обратился въ бѣгство. Но не возмогъ бы онъ избѣжать достойной себѣ казни тогда же, ежелибъ не спасся отъ того своимъ коварствомъ; ибо превратяся въ рыбу, повергнулся

онъ

онъ въ море, и тѣмъ избавился отъ неминуемыя себѣ смерти.

Свѣтлосанъ лишась такимъ образомъ своея побѣды, принужденъ былъ возвратиться на осипровъ, дабы посовѣтовать съ Липоксаемъ, какимъ образомъ можетъ онъ достигнуть до окончанія своего предпріятія, въ разсужденіи ниспроверженія сего коварнаго врага. Желаніе твое весьма похвально и велико, сказалъ ему Липоксай, оно избавляетъ мірь, и меня, отъ наилютѣйшаго тирана; и сколько мнѣ ни будетъ стоить подать тебѣ о семъ мое мнѣніе; ибо чародѣй сей не упустить наложить мнѣ за сіе наижесточайшихъ мученій; однакожъ невзирая на все то, хочу тебя въ семъ удовольствовать. Я уже тебѣ объявилъ, продолжалъ онъ, что Карачунъ имѣетъ у себя два замка: одинъ изъ нихъ украшенъ всѣми нѣжностями и пріятствами великолѣпія и пышности, а другой имѣетъ видъ самаго ада, по причинѣ ужасныхъ своихъ предметовъ. Въ семъ послѣднемъ замкѣ обитаетъ Карачунъ, и всякому

изъ смертныхъ входъ въ него запрещенъ подъ лишеніемъ за то живота. Кромѣ сего окруженъ онъ отовсюду преужасными загражденіями, которыхъ кромѣ Боговъ и Духовъ никто преодолѣть не можетъ, не подвергая жизни своей неминуемой смерти. Въ семъ замкѣ хранитъ Карачунъ всѣ похищенныя имъ волшебныя вещи, подъ стражею наиужаснѣйшихъ чудовищей. Никакъ нельзя покуситься взойти открытой силою въ сей замокъ, или напасть на самого сего чародѣя, и побѣдить его явно. Надобно изыскивать случай, чтобъ исплошить его въ замкѣ, въ коемъ обитаютъ у него красавицы; ибо онъ лишается тутъ почти всей своей силы; либо же при помощи Боговъ войти тайно, и безъ него, въ обитаемый имъ замокъ, и напасть на него соннаго. Кромѣ сего совѣта, продолжалъ Духъ, никакъ помочь тебѣ я не могу; ибо Нія запретилъ мнѣ вспомоществовать тѣмъ, которые пожелаютъ разрушить мою неволю. Сказавъ сіе онъ исчезъ, а Свѣтлосанъ, оставшись

одинъ,

одинъ, вознамѣрился искать Карачуновыхъ замковъ.

Принеся напередъ молитву Богамъ, пошелъ онъ, вспомоществуемый Сандаліями, на поверхность моря, и опредѣлилъ на немъ до тѣхъ поръ странствовать, покамѣстъ не найдетъ Карачунова жилища. Но сіе путешествіе было бы ему гробомъ, ежели бы не помогло ему доброе ево счастіе, которое по справедливости бываетъ иногда лучше храбрости и досужества. По отдаленіи его отъ острова, небо перемѣнило ясность свою на мракъ: порывистые вѣтры возмутили тихія воды, и не оставили Свѣтлосану инаго пути, кромѣ опасныя средины между волнующеюся бездною, и блистающимъ горизонтомъ. Къ довершенію напасти, темнота окружила все пространство понта, и не оставила ни малаго средства раздѣлять предметы. Въ сей крайности Князь принужденъ былъ бѣжать, по по ярящимся волнамъ, то по бунтующему воздуху. Такимъ образомъ путешествовалъ онъ двои сутки, находясь въ безпрестан-

ной

ной опасности отъ моря и грома. На конецъ послѣдовала ясность, но которая не принесла ему ни малаго облегченія; гладъ и утомленіе, объявшіе Свѣтлосана, лишили его почти всѣхъ силъ. Уже изнеможенныя ево ноги едва ему служили, и онъ началъ уже отъ великія усталости спотыкаться, и приходить въ нѣкоторый родъ обморока, которой бы его на вѣки погрузилъ въ море; какъ въ самое то время увидѣлъ онъ превеликій останокъ разбитаго корабля. Съ великою радостію пошелъ онъ къ нему, благодаря Небу за толь очевидную помощь. Дошедъ съ немалымъ трудомъ до сего остатка, сѣлъ онъ на него, и отдухнувъ довольное время, почувствовалъ онъ въ себѣ изнуряющій голодъ и жажду. Весьма долгое время боролся онъ съ ними; но наконецъ побуждающая его къ насыщенію природа начала изнемогать, и лишать его чувствъ. Въ сіе время притуплен-ные его взоры, едва уже обращающіеся по поверхности водъ, ласкаясь надеждою обрѣсти на нихъ нѣчто

что къ утоленію жажды и глада, увидѣли вдали пловущее животное, которое несло нѣчто во рту. Нѣкая надежда обновилася въ сердцѣ Свѣтлосана: онъ поднялъ голову, чтобъ разсмотрѣть получше сіе животное, которое приплывало къ нему часъ отъ часа ближе, и съ великою радостію увидѣлъ наконецъ, что ето былъ морскій левъ, который несъ во рту своемъ превеликій кустъ съ кокусовыми орѣхами. Какъ скоро подплылъ онъ къ Свѣтлосану, то оставя при ногахъ ево свою ношу, нырнулъ въ воду, и по нѣсколькихъ минутахъ, вынырнувъ отъ него въ немаломъ разстоянїи, поднялся на воздухъ въ видѣ превеликія пипицы.

Но Свѣтлосанъ, въ тогдашнемъ своемъ состоянїи, не весьма старался что примѣтишь, и все свое попеченїе обратилъ къ кокусову дереву. При ослабленїи своихъ силъ едва онъ выволокъ его изъ воды, и напослѣдокъ, разрѣзавъ одинъ орѣхъ своимъ мечемъ, выпилъ изъ онаго сокъ, который показался ему тогда настоящимъ Нектаромъ. Такимъ

кимъ образомъ сія неожидаемая помощь возвратила ему жизнь, толь много кратъ подверженную смерти. Сіе счастливое приключеніе привело его въ состояніе путешествовать далѣе: снабдясь симъ пріятнымъ плодомъ, и принеся молитву Богамъ, вдался онъ паки своему путешествію, и по счастію своему, черезъ нѣсколько дней увидѣлъ онъ островъ, окруженный отовсюду дремучимъ лѣсомъ и каменистыми утесами.

Съ превеликимъ трудомъ пробрался онъ сквозь чащу онаго, въ надеждѣ сыскать нѣсколько плодовъ способныхъ въ пищу. По прошествіи имъ сея густопы, увидѣлъ онъ превысокія кремнистыя горы, покрытыя льдомъ и снѣгомъ, и на которыя никоимъ образомъ человѣку не можно было взойти. Однако жъ Свѣтлосанъ, вознамѣрясь осмотрѣть островъ, превозмогъ сію трудность, вспомоществуемъ будучи Сандаліями. Но какое было ево удивленіе, когда онъ, по возшествіи на сіи горы, увидѣлъ съ нихъ долъ, изобилующій плодоносными древами и благо-

благовонными цвѣтами ; а далѣе того великолѣпный замокъ , окруженный рѣкою , на подобїе превысокїя горы , украшенныя разновидными цвѣтами. При семъ пріятномъ видѣ Славенскїй Князь палъ на колѣни, и воздѣвъ руки къ небу, произнесъ сїю молитву: Великїй Перунъ , и иныя всемощное Божество бѣдствующихъ людей ! внимите моленїю смертнаго , обожающаго васъ неизмѣрно: если я не обманываюсь , то сїе великолѣпное зданїе есть твореніе гордаго Карачуна. Вспомоществуйте мнѣ прейти безбѣдственно всѣ оставшїяся трудности : споборствуйте моему подвигу , и устроя мою руку на отмщеніе страждущаго человѣчества , сопроводите ее въ сердце нечестиваго тирана вселенныя. Я обѣщаюсь принести вамъ тучную жертву , и удовлетворить вполнѣ человѣчеству.

По совершеніи Свѣтлосаномъ молитвы, громъ возгремѣлъ въ десной его странѣ , и блеснувшая молнїя казалася стремящеюся на зданїе замка. Князь паки палъ на землю ,

благо-

благодаря Боговъ за толь явственное предвозвѣщанїе ихъ благоволѣнїя. Послѣ чего, наполнясь несумнѣннымъ надѣянїемъ на помощь Бесмертныхъ, пошелъ онъ прямо къ замку. Чѣмъ ближе онъ къ оному подходилъ, тѣмъ больше умножалося великолѣпїе онаго. Черпоги ево, подобящїеся высокой и утесистой горѣ, были сооружены изъ разноцвѣтныхъ блистающихъ камней: злато и сребро были послѣднїя степѣнь ихъ украшенїя; преизящнѣйшїя истуканы изобиловали на нихъ повсюду; крыльца, переходы и теремки являли на себѣ видъ неподражаемаго художества. Однимъ словомъ зданїе сїе походило на нѣкїй священный храмъ, превосходящїй красотою и великолѣпїемъ своимъ всѣ тѣ преузорочныя достопамятности, которыя Греками седмью чудесами именовались. Но сколько замокъ сей былъ великолѣпенъ, столько приступъ къ нему былъ труденъ: стѣны ево, сооруженныя изъ крѣпчайшаго мрамора, утыканы были на подобїе щетины острыми рожнами, а ворота его составляли

стояли изъ непроницаемыя стали. Кромѣ сея твердыя заграды, окружала замокъ глубокая и быстрая рѣка, наполненная преужасными чудовищами, которыя всплывая на поверхность водъ, произносили страшный свистъ и ревъ, являя огромныя и гнусныя свои тѣла. Сверхъ того находился на берегу желѣзный истуканъ, вооруженный всѣми орудіями, какія только изобрѣла кровавая война, для отнятія жизни у человѣковъ. Сей грозный истуканъ, произнося престрашныя завыванія и вопли, обѣгалъ, быстрѣе вихря, берегъ окружающій замокъ, и грозилъ умертвить всякаго, кто бы ни отважился въ оный вступить; ибо силѣ ево ничто противиться не могло.

Славенскій Князь усмотря сего стража, обнажилъ свой мечь, и надѣясь помощію ево крѣпости одолѣть сіе страшилище, пошелъ къ нему безбоязненно. Желѣзный стражъ, увидя идущаго на себя Свѣтлосана, бросился къ нему съ ужасною свирѣпостію, и поднявъ мѣдную свою палицу, хотѣлъ ею

сразишь его напрозно ; какъ вдругъ, посмотрѣвъ на сего Князя , возопилъ томнымъ голосомъ , и отскочилъ отъ него весьма поспѣшно. Толь нечаянный случай привелъ Свѣтлосана въ нѣкоторый родъ недоумѣнія и робости: онъ не вѣдалъ, что ему о семъ приключеніи мыслить; между тѣмъ подходилъ онъ къ нему ближе, желая получше его разсмотрѣть, и ежели можно, увѣдать отъ него о всемъ, о чемъ ему нужно было узнать. Но истуканъ, усмотря ево къ себѣ приближеніе , побѣжалъ къ мосту , ведущему чрезъ рѣку, который состоялъ весь изъ желѣзныхъ пружинъ сплоченныхъ совокупно , и всталъ на концѣ онаго ; и какъ только Свѣтлосанъ къ нему подошелъ , то желѣзный сей мужъ топнулъ въ мостъ ногою, проговоря нѣсколько словъ , отъ чего оный въ тотъ же мигъ сѣ̂ожился. Сіе удивительное приключеніе еще въ большее привело удивленіе Славенскаго Князя. Между тѣмъ истуканъ то отдалялся отъ Свѣтлосана , то приближался къ нему на желѣзномъ своемъ мостѣ:

во время отдаленія своего дѣлалъ онъ разныя тѣлодвиженія и знаки, и весьма печальныя и смѣшныя рожи, которыми старался онъ нѣчто дать знать Славенскому Князю, а приближаяся къ берегу хотѣлъ его поразить. Сіе чудное дѣйствіе привело въ вящее недоумѣніе Свѣтлосана: онъ не зналъ что начать; ибо знаками своими испрашивалъ у него испуканъ нѣкоея милости, а нападеніями своими приводилъ его въ раздраженіе. Но въ самое то время, когда юный Князь о семъ размышлялъ, а желѣзный мужъ подплылъ къ нему на мостну, дѣлая нападенія, налетѣлъ на Свѣтлосана, отъ стороны замка, и почти изъ за самаго испукана, превеликій морскій орелъ, какъ будто бы желая на него напасть, и съ нимъ сразиться. Возбужденный сею нечаянною опасностію Князь, устремилъ на него свой мечь; но вмѣсто онаго поразилъ онъ желѣзнаго стража, который въ самый тотъ мигъ превратился въ средолѣтнаго человѣка, одѣяннаго въ Армянское платье; а

орелъ между тѣмъ отъ нихъ скрылся.

Превратившїйся изъ истукана Армянинъ палъ въ ноги Свѣтлосану, и обьемля его колѣна: Государь! сказалъ ему, я не обманулся, съ самаго перваго на тебя взора, почтя тебя Героемъ и любимцемъ Боговъ; ибо хотя способомъ сего прежде принадлежавшаго мнѣ меча избавилъ ты меня, но не вспомоществуемый вышеестественными силами не могъ бы ты дойти до сего не приступнаго мѣста. Какъ! перехватилъ рѣчь его Князь, развѣ ты Левсилъ? Такъ, государь, отвѣчалъ онъ, я мужъ несчастныя Превраты: люшый Карачунъ, вспомоществуемый предательствомъ невѣрнаго моего друга, разлучилъ меня съ нею, и лишивъ всего, превратилъ меня въ то ужасное состоянїе, изъ коего храбрость твоя меня извлекла; ибо окончанїе моего очарованїя состояло въ пораженїи меня моимъ мечемъ. Послѣ чего разсказалъ онъ ему подробно все свое похожденїе, и распрю съ Карачуномъ. Сей ужасный чародѣй, присовокупилъ онъ, исплоша меня

въ моемъ

въ моемъ замкѣ, и изблевавъ на меня тьму ругательствъ, повелѣлъ оковать меня тяжкими цѣпями, и окружа безчисленною стаею мрачныхъ Духовъ, увлекъ меня изъ прелестнаго моего жилища въ сіи мѣста, исполненныя плача и стенанія. И когда мы поровнялися надъ поверхностію сея рѣки, тогда нежалостливый мой похититель, схватя меня въ преогромныя свои руки, (ибо онъ имѣлъ тогда образъ Исполина,) кинулъ на сей желѣзный мостъ, произнося сіи слова: Воспріими свойство и крѣпость сего моста, и изъ люпѣйшаго моего врага содѣлайся ужаснымъ стражемъ сего мѣста, по тѣхъ поръ, пока не поразитъ тебя опасное твое оружіе. Слова ево раздалися съ ужаснымъ громомъ и трескомъ по всему горизонту, и снизшли до врадъ свирѣпаго ада. А я лѣтя съ превеликимъ стремленіемъ, ударился объ мостъ, который отъ удара сего съ̂ожился, произнеся томный и пронзительный звонъ. Паденіе сіе долженствовало бы естественно лишить меня жизни; но злодѣй мой

устроилъ такъ, что я въ самый мигъ моего удара превратился въ желѣзный испуканъ, и потерявъ прежнюю свободу моихъ мыслей, наполнился неистовымъ алканіемъ убивать всѣхъ попадающихся мнѣ въ глаза. Получа сіе варварское стремленіе, скочилъ я съ моста на берегъ; и помчался быстрѣе вихря вокругъ замка: попадшіяся мнѣ звѣри и птицы вскорѣ почувствовали неистовую мою ярость; я ихъ всѣхъ перестрѣлялъ моими стрѣлами, и въ одинъ день учинилъ пустымъ и неприступнымъ сей берегъ. Съ пѣхъ самыхъ поръ до сего часа, обѣгая повсеминутно сей берегъ, не видалъ я никого изъ живущихъ до самаго твоего прихода, который возвратилъ мнѣ прежній мой видъ.

Окончавъ свою повѣсть, бросился было онъ паки къ Свѣтлосану въ ноги, но Князь его до того не допустилъ, и пріявъ его въ свои объятія, увѣрялъ его о своей дружбѣ, благодаря притомъ за угощеніе ево супруги. Какъ, государь! вскричалъ удивленный Левсилъ, неуже-

ли

ли жена моя имѣла счастїе угостить у себя толь великаго Героя? А я ее мнилъ равно погибшею отъ наглости нашего злодѣя. Она бы дѣйствительно и теперь еще отъ ударовъ ево страдала, отвѣтствовалъ Князь, ежели бы Боги не освободили ее, посредствомъ моея руки, отъ сего страшнаго тирана. По семъ разказалъ онъ ему вкратцѣ свои и ея приключенїя. О Небо! возопилъ тогда Армянинъ, кого тебѣ осталося поражать, когда ты оставляешь безъ казни таковаго злодѣя! Государь, продолжалъ онъ говорить Свѣтлосану, я думаю однакожъ, что онъ не долго уже будетъ пользоваться плодами своихъ злодѣйствъ. Повсемѣстныя жалобы ежечасно призываютъ Боговъ ко отмщенїю: и ежели я не обманываюсь, то и самъ Карачунъ предузнаетъ скорую свою погибѣль: я его нынѣ зрю всегда уже смущенна и робѣюща. Рѣдкїя ево посѣщенїя въ сей замокъ довольно доказываютъ ево неспокойствїе. Онъ безпрестанно окружаетъ сей, и собственный свой замокъ, ужаснѣйшими

страшили-

страшилищами, мня ими заградить всякому въ нихъ входъ; но можетъ ли онъ ими воспрепятствовать мщенію Безсмертныхъ? Тебя, государь, продолжалъ онъ, познаю я орудіемъ и исполнителемъ праведнаго ихъ гнѣва; и ежели сіе истинно, такъ вооружася ихъ покровительствомъ, ступай наказать тирана, и избавить несчастныхъ отъ сего люпаго чудовища.

Такимъ образомъ говоря, понуждалъ онъ вступить Свѣтлосана на желѣзный мостъ; но едва занесъ на него Князь свою ногу, какъ мостъ возшумя престрашнымъ образомъ сѣожился, а наполняющія рѣку чудовища, вынырнувъ всѣ изъ воды, разинули свои пасти, и пропзнося престрашный вой, свистъ и ревъ, угрожали Свѣтлосана пожрать, ежели осмѣлится онъ переправляться черезъ рѣку. Но сей неустрашимый Князь, возлагая надежду на Боговъ, и призывая ихъ въ помощь, началъ поражать своимъ мечемъ приближившихся къ нему страшилищъ. При всякомъ ударѣ, мужество его получало награжде-

нїе;

нїе: ибо на какомъ мѣстѣ ни поражалъ онъ чудовищей, то во мгновснїе ока становилося оное твердымъ, а вода со страшилищами изчезала. Ободренный симъ успѣхомъ Свѣтлосанъ подвигался все далѣе, поражая уродовъ, и очищая тѣмъ путь за собою Левсилу. Такимъ образомъ вскорѣ дошелъ онъ до другаго берега; и лишь на оный вступилъ, то вся рѣка, окружавшая замокъ, провалилась сквозь землю съ превеликимъ шумомъ и трескомъ. Свѣтлосанъ и Левсилъ, познавая въ семъ чудѣ ясно Божескую къ себѣ помощь, пали на землю, принося благодареніе Небожителямъ.

По таковыхъ успѣхахъ, Славенскій Князь не сомнѣвался уже болѣе преодолѣть заградъ, препинавшихъ входъ въ замокъ. Ополченный бодростїю и надѣяніемъ, подошелъ онъ къ воротамъ замка, чтобъ попытаться и оные себѣ отверсти; но едва онъ къ нимъ приступилъ, какъ стальныя ихъ вереи превратилися въ преужасныхъ Волотовъ, зїяющихъ пламенемъ, а двери въ престрашную огненную хлябь, преисполненную

разнообразныхъ чудовищъ. Всѣ сіи страшилищи, увидѣвъ идущаго къ себѣ Князя, приготовилися къ совокупному на него нападенію; но Свѣтлосанъ, призвавъ въ помощь Безсмертныхъ, и возвысивъ свой мечъ, пошелъ на нихъ безъ всякія боязни. По нѣсколькихъ ево ударахъ, почувствовалъ онъ себя угрызенна въ лядвію: сіе угрызеніе воспалило еще болѣе ево храбрость: горя отмщеніемъ за сіе ему оскорбленіе, и собравъ всѣ свои силы, поразилъ онъ своимъ мечемъ въ самое отверстіе зіявшей на него хляби, желая однимъ ударомъ сокрушить всѣхъ ея чудовищей. Напряженіе ево столь было сильно, что онъ упалъ; но какъ онъ удивился, когда по возстаніи своемъ увидѣлъ себя уже внутри замка! Послѣдовавшій ему Левсилъ вывелъ его тотчасъ изъ сего удивленія, объявивъ ему слѣдующее; (ибо онъ все сіе дѣйствіе примѣтилъ, слѣдуя за нимъ изъ далека:) что когда Свѣтлосанъ поражалъ пламенныхъ чудовищъ, то оныя поминутно отъ него мало по малу изчезали; между тѣмъ одна ужас-

нѣйшая.

нѣйшая Саламандра, изпоргнувшись изъ самыя глубины хляби, хотѣла его стремленїемъ своимъ опровергнуть; но въ самый тотъ мигъ поразила ее снизшедшая съ небесъ огненная стрѣла: чудовище изчезло, а Князь воспаленный гнѣвомъ поразилъ мечемъ въ хлябь, которая въ шуйъ минуту изчезла; и Свѣтлосанъ, увлеченный своимъ напряженїемъ, принужденъ былъ упасть во внутренность замка.

Сїя очевидная Божеская помощь извлекла радостныя слезы изъ очей Славенскаго Князя: онъ принесъ благодаренїе Безсмертнымъ, въ чемъ и Левсилъ ему послѣдовалъ. Наполнясь вящею надеждою, пошли они къ палатамъ, споявшимъ по срединѣ замка. По нѣсколькихъ шагахъ почувствовали они нѣчто останавливающее ихъ: и хотя сематривалися они по всѣмъ сторонамъ, однакожъ не могли ничего такого увидѣть, что бы ихъ останавляло. Недоумѣвающемуся о семъ Князю вскричалъ Левсилъ, что онъ мнитъ познавать въ семъ хитрость Карачунову: ето конечно, говорилъ онъ,

невидимая стѣна, которая препинаетъ намъ путь въ чертоги; но я думаю, примолвилъ онъ, что и она не постоитъ отъ грознаго твоего оружія. И въ самомъ дѣлѣ, лишь только Свѣтлосанъ махнулъ своимъ мечемъ, то невидимая преграда потеряла свою силу, и оставила имъ свободный ходъ. Но едва они отъ нее освободились, какъ на мѣсто ее предстала другая: превеликая толпа молодыхъ и прекрасныхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ напрелестнѣйшимъ образомъ, въ самую ту минуту ихъ окружила. Иныя изъ нихъ пѣли, другія плясали, нѣкоторыя играли на разныхъ музыкальныхъ орудіяхъ, а прочія имѣли въ рукахъ самыя прелестнѣйшія плоды въ корзинкахъ, и бутылки съ виномъ. Сіи приманчивыя машинки, обступя Свѣтлосана и Левсила, предложили имъ свои услуги, и всякая изъ нихъ напрерывъ старалася прельстить юнаго Князя и его сопутника. Добродушный Свѣтлосанъ, видя въ себѣ таковыя ласки отъ столь прелестнаго рода смертныхъ, уже

хотѣлъ

хотѣлъ отвѣтствовать имъ равномѣрными учтивостями, и согласиться на ихъ предложенїе, какъ благоразумный Левсилъ, обхватя его своими руками, вскричалъ ему: берегися, государь, паче всего сихъ обманчивыхъ прелестей, сихъ опасныхъ Сиренъ: сіе еще козни люшаго Карачуна. При сихъ ево словахъ Свѣтлосанъ остановился, будучи приведенъ въ недоумѣнїе, а окружающїя ихъ прелестницы подняли превеликїй смѣхъ и хохотъ надъ Левсиломъ, называя его трусомъ и невѣжею; и въ самое то время лаская наиболѣе Князя, и стараяся всѣми силами склонить его на свое предложенїе, чтобъ онъ вкусилъ предлагаемыя ему забавы. Но Свѣтлосанъ, подкрѣпляемый увѣщанїями Левсила, и тревожимый неотступными ласканїями сихъ прелестницъ, понялъ ясно Карачуново коварство. Онъ началъ отталкивать отъ себя сихъ обманщицъ, и поспѣшать войти въ покои; однакожъ симъ не могъ отъ нихъ избавиться. Онѣ окружа его со всѣхъ сторонъ, и ухватя за

руки и платье, старался увлечь его за собою. Между тѣмъ Армянинъ, окруженный другою ихъ ратью, весьма уже далеко былъ отъ него отпущенъ; но при всемъ томъ не переставалъ онъ кричать Свѣтлосану, чтобъ онъ какъ можно старался отъ нихъ освободиться. Въ сіе самое время одна изъ прелестницъ, ухватя у Князя мечь хотѣла вырвать; но Свѣтлосанъ примѣтя сіе, и предвидѣвъ отъ того всю опасность, пришелъ въ подлинный страхъ, и наполнясь негодованіемъ, вырвалъ у нее изъ рукъ сіе драгоцѣнное оружіе. Стремленіе, съ каковымъ онъ въ семъ случаѣ поступилъ, принудило его изторгнуть мечь совсѣмъ изъ ножень. И лишь только сіяніе онаго блеснуло имъ въ глаза, какъ въ тожъ мгновеніе, всѣ сіи прелестныя обманщицы, разлетѣлись отъ него въ видѣ преужасныхъ Гарпій.

Между тѣмъ Левсилъ, оплетенный сими привидѣніями весьма далеко, находился въ опасности своея жизни; и ежели бы Князь хотя еще одну минуту не ускорилъ

рилъ отъ него прогнать сихъ опасныхъ Сиренъ, то бы Армянинъ погибъ конечно. Избавясь такимъ образомъ отъ послѣднїя и опаснѣйшїя Карачуновы козни, воздали оний благодареніе Небесамъ, и пошли въ предстоящїя палаты, не встрѣчая уже болѣе себѣ ни какого препятствїя.

Крыльцо сихъ великолѣпныхъ чертоговъ, по которому надлежало имъ восходить въ покои, кромѣ другихъ безчисленныхъ и драгоцѣнныхъ рѣдкостей, было украшено испуканами изъ восточнаго хрусталя, Опала и Сапфира, которые представляли слѣдующїя мирскїя Божества: Любочестїе, Любоимѣнїе, Властолюбїе, Пышность, Гордость, Любострастїе, коварное Самолюбїе, многовидную Роскошь, и другїя безчисленныя ихъ отрасли; а при самомъ вдохѣ въ сѣни стояли на возвышенныхъ подножїяхъ три стальные испукана, кои казались быть повелителями прочихъ. Первый изъ нихъ представлялъ мрачное Суевѣрїе, другой безчеловѣчное

Варварство, а третїй гнусное Невѣжество.

Свѣтлосанъ осмотрѣвъ не много сїи истуканы, пошелъ далѣе; но едва только вступилъ онъ въ сѣни, какъ загремѣла въ нихъ преогромная музыка, и на подобїе вихря раздалась и потекла по всѣмъ покоямъ великолѣпнаго сего зданїя, и вскорѣ отъ слуха ихъ умолкла. Славенскїй Князь и сопутникъ ево весьма приключенїю сему удивились, и къ великому соболѣзнованїю вскорѣ узнали, что оно значило; ибо по вшествїи своемъ въ первую комнату, увидѣли они двухъ дѣвицъ безъ чувствъ стоящихъ, хотя онѣ и сохраняли всю свою живность. Ето было новое коварство безчеловѣчнаго Карачуна; какъ они потомъ отъ самыхъ сихъ дѣвицъ узнали. Сей гнусный волхвъ устроилъ такъ, что какъ скоро побѣдятся внѣшнїя огражденїя сего замка, чтобъ злое ево очарованїе подъ образомъ музыки пролилося по всѣмъ покоямъ, и отняло чувства у всѣхъ живущихъ въ нихъ красавицъ, да-

бы

бы никто не возмогъ ими овладѣть.

Свѣтлосанъ и Левсилъ проходя великолѣпные покои сего замка, повсюду находили въ разныхъ положенїяхъ лишенныхъ чувствъ красавицъ. Сїе печальное зрѣлище извлекло изъ глазъ ихъ многїя слезы, наполнивъ ихъ сердца преострымъ сожалѣнїемъ; но Славенскому Князю собрегалося путь плачевнѣйшее позорище. Опечаленное ево сердце сими жалостными предметами предавалося уже воздыханїю и жалобамъ, какъ вдругъ слезящимъ ево взорамъ предстала несчастная Милослава, ево сестра, лежащая на колѣняхъ у красавицы, коея прелести помрачали всѣ украшенїя замка, и обитавшихъ въ ономъ дѣвицъ. Люпая горесть, изображавшаяся на ея лице, не могла помрачить ни малѣйшихъ пріятностей ея красоты. Ето была самая Лада, Богиня любви. Какоежъ долженствовали произвести чувствованїе сїи два предмета въ Свѣтлосановомъ сердцѣ? Вдругъ двѣ жарчайшїя чувственности воспламенили ево душу: сожа-

лѣнїе и любовь, родившїяся вмѣстѣ со удивленїемъ. Но родство превозмогло тогда надъ ево нѣжностїю: онъ бросился къ бѣдной Милославѣ, спараяся подать ей помощь. Онъ употребилъ всѣ усилїя, чтобъ произвесть въ ней нѣкое чувствво; но всѣ ево спаранїя были безплодны. Милослава и подруга ея, такъ какъ и всѣ прочїя, сохраняя естественную живность тѣла, пребыли бездыханны.

Тогда ипо ярость и сожалѣнїе, овладѣвшїя сердцемъ Славенскаго Героя, принудили его выступить нѣсколько изъ порядка ево благоразумїя: произнесся ипьму проклятїй и ругательствъ на злобнаго Карачуна, началъ онъ разрушать непреодолимымъ своимъ мечемъ всѣ украшенїя бѣдственныхъ сихъ чертоговъ, во ожиданїи подобной казни гнусному ихъ здателю. Ни что не спаслося отъ ярости ево гнѣва: преизящные истуканы, драгоцѣнныя картины, великолѣпные свѣтильники, зеркалы, и всѣ пышности сихъ палатъ были въ ничто обращены праведнымъ ево мщенїемъ.

Но

Но не одна бѣшеная ярость къ сему его побудила : онъ мнилъ разрушивъ сїи украшенїя, разрушить и очарованїе любезныхъ ему особъ. Левсилъ стоялъ во все то время безмолвенъ ; но когда усмотрѣлъ онъ , что гнѣвъ ево гораздо ушишился , тогда подступя къ нему сказалъ: Непобѣдимый Витязь ! не симъ надлежитъ тебѣ побѣждать Карачуна: надобно самого его низпровергнуть , изторгнувъ изъ него симъ желѣзомъ вредоносную ево жизнь. Свѣтлосанъ , возвращенный сими словами въ прежнїя свои чувствованїя , обратился паки къ сестрѣ своей и ея собѣсѣдницѣ: онъ стоялъ долго не спущая съ нихъ глазъ: на лицѣ ево являлися по перемѣнно умиленїе и нѣжность. О Боги ! возопилъ онъ на послѣдокъ, возможно ли подумать , чтобъ наилучшее и наипрекраснѣйшее твореніе вашихъ рукъ было такъ уничижаемо ? Воздыханїя прервали ево слова; и слезы смѣшанныя съ нѣжными взорами , каковыя кидалъ онъ на красавицу , сидѣвшую подлѣ ево сестры, показали ясно ево чувствованїе.

ванїе. Но онъ его и самъ не скрылъ: обратяся къ Левсилу сказалъ онъ воздыхая страстно, что къ претерпѣнїю всѣхъ бѣдствъ, которымъ онъ вдавался, дабы сыскать и побѣдить Карачуна, побуждала его сперва одна добродѣтель; а теперь присовокупилась къ оной и любовь, говорилъ онъ, которая еще болѣе произведетъ въ немъ мужества, дабы отважиться на сраженїе со врагомъ, коего цѣлая вселенная трепещетъ. Левсилъ, обрадованный ево словами, началъ его наиболѣе побуждать къ сему предпрїятїю, и на конецъ благоразумными своими совѣтами и прозьбами склонилъ его болѣе не мѣдлить; хотя Князь, тронутый сожалѣнїемъ и любовїю, не весьма спѣшилъ оставить толь любезные ему предметы.

Препроводя въ замкѣ нѣсколько времени въ безплодныхъ изысканїяхъ средствъ, дабы разрушить очарованїе красавицъ, и не сыскавъ ни какого, опредѣлилъ на конецъ Свѣтлосанъ пуститься паки въ путь. При изшествїи своемъ изъ замка сожалѣлъ онъ весьма, что не

могъ

могъ быть сопровождаемъ Левсиломъ; ибо хожденіе по морю одному ему было возможно, по причинѣ летающихъ ево Сандалій; а Превратинъ мужъ не имѣлъ ни какого къ тому средства, потому что онъ лишенъ былъ Карачуномъ всѣхъ своихъ волшебныхъ вещей, коими могъ нѣчто произвесть. Чего ради положили они, чтобъ Левсилъ остался въ семъ замкѣ по тѣхъ поръ, пока не возвратится въ оной Князь; а ежели судьба опредѣлитъ ему въ семъ путешествіи смерть, тобъ онъ спасался изъ ужаснаго сего мѣста такъ, какъ ему поможетъ счастіе; илибъ великодушно умеръ, когда Богамъ такъ угодно будетъ. Въ сихъ и подобныхъ сему разговорахъ прошли они даже до морскаго берега: при семъ рубежѣ своего пути Левсилъ, сколько былъ ни мужествен, но возстенялъ и залился слезами. Въ сію ужасную минуту представились ему вкупѣ всѣ случаи, которые могутъ лишить его навсегда обхожденія со свѣтомъ, и нѣжныхъ ласкъ любезной ево супруги. Славенскій Князь

упо-

употребилъ все къ ево утѣшенїю, и наконецъ увѣря его о непремѣнной Боговъ защитѣ, и принеся онымъ свою молитву, простился съ своимъ другомъ, и вступилъ на жидкую и непостоянную стихїю.

Сколько взоръ Левсиловъ могъ простираться по понту, и пока могъ видѣть идущаго по немъ Сѣвилосана, покуда не спущалъ онъ съ него глазъ; и когда онъ сокрылся уже совсѣмъ отъ ево очей, тогда стенящїй Армянинъ, возсылая на Небо моленїя въ его пользу, возвратился паки въ замокъ.

Между тѣмъ Славенскїй Князь, побуждаемый надеждою найти и побѣдить Карачуна, летѣлъ болѣе нежели толъ. Онъ вдался въ прїятную задумчизосиь, которую произвела въ немъ прелестная незнакомка: нѣжность ея и красота, впечатлѣвшїяся въ ево сердце, наполнили все ево воображенїе, и переводили ево душу изъ спрасти въ страсть; по воспаляяся наисильнѣйшею любовїю, клялся онъ во вѣкъ ее любить и обожать; но воспомня ея очарованїе, приходилъ онъ въ ужас-

ную

ную ярость, и призывая на помощь Боговъ и смертныхъ, бѣжалъ обнажа свой мечь, мня постигать Карачуна, и поражати его. Въ семъ волнованїи страстей пробылъ онъ по самую темноту нощи; но и она бы не разрушила ево задумчивосипи, когдабъ не извлекъ его изъ оныя сильный трескъ, подъявшїйся на воздухѣ. Свѣтлосанъ остановился, и озираяся повсюду, увидѣлъ на воздухѣ преужасное облако, которое составлено было изъ всѣхъ спихїй: вода ярилась въ немъ отъ преужаснаго огня, коимъ вся сїя громада была наполнена; земля, и спершїйся въ ней воздухъ, угнетаемый разными металлами и минералами, будучи разжигаемы пламенемъ, производили между собою преспрашную борьбу, громъ и трескъ, подобный преужасному трясенїю земли. Однимъ словомъ, ето былъ видъ истиннаго Хаоса, о коемъ повѣствуютъ намъ спихотворцы. Сїя прегрозная туча леша прямо на Славенскаго Князя, готова была его сжечь, и претворить въ небытїе: уже она на него ниспадала, и одинъ

мигъ

мигъ оставался ево жизни, какъ неустрашимый сей Князь, лишенный всякїя помощи, и долженствовавшїй умереть отъ единаго ужаса, выхватилъ свой мечь, и не размышляя ни мало, поразилъ имъ въ сїе облако, которое въ тотъ же мигъ лопнуло и изчезло, а вмѣсто его явился на воздухѣ гнусный Карачунъ, въ видѣ престрашнаго Исполина. Ты не избѣжишь отъ моея казни, злодѣй! вскричалъ онъ Свѣтлосану; искуство мое преодолѣетъ наконецъ твое безстрашїе. Сказавъ сїе скрылся онъ изъ вида, во образѣ ужасныя кометы. Славенскїй Князь ввергнутый симъ видѣнїемъ въ превеликое удивленїе, стоялъ нѣсколько минутъ чудясь сему приключенїю. Напослѣдокъ, усматривая въ семъ случаѣ ясно Божескую къ себѣ помощь, воздалъ онъ благодареніе Небожителямъ, и предая себя ихъ защитѣ, отправился паки въ свой путь, неся съ собою обнаженный свой мечь, думая симъ предостеречь себя отъ внѣзапныхъ Карачуновыхъ нападенїй.

И въ самомъ дѣлѣ мечь сей имѣлъ такую силу, что отъ блистанїя ево изчезало всякое привидѣнїе; и уже Свѣтлосанъ не имѣлъ на себя явнаго нападенїя. При усмотрѣнїи на пупи своемъ острова, взошелъ онъ на него, и провелъ на немъ спокойно всю ту ночь, не смѣя однакожъ сомкнуть своихъ очей. На другой день, будучи томимъ жаждою и гладомъ, сыскалъ онъ въ лѣсу нѣсколько Кокусовыхъ орѣховъ, которые алчь ево утолили. Онъ ихъ взялъ нѣсколько съ собою, и отправился паки въ путь, прося Бога препроводить его поскорѣе къ Карачунову замку. Такимъ образомъ странствовалъ онъ съ мѣсецъ, дни препровождая въ безпрестанномъ шествїи, а ночи на островахъ въ трезожномъ снѣ; ибо опасность отъ Карачуна прерывала ево сонъ почти по минутно.

Всѣ сїи трудности, безпрестанное шествїе, голодъ и жажда, зной и хладъ, и безпокойный сонъ, не токмо не ослабили бодрости Славенскаго Князя, но паче еще прїумножали онуюнадеждою сыскать и

побѣдить Карачуна. Въ одинъ вечеръ, когда онъ подходилъ къ нѣкоторому большому острову, чтобъ по обыкновенію своему на ономъ переночевать, и запастись плодами на дорогу, вдругъ вода, по которой онъ шелъ, начала подъ нимъ кипѣть, такъ что жара, произходившаго отъ нее, не могъ онъ стерпѣть, и принужденъ былъ подняться на воздухъ; откуда онъ увидѣлъ, что лежащій предъ нимъ островъ находился весь въ дыму и пламени. Подошедъ къ оному поближе усмотрѣлъ онъ, что остр въ сей колеблемъ былъ преужаснымъ землетрясеніемъ, которое умножалося по всеминутно: вдругъ превеличайшія его горы съ громомъ и трескомъ проваливалися сквозь землю, и оставляли на мѣсто свое глубочайшія пропасти, исполненныя дыма и огня; въ другихъ мѣстахъ долины, обремененныя претолстыми древами, взрывало на воздухъ, съ превеличайшимъ стукомъ, трескомъ и лопаньемъ, и поднявшіеся отъ того песокъ и пыль, затмевая свѣтъ, летѣли по всѣмъ сторонамъ съ обломками

ками деревъ и каменьевъ. Вой и ревъ животныхъ, присовокупившїеся къ симъ ужасамъ, представляли тогда сей часъ послѣднимъ часомъ, и истиннымъ преставлѣнїемъ свѣта.

Свѣтлосанъ при видѣ сего нестроенїя природы остановился, мня себя долженствующимъ уклониться отъ сего острова, и искать другаго; ибо песокъ, щебень и каменья, запмевавшїе свѣтъ, летѣли даже до него, и начали причинять ему безпокойствїе и вредъ; а далѣе слѣдовать и совсѣмъ невозможно казалось, потому что на всякомъ мѣстѣ острова дѣлалися то пропасти, то взрывы, а вода вкругъ онаго кипѣла какъ въ котлѣ. И такъ Славенскїй Князь поворотилъ отъ него вправо, увидя въ сей сторонѣ другой островъ. Но лишь только началъ отъ него ити прочь, то и почувствовалъ въ себѣ нѣкую тягость, которая пригнѣтала его къ морю; и какъ только спустился онъ на поверхность воды, то и началъ въ оной вязнуть и тонуть. Сїе неожидаемое приключенїе привело его въ превеличайшее недоу-

мѣнїе : онъ не могъ понять сему причины , и не зналъ что дѣлать. Въ семъ ево недоумѣнїи , вынырнувшїй предъ нимъ престрашный Аллигаторъ такъ его испужалъ, что онъ кинулся отъ него назадъ , и къ великому своему удивленїю нашелъ, что вода за нимъ также была для него тверда , какъ и преждѣ. Сей случай паки заставилъ его размышлять : онъ зачалъ испытывать воду то назади то напереди , и напослѣдокъ увидѣлъ , что вода ведшая къ острову была для него тверда, а назади такъ жидка, что не могъ на ней держаться. Сей случай подалъ ему мысль думать , что не Боги ли сїе чудо дѣлаютъ для понужденїя его ити впередъ, изобразуя можетъ быть симъ, что онъ найдетъ впереди Карачуна; а ежели обратится назадъ, то станетъ отъ него отдаляться.

Сїя мысль такъ вкоренилась въ него, что онъ предпрїялъ ей слѣдовать; поблагодаря сперва Богову за сїе внушенїе, и призвавъ ихъ въ помощь, обратился назадъ. Однакожъ пошелъ онъ не прямо къ острову, колебав-

колебавшемуся отъ землетрясенїя, но вдѣво отъ него; но лишь только поровнявшись съ онымъ хотѣлъ отъ него отдалиться, то опять сталъ вязнуть. Сей случай паки привелъ его въ недоумѣнїе: онъ началъ испытывать воду по всѣмъ сторонамъ, и нашелъ напослѣдокъ, что она повсюду была для него вязка кромѣ той полосы, которая вела къ колеблющемуся острову. Сїе паки ввергло его въ размышленїе, котораго не могъ онъ разобрать; но въ семъ сомнѣнїи будучи, увидѣлъ онъ нисходящую молнїю съ небесъ, которая спремилась прямо на островъ, и лишь только на оный снисшла, то трясенїе ево вполы уменшилось. Сїя случайность заставила его мыслить, что на островѣ семъ скрывается для него какая нибудь пайность, къ открытїю коея сами Боги его привлекаютъ. Утвердясь въ сей мысли пошелъ онъ къ острову, и по твердости пути удостовѣрился въ томъ наиболѣе.

Но по приближенїи его къ сему острову наипаче оный воспламенил-

ся, и горящая пыль, обломки, каменья и цѣлыя глыбы полетѣли на Свѣтлосана большие прежняго. Будучи въ сей крайности старался онъ всячески отъ нихъ уклоняться; но не возмогая успѣть въ томъ совершенно, по причинѣ множества летѣвшихъ на него камней, вздумалъ онъ отвращать ихъ отъ себя волшебнымъ своимъ мечемъ; и лишь только учинилъ онымъ первое по нихъ движеніе, то къ несказанной своей радости увидѣлъ, что сія сыплющаяся пуча очевидно стала умаляться. Побуждаемый симъ успѣхомъ, началъ онъ поскорѣе итти къ острову, и мечемъ своимъ отвращать и поражать сыплющійся на него щебень, каменья и глыбы, которые по мѣрѣ ево пораженій часъ отъ часа умалялись. Такимъ образомъ дошедъ до самаго берега по воздуху, увидѣлъ онъ къ своему огорченію, что никакъ не можно было вступить на островъ, по причинѣ умножившагося безмѣрнаго ево трясенія.

Онъ остановился опять при семъ рубежѣ, и не зналъ что за-

чать:

чать : назадъ не пущала его жидкость воды и воздуха, а на берегъ вступить онъ опасался, дабы не провалишься; но вообразя, что къ сему его побуждаютъ сами Боги, принялъ онъ отважное намѣреніе послѣдовать ихъ волѣ, и въ семъ первомъ движеніи своея бодрости вскочилъ онъ на берегъ, который восколебавшись отъ того сильнѣе, уронилъ его на землю. Тогда Князь подумалъ, что онъ погибъ; но къ превеликой своей радости увидѣлъ, что берегъ сталъ трястися тише, будучи пораженъ при его прикосновеніи волшебнымъ ево мечемъ. Возставъ отъ земли принесъ онъ теплыя моленія Богамъ, благодаря ихъ за покровительство, и прося продолжити къ нему свое защищеніе. Между тѣмъ колеблющійся островъ не преставалъ возмещать на него пламенѣющіе камни и глыбы, которые Свѣтлосанъ принужденъ былъ по всеминутно отвращать своимъ мечемъ, подвигаяся притомъ безпрестанно впередъ. Во время сего труднаго ево шествія, поднявшейся изъ одной пропасти, превеликій распален-

спаленный камень летѣлъ прямо на Свѣтлосана, чтобъ сокрушить его и лишить жизни въ одну минуту. При приближенїи онаго Князь, принеся паки Безсмертнымъ свою молитву остановился, и прицѣлясь на него своимъ мечемъ, поразилъ его столь сильно, что по ударѣ своемъ споткнулся и упалъ. Камень разсыпался съ превеликимъ стукомъ въ дребезги, а Свѣтлосанъ, возстпавъ на ноги, былъ пораженъ неожидаемымъ предметомъ.

Островъ, колебавшїйся престрашно до сей минуты, сдѣлался по возстанїи ево неподвиженъ, и на мѣсто пламени, дыма и пропастей, былъ покрытъ превысокими горами, одѣянными снѣгомъ и льдомъ, по срединѣ которыхъ явился замокъ, сооруженный весь изъ стали, блестящейся на подобїе лучезарнаго камня. Видъ ево столь былъ ужасенъ, что онъ походилъ болѣе на жилище Нїи, прямый адъ, въ которомъ сохраняются казни для беззаконныхъ человѣковъ. О Боги! вскричалъ увидя его Князь, вопъ конечно жилище ужаснаго Карачуна,

Карачуна, къ которому благоволили вы меня препроводить, не смотря на всѣ ево ухищренїя! И когда вы явилися въ семъ толико для меня щедры, то пробавьте ко мнѣ въ сей страшный часъ вашу благость, и помогите мнѣ низложить сего преестраннаго врага человѣческаго рода. При окончанїи ево молитвы небо возгремѣло преужаснымъ образомъ, и тьма молнїй ниспала на блистающїй замокъ, который въ тужъ минуту лишился всего своего сїянїя.

Увидя сїе чудо Славенскїй Князь, позналъ изъ того ясно, что Небо по немъ побораетъ, и уменьшаетъ ему труды и опасности. Онъ пролилъ отъ радости слезы, и бросясь на колѣни возлалъ Небожителямъ усерднѣйшїя благодаренїя и молъбы. Окончавъ же свои моленїя, пошелъ онъ прямо къ замку, въ твердомъ будучи намѣренїи или погибнуть, или побѣдить Карачуна. Но чѣмъ ближе подходилъ онъ къ сему зданїю, тѣмъ болѣе изъявлялися всѣ ево ужасности: всѣ онаго стѣны и кровли покрыты были такими преестранны-

ми чудовищами, что одно смотрѣнїе на нихъ могло умертвить простаго человѣка. Но Свѣтлосанъ, имѣя съ подобными имъ сражищами многїя сраженїя, изъ которыхъ завсегда выходилъ побѣдителемъ, уповалъ и сихъ съ помощїю Боговъ преодолѣть. Чего ради не сомнѣвался нимало поднялся онъ на воздухъ; ибо инако чрезъ стѣны не можно было перейти, а воротъ нигдѣ у оныхъ не было. Но лишь только поднялся онъ вровень со стѣнами, и хотѣлъ чрезъ нихъ перелетѣть въ замокъ, что вдругъ всѣ покрывавшїе оной сражищи съ преужаснымъ ревомъ, скрежетомъ, и пламеннымъ зїянїемъ, устремилися къ нему въ такомъ множествѣ, что заимили весь около него свѣтъ. Какою бодростїю и мужествомъ ни былъ вооруженъ Свѣтлосанъ, и какъ проворно ни защищался своимъ мечемъ, но на конецъ множество ихъ начало его преодолѣвать. Вскорѣ потомъ драгоцѣнный его мечь выпибло у него изъ рукъ, и къ совершенїю его несчастїя, одинъ изъ наилюдѣйшихъ сихъ сражищъ

лищъ сорвалъ у него съ ноги Сандалїю, коея лишася Князь, не могъ болѣе держаться на воздухѣ, и полетѣлъ спремглавъ на землю, которую увидѣлъ онъ разверзшуся на подобїе ужасныя хляби, изъ коея выходило пламя, гопповое претворишь его мгновенно въ прахъ.

При видѣ сея блискїя смерти, Славенскїй Князь лишился всей своей бодросши, и столько лишь сохранилъ въ себѣ мужесшва, чтобъ предашь безбоязненно душу свою Богамъ. Напротивъ чего Карачунъ, имѣвшей тогда видъ гнуснѣйшаго и ужаснѣйшаго страшилища, возрадовался и восплескалъ своей побѣдѣ, и въ пущее посрамленїе Свѣтлосану, приняв на себя точный свой видъ, и приказавъ скрыться всѣмъ слѣдовавшимъ за нимъ чудовищамъ, погнался одинъ съ саблею за Свѣтлосаномъ, чтобъ имѣшь любное удовольсшвїе умертвить его самому, во время ево паденїя, и мертваго уже низринушь въ пригошовленную сему Князю пропасшь.

Онъ догналъ его вскорѣ, крича ему ругаяся: постой, любимецъ

Безсмертныхъ! постой, и воспріими отъ меня достойное награжденіе за свою дерзость. Но разгнѣванные Боги лютостію сего злодѣя, обратили самому ему во зло ево надмѣнность. Ибо гдѣ ни взявшись превеликій крылатый змѣй, держащій во рту своемъ предлинный каменный ножъ, подхватилъ летящаго Свѣтлосана къ себѣ на спину, и шѣмъ самого его привелъ въ состояніе напасть на Карачуна. Князь видя къ себѣ толь явную Божескую помощь, выхватилъ ножъ изъ змѣиныя пасти, и не упуская ни мало времени напалъ на своего злодѣя, не ожидавшаго отнюдь сего нападенія, и вонзивъ ему оный ножъ во грудь, повергъ его мертва.

По семъ ево храбромъ дѣяніи вострепетала вся земля, громъ, тьма, молній, и сгущенный мракъ возмутили всю природу, и не оставили нигдѣ ни малаго свѣта и спокойства. Устрашенный внезапностію сея бури Свѣтлосанъ, незналъ что о томъ помыслить, и что начать; какъ вдругъ, по недолгомъ продолженіи сего нестроенія, увидѣлъ

дѣлъ себя на пространной и изпещренной благовонными цвѣтами долинѣ, и подлѣ себя зятя своего Вельдюзя. Онъ обомлѣлъ отъ радости при видѣ толь любезнаго человѣка: несказанное восхищенїе объяло ево душу: онъ бросился къ нему въ объятїя, и отъ радости на силу могъ промолвить слово. Вельдюзь равномѣрнымъ объятъ былъ чувствїемъ въ разсужденїи его, и не могъ порядочно изъяснить ему своихъ мыслей въ первомъ движенїи своего воспорга. На конецъ облобызавъ другъ друга, и изъявя всѣ ласки дружбы и родства, сѣли они потомъ на траву, чтобъ удовольствовать себя взаимно разсказанїемъ своихъ приключенїй. Сперва Свѣтлосанъ объявилъ о своихъ похожденїяхъ; а потомъ началъ разсказывать Вельдюзь свои приключенїя слѣдующимъ порядкомъ, объявя вкратцѣ о томъ, о чемъ уже вѣдалъ ево шуринъ.

* *
*

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ВЕЛЬДІОЗЕВЫ.

Когда люшый Карачунь, говориль онь, обманувь бѣднаго Видостана подь образомь Китайца, похитиль его изь замка, тогда я, и всѣ ево придворные, искавь его по всюду тщетно, такь какь и мнимаго Богдоханова сына, не знали что о томь заключить, какь вдругь увидѣли на полу вь залѣ, вь которую тогда всѣ мы собрались, начертанное золотыми буквами имя Карачуново. При видѣ сего всѣ мы возгласили сїе проклятое имя, и не сомнѣвались уже болѣе, чтобь не имь быль похищень великодушный нашь Видостань. Кь горести, обьявшей тогда наши сердца, присовокупилися страхь и опасность, чтобь и намь самимь не попасть подь власть сего ужаснаго чародѣя. Чего ради положили мы всѣ совокупно, чтобь не выходить вонь изь замка, пока не узнаемь чего о Видостанѣ; ибо мы увѣрены были, что вь замкѣ намь Карачунь ни чего не сдѣлаеть, по причинѣ завороженнаго Видостанова кабинета.

Но

Но однакожъ безопасность моя въ семъ случаѣ была мнѣ безполѣзна, какъ ты теперь самъ услышишъ.

Спустя двѣ недѣли по похищеніи Видостановѣ, скучился я сидѣть въ комнатѣ, и вздумалъ прогуляться въ саду, что я и учинилъ тожъ минуты, не объявивъ о томъ никому изъ придворныхъ. Ето случилось подъ вечеръ. Благоразтворенность воздуха, и прельщающіе предметы Видостанова сада, произвели во мнѣ пріятную задумчивость, въ которой будучи ходилъ я очень долго, и наконецъ былъ изъ нее изторгнутъ пріятнымъ пѣніемъ Колибріи. Я оглянулся туда, откуду слышалъ ея голосъ, и увидѣлъ, что она сидѣла отъ меня недалеко на землѣ. Видъ ея столько мнѣ прелестенъ показался, что я вознамѣрился ее поймать; чего ради и пошелъ за ней, чтобъ исподшка ее схватать. Но чѣмъ ближе я къ ней подходилъ, тѣмъ больше она отъ меня отдалялась, перепрыгивая впередъ помаленьку. Напослѣдокъ дошелъ я съ нею до стѣны сада, раздѣляющей его съ

полемъ: птичка вскочила на стѣну и запѣла, а я между тѣмъ, подкравшись попихоньку, схватилъ ее за хвостъ. Но лишь только сіе учинилъ, какъ съ превеликою силою былъ ею поднятъ на воздухъ, и выпащенъ вонъ изъ сада; и малая Колибрїя превратилась въ тотъ же мигъ въ превеликаго строуса. Тогда то, въ чрезвычайномъ моемъ удивленїи и ужасѣ, позналъ я, что попался въ руки ко страшному моему злодѣю.

И въ самомъ дѣлѣ ето былъ Карачунъ: онъ принялъ тотчасъ любимый свой видъ, преспрашнаго и прегнуснаго Волота; и схватя меня въ преогромныя свои руки, поднялся со мною на воздухъ. Онъ опомчалъ меня въ минуту весьма далеко отъ замка, и поровнявшись со мной надъ каменною горою, сказалъ мнѣ свирѣпымъ голосомъ: слабый и дерзновенный врагъ! неужели ты думалъ, что Карачунъ оставитъ тебя спокойна по претерпѣнїи отъ тебя обиды? Нѣтъ, етова подлова чувствованїя я чуждъ, и великой моей душѣ едино мщенїе пристойно и угодно. Избавитель

твой

твой уже наказанъ; присовокупилъ онъ; познай и ты въ свой рядъ дѣйствіе моего гнѣва. Выговоря сіе бросилъ онъ меня съ воздуха на каменную гору, произнося сіи слова: когда уже по власти немилосердыхъ Боговъ не можно мнѣ моихъ враговъ умерщвлять, такъ по крайней мѣрѣ превратися въ такое гнусное животное, чтобъ жизнь твоя въ ономъ была тебѣ горчае смерти, и пребудь во странномъ видѣ до самыя моея кончины. Адъ голосъ ево услышалъ, и Боги, за несправедливое мое убіеніе неповинныхъ Князей, на зложеланіе ево соизволили. Я упалъ на обвявленную мною гору, и разбившись почти въ дребезги, превратился въ скорпію.

Представь себѣ, любезный мой Свѣтлосанъ, говорилъ Полоцкій Князь, какая горесть довлѣла тогда обвять мое сердце! Я охотно соглашался тогда умереть, чтобъ избавиться только отъ толь гнуснаго вида; но не имѣя силы того исполнить, принужденъ былъ повиноваться злому моему року. Чувствуяжъ что сами Небожители на

сїе попущаютъ, предпрїялъ я повиноваться ихъ волѣ, и по предписанїю ихъ помогать несчастнымъ, скольми возмогу найпи къ тому случай. И въ самомъ дѣлѣ не долго я онаго искалъ: ибо по нѣсколькихъ дняхъ пресмыканїя моего по лѣсамъ, набрелъ я нѣкогда на шайку разбойниковъ, кои ограбя извѣстнаго тебѣ Древлянскаго Князя, привязали его къ дереву, и одинъ наилютѣйшїй изъ нихъ хотѣлъ его застрѣлить, то я въ самое то время ужалилъ его смертельно въ ногу; и тѣмъ одного наказалъ за безчеловѣчїе, а другаго избавилъ отъ смерти. Сїе мое дѣянїе не оставили милосердые Боги безъ награжденїя: я получилъ тогда же видъ ворона, и въ семъ образѣ подшался совершенно освободить отъ смерти Остана, привлекши тебя къ нему. Боги не оставили меня и за сїе безъ воздаянїя: я превратился въ зайца, и въ семъ новомъ видѣ имѣлъ счастїе спасти тебя отъ львовъ, разтерзавшихъ твоего коня.

Какъ мнѣ желалось тогда содѣлаться паки человѣкомъ, чтобъ

обло-

облобызать тебя, и раздѣлить съ тобою всѣ твои труды, дражайшій мой свойственникъ; но судьба моя тому еще противилась, и прекратя меня въ соловья, увлекла меня на помощь той дѣвицѣ, которую похитилъ сказанной тобою разбойникъ. Вотъ какъ ето происходило. По претвореніи моемъ въ сію птичку, почувствовавъ въ себѣ нѣкое стремленіе лепѣть на Индійское море, направилъ я туда мой полетъ, и по нѣкоемъ времени прилетѣлъ на одинъ изъ ево острововъ. Сѣвъ на дерево, и начавъ осматривать сію прекрасную страну, услышалъ я визгъ происходившей недалеко отъ того мѣста, гдѣ я находился, я обративъ туда глаза увидѣлъ, что мужчина, свирѣпаго вида, держалъ въ своихъ рукахъ прекраснаго лица дѣвицу, и хотѣлъ силою похитить у нее то, что свойственно снискивать одними только услугами и ласками, или полновѣсными червонцами, смотря по свойству красавицы. Дѣвушка кричала изо всей силы, и рвалась у него изъ рукъ, однакожъ силы

ея

ея не сообѣйствовали ея невинности; и разбойникъ конечно бы ее преодолѣлъ, естьлибъ не послали Боги меня къ ней на помощь. Ибо, будучи тронутъ слезами и несчастіемъ сея неповинныя красавицы, пожелалъ я отъ всего моего сердца ей помочь, и вдругъ увидѣлъ себя превращенна, несомнѣнно по волѣ всемогущихъ Боговъ, въ свирѣпаго тигра. Лишь только принялъ я сей видъ, то и кинулся на разбойника, и не давъ ему времени справиться, разтерзалъ его почти до смерти. Дѣвушка между тѣмъ убѣжала на морской берегъ, находившейся недалеко отъ насъ, устрашася меня, и боясь и себѣ подобной же участи, какую имѣлъ и разбойникъ; но свойство и образъ тигра даны мнѣ были для наказанія злодѣйства, а не для покаранія неповинности. Я побѣжалъ за нею, чтобъ сохранить ее отъ опасностей, могшихъ ей приключиться; а она увидя меня бѣгуща за собою, испужалася того пуще, и бросилася въ отчаяніи своемъ въ море; я кинулся также туда за нею, и увидѣлъ себя опять

пре-

превращенна въ Дельфина. Получа сей видъ, подплылъ я тотчасъ къ сей дѣвицѣ, и подхватя ее къ себѣ на спину, понесъ ее по морю, будучи влекомъ неѣдомою мнѣ силою, и чрезъ нѣсколько часовъ привезъ ее къ берегу ея родины.

Какъ только она вышла на оный, то и была тотчасъ окружена знакомцами и сродниками своими; ибо городъ ихъ стоялъ подлѣ самаго берега. А я, не имѣя нужды больше тутъ мѣдлить, погрузился въ море, и плавая нѣсколько времени во глубинѣ онаго, нашелъ твой мечь; я его тотчасъ узналъ, и думая что ты какимъ нибудь случаемъ находишся на семъ морѣ, или лучше сказать, влекомъ будучи силою Всевышнихъ, поднялся я на поверхность водъ; и въ самое то время паки имѣлъ счастіе спасти тебя отъ гоняющагося за тобою Карачуна. Едва ты выхватилъ у меня свой мечь, какъ погрузился я паки во глубину, и почувствовавъ въ себѣ нѣкую премѣну, увидѣлъ наконецъ что я уже не Дельфинъ, но морскій левъ. Не странна мнѣ была

сія

сїя перемѣна, ибо къ чуднымъ симъ превращеніямъ имѣлъ уже я привычку. Я возблагодарилъ Богамъ, что они способствовали мнѣ избавить столькихъ людей отъ напастей, и просилъ ихъ и впредь меня употреблять къ таковымъ же помощамъ. Молитва моя была не пщетна, любезный мой шуринъ, говорилъ Вельдюзъ Свѣтлосану; я тебѣ опять помогъ промысливъ тебѣ кустъ Кокусовыхъ орѣховъ. Послѣ чего превратяся въ морскаго орла, и будучи побуждаемъ Богами, способствовалъ я тебѣ разрушить очарованїе Левсила; потомъ, по ихъ же побужденїю, вынырнувъ предъ симъ островомъ въ видѣ Аллигатора, принудилъ тебя слѣдовать къ сему острову; и на послѣдокъ превратяся въ крылатова змїя, и нашедъ на здѣшнемъ острову каменный ножъ, полетѣлъ къ тебѣ на помощь, и имѣлъ послѣднее и наивеличайшее всѣхъ удовольствїе, помочь тебѣ противу общаго нашего врага и злодѣя.

Сказавъ сїе паки бросился онъ лобызать Свѣтлосана, который, услышавъ

лишавъ сколько разъ помогалъ онъ ему, и спасалъ его отъ смерти, еще болѣе былъ тѣмъ тронутъ; онъ не возмогъ порядочно ему возблагодарить, будучи восхищенъ великодушіемъ ево; но только проливалъ радостныя слезы, лобызая его и превознося: что было для Вельдюза сладостнѣе всякаго витійства. Оба вкушали они тогда величайшую радость, видя и лобызая другъ друга, какъ были вдругъ приведены въ пріятнѣйшій восторгъ, увидя идущаго къ себѣ Видостана. Всѣ трое возгласили они имена одинъ другаго, и бросилися ко взаимному облобызанію. Чистѣйшая радость объяла ихъ души: они всѣ совокупно вѣщали другъ ко другу, изъясняя восхищенія свои и восторги; сіе смѣшеніе гласовъ было для нихъ тогда наипріятнѣйшимъ согласіемъ, и превосходнѣйшимъ всякія музыки, исчадія скуки и роскоши.

Но не успѣли еще они насытиться лицезрѣніемъ другъ друга, какъ Вельдюзъ и Видостанъ вскричали, какъ будтобъ чего испужа-

ясь:

ись: Свѣтлосанъ подъялъ туда очи, откуду казался произходить ихъ страхъ, и увидѣлъ идуща къ себѣ Липоксая въ томъ безобразнѣйшемъ видѣ, въ каковомъ узрѣлъ онъ его въ пещерѣ. Князь обрадовался ему чрезвычайно, и пошелъ къ нему на встрѣчу, между тѣмъ какъ Полочанинъ и Индѣецъ стояли въ удивленіи. Липоксай бросился въ ноги Славенскому Князю, благодаря его за освобожденіе свое отъ узъ и мученія. Свѣтлосанъ, чтобъ не оставить другихъ долѣе въ безызвѣстіи, разсказалъ имъ вкратцѣ ево исторію, и тѣмъ лишилъ ихъ всякаго страха; ибо они подумали было сперва, что ето былъ Карачунъ, оживленный силою своихъ чародѣйствъ. Но Липоскай ихъ увѣрилъ, что онъ погибъ точно; ибо злоключеніе его соединено было съ ево смертію.

По семъ пріятномъ увѣреніи, пали они всѣ на землю, принося благодарственную молитву Безсмертному за избавленіе свое отъ страшнаго Карачуна. Послѣ чего начали они вопрошать другъ друга,

га, что съ ними сдѣлалось во время ихъ разлуки ; и когда Свѣтлосанъ и Вельдюзъ разсказали свои приключенія , тогда Видостанъ объявилъ имъ о своихъ слѣдующее.

Моя исторія не очень долга , говорилъ онъ : когда въ послѣдній разъ обманулъ меня въ саду злоковарный Еѳіопъ , и злые ево прислужники, бросивъ въ желѣзную колесницу , помчали меня по воздуху съ необычайною скоростію , то вдругъ очутился я на семъ страшномъ островѣ , посреди безчисленнаго множества прегнусныхъ чудовищъ. Минуту спустя явился и Карачунъ : онъ имѣлъ испужанный и свирѣпый зракъ. Злодѣй ! сказалъ онъ мнѣ , ежелибы сила моя равна была моему мщенію , то сея же бы минуты ты, и опасные твои друзья, были отъ меня преданы наимучительнѣйшей казни ; но когда сего удовольствія неправедная Судьба меня лишаетъ , такъ по крайней мѣрѣ воспріими видъ единаго изъ сихъ чудовищъ , и пребудь въ ономъ до моего издыханія. По сихъ

ужасныхъ словахъ ударилъ онъ меня своею дубиною, и превратилъ въ самаго гнуснѣйшаго страшилища. Вы можете себѣ представить, государи мои, говорилъ Индїянинъ слушателямъ своимъ, сладостно ли мнѣ было влачиться въ толь гнусномъ видѣ по сему ужасному острову, воспоминая первое великолѣпное мое состоянїе! По всеминутно возсылалъ я молитвы Богамъ, чтобъ они или отняли жизнь мою, или бы возвратили мнѣ прежнїй мой видъ и состоянїе; однакожъ долго принужденъ я былъ сего ждать; и можетъ быть никогда бы сего не дождался, естьлибъ побѣда твоя, лишивъ жизни общаго нашего врага, не возвратила мнѣ прежняго вида и свободы. А какимъ образомъ получилъ я ихъ паки, и какїя имъ обстоятельства предшествовали, сїе также достойно вашего любопытства, и для того разскажу вамъ о томъ въ короткихъ словахъ.

За день до пришествїя твоего сюда, продолжалъ онъ обратяся къ Свѣтлосану, предсталъ передъ меня Карачунъ во свирѣпомъ и отчаян-

чаянномъ видѣ, препровождаемый шестью единоглазыми Исполинами, которые держали въ рукахъ своихъ тяжелыя желѣзныя цѣпи. Не говоря мнѣ ни слова, приказалъ онъ послѣдователямъ своимъ оковать меня ими, и шествовать на высочайшую гору, спорявшую прямо противу его замка. И когда мы на оную прибыли, тогда сей волхвъ приказалъ меня, къ оной приковать. Ты участникъ моего злодѣя, сказалъ онъ мнѣ по немъ, который приближается сюда для нападенія на меня. Судьба опредѣлила одному изъ насъ завтра умереть: и ежели буду я побѣжденъ, то ты воспріймешь паки свой видъ, и я погибну невозвратно со всѣмъ моимъ знаніемъ. Но ежели буду я столько счастливъ, что хитрости мои превозмогутъ силу моего врага, то непремѣнно умретъ онъ отъ моея руки, со всѣми своими единомышленниками, въ коихъ числѣ находишся и ты: ибо такъ опредѣлила владычествующая надъ Богами Судьба. Въ теперешней моей крайности, присовокупилъ онъ, принужденъ я и тебя опасаться,

слабый врагъ! дабы не подалъ ты какія помощи моему сопостату; и для того пребудешь ты въ сихъ оковахъ по тѣхъ поръ, пока твоя или собственная моя смерть не избавишь тебя отъ оныхъ. Сказавъ сіе онъ изчезъ, и купно съ нимъ страшные ево прислужники, а я остался въ превеликой горести и боязни, не столько о своихъ дняхъ, сколько о жизни того Випязя, который шелъ, по словамъ Карачуна, наказати его за ево тиранство.

Весь остатокъ того дня, и наибольшую часть слѣдующаго, провелъ я въ безпрестанномъ страхѣ о будущей моей судьбѣ, и въ принесеніи неусыпныхъ молитвъ Безсмертнымъ. Напослѣдокъ на другой день, когда солнце начало склоняться къ своему захожденію, усмотрѣлъ я страшную перемѣну на островѣ: замокъ Карачуновъ отъ глазъ моихъ сокрылся, а на мѣсто онаго увидѣлъ я обширное облако пламени и дыма, стремящееся на высоту, и будтобъ изрыгаемое землею. Послѣ чего весь островъ пришелъ въ превеликое движеніе: горы

ево

ево изчезали, а долы воздымалися; однимъ словомъ глазамъ моимъ представилося преужасное землетрясеніе; хотя въ самомъ дѣлѣ было сіе ничто иное, какъ обманъ Карачуновъ, дабы тебя успрашишь, и недопустить до своего жилища; что я послѣ совершенно узналъ, когда Боги вспомоществуя тебѣ, дражайшій мой Свѣтлосанъ, ниспустили тьму молній на сей островъ, то въ самый тотъ мигъ неустроеніе ево изчезло, и онъ паки воспріялъ прежній свой видъ.

Въ тотъ самый часъ и тебя я увидѣлъ на островѣ. продолжалъ онъ говорить Свѣтлосану, приносяща молитву Безсмертнымъ, и готовящася напасть на замокъ. Между тѣмъ Карачунъ собиралъ всѣхъ своихъ лютыхъ прислужниковъ, которые имѣли претнусные и преспрашные виды. О какъ тогда, примолвилъ Индіянинъ, трепетало мое сердце, волнуяся между страхомъ и надеждою! Чѣмъ ближе подходилъ ты къ замку, тѣмъ больше увеличивалась моя боязнь, и тѣмъ сильнѣе вооружался на тебя Еёіопъ.

опъ. Напослѣдокъ когда ты поднялся на воздухъ, дабы вступить въ замокъ, тогда Карачунъ, имѣвшей видъ прелютѣйшаго чудовища, бросился на тебя со всѣми своими прислужниками, и окружилъ тебя со всѣхъ сторонъ. Я бросился на землю, проливая слезы, и умоляя Боговъ ниспослать тебѣ свою помощь, не спущая однакожъ съ глазъ тебя и твоихъ враговъ. Разсуждая о лютой ихъ ярости, силѣ и множеству, не могъ я ласкаться твоею побѣдою; да и конечно бы ты погибъ, если-бъ сами Боги тебѣ тогда не помогли, ниспосылая безчисленныя молніи, кои поражая чудовищей, приводили ихъ въ безсиліе.

Наконецъ, къ превеликой моей горести и ужасу, увидѣлъ я, что снизшедшая громовая стрѣла, вышибла у тебя изъ рукъ мечь, который въ паденіи своемъ превратился въ длинный ножъ, и вскорѣ послѣ того тебя упадша, и полетевша стремглавъ на низъ. Я обмеръ отъ страха увидя сіе, и подумалъ, что сами Боги согласились на твою погибѣль; но вскорѣ усмотрѣлъ

трѣлъ мою ошибку, увидя преславную тебѣ ихъ помощь. Ибо коль скоро усмотрѣлъ Карачунъ, что ты нападаешь въ приготовленную имъ тебѣ пропасть, то возгордясь заранѣе своею побѣдою, воспріялъ испинный свой видъ, и погнался за тобою съ саблею, чтобъ имѣть удовольствіе самому тебя умертвить; но Боги сію ево горлость вскорѣ посрамили, пославъ тебѣ на помощь крылатаго змія, сыскавшаго превращенный пивой мечь въ ножъ, которымъ ты вооружась, поразилъ гонившагося за тобою Карачуна, и съ жизнію ево окончилъ всѣ ево злодѣйства и злоумышленія.

Какъ же скоро ты его пронзилъ, продолжалъ Индіянинъ, то тьма молній снизшедшихъ съ небесъ, сожгла ево тѣло на воздухѣ въ прахъ; а замокъ ево, со всѣми чудовищами, провалился сквозь землю съ великимъ шумомъ, отъ чего поднявшаяся пыль и дымъ отъ молній запмили весь воздухъ, и скрыли тебя отъ глазъ моихъ. Въ тогдашней моей радости палъ я на зе-

млю,

млю, принося жарчайшее благодареніе Безсмертнымъ, за дарованіе тебѣ побѣды надъ общимъ нашимъ врагомъ. Послѣ чего почувствовавъ въ себѣ легкость, всталъ я отъ земли, и увидѣлъ себя, къ несказанной моей радости, безъ оковъ и въ прежнемъ моемъ человѣческомъ видѣ. Я паки повергся ницъ, возсылая благодарственное моленіе Небесамъ, сотворившимъ со мною сіе чудо.

Между тѣмъ прочистившейся отъ мрака воздухъ, явилъ очамъ моимъ, на мѣсто Корачунова замка и ево ужасовъ, прекрасную долину, и тебя сидяща на оной самдругъ. Я бросился къ вамъ бѣжать, чтобъ облобызать тебя, любезный мой Свѣтлосанъ, и возблагодарить тебѣ, яко виновнику, за мою свободу и разрѣшеніе отъ очарованія. Къ совершенію же моея радости, напелъ я съ тобою и любезнаго моего Вельдюзя, котораго я мнилъ давно уже погибша. Сказавъ сіе бросился онъ паки ихъ лобызать, изъявляя имъ наичувствительнѣйшимъ образомъ искренность своего дружества.

А я, сказалъ тогда Липоксай, возсылаю Безсмертнымъ тѣмъ вящую славу и благодареніе, что они избавя меня отъ люшаго моего тирана, истребили съ нимъ вкупѣ и вину моего злодѣянія; ибо въ замкѣ ево, погибшемъ съ нимъ совокупно, находилися всѣ произведенныя мною волшебныя вещи, которыя коварствомъ своимъ собралъ онъ отповсюду. Теперь уже я уповаю, примолвилъ онъ, что праведные Боги вскорѣ содѣлаютъ конецъ моему наказанію, и упокоятъ меня въ жилищѣ усопшихъ съ моими предками.

Послѣ чего разсказалъ онъ Свѣтлосаню, какъ его тираниль Карачунъ, послѣ неудачнова своего нападенія на сего Князя, и что месть ево несъ онъ по самый тотъ часъ, когда Свѣтлосанъ лишилъ жизни сего чародѣя. Сіе я узналъ потому, присовокупилъ онъ, что услышавъ въ моей пещерѣ пресильный громъ и стукъ, увидѣлъ себя вдругъ освобождённа отъ цѣпей, въ которыхъ я давно уже находился. Я не могъ ничему иному сего причесть, говорилъ онъ Славенскому Князю,

какъ побѣдѣ твоей надъ Карачуномъ и ево смерти, которую знаменовали Небеса пресильнымъ толь громомъ. Тогда возрадуяся и возблагодаря Безсмертнымъ, помогшимъ тебѣ низложить сего престрашнаго злодѣя, пошелъ я тебя искать прямо на сей островъ. думая тебя конечно здѣсь найти, въ чемъ я и не ошибся.

Ахъ: вскричалъ тогда Видостанъ, къ совершенному моему благополучію ничего инаго теперь не достаетъ кромѣ оживленія моихъ подданныхъ: и я бы блаженнѣйшимъ себя почелъ, ежелибъ и они, подобно мнѣ, получили прежнюю свою свободу и видъ. Не сомнѣвайся и въ етомъ, сказалъ ему. безобразный Духъ, они конечно оживлены; ибо не думаю я, чтобъ милосердые Боги попустили Карачуна очаровать ихъ на вѣкъ. Но ежели ты хочешь увѣдать о семъ подлиннѣе, примолвилъ онъ, то я тебя отнесу въ твой замокъ, или столицу, сей же часъ, естьли сїе тебѣ угодно. Ахъ! любезный мой Липоксай, возопилъ къ нему Индѣецъ; ты бы симъ меня несказанно одолжилъ;

жилъ; и какъ мнѣ ни горестно будетъ разстаться съ сими любезными Князьями, но скажу искренно, что чувствую въ себѣ больше желанїя увидѣть моихъ подданныхъ, такъ какъ чадъ моихъ и ближнихъ, что имѣть удовольствїе подавать имъ помощь во всѣхъ ихъ нуждахъ, каковыхъ могутъ они ожидать отъ своего Самодержца. Славенскїе Князья, одобривъ добродѣтельное его желанїе, просили Духа обѣщанїе свое исполнить; и возблагодаря сему Государю за угощенїе, какое они отъ него имѣли, проспилися съ нимъ во слезахъ, обѣщавъ другъ другу вѣчную дружбу и воспоминовенїе. Послѣ чего Липоксай, взявъ его въ свои объятїя, понесся съ нимъ по воздуху, и скрылся отъ нихъ въ минуту: ибо наступавшая тогда ночь воспрепятствовала имъ далеко слѣдовать за нимъ глазами.

Свѣтлосанъ и Вельдюзь, оставшись на острову одни, имѣли свободу изъяснить другъ другу свои чувствїя: перьвое Вельдюзево слово было о Милославѣ. Я ее нашелъ въ Карачуновомъ замкѣ, отвѣтствуя

валъ ему Князь; но увы! любезный другъ, она безъ чувствъ; лютый волхвъ лишилъ ее, такъ какъ и всѣхъ ея подругъ, всякаго движенія. При семъ извѣстіи Полоцкій Князь обомлѣлъ отъ ужаса; онъ переспрашивалъ многократно о семъ случаѣ, и не могъ утѣшиться, пока Свѣтлосанъ, хотя и самъ о томъ сокрушался, не подалъ ему нѣкоея отрады, обѣщавъ просить Липоксая, чтобъ онъ приложилъ всѣ свои силы привесть ее въ прежнее чувство. По семъ объявилъ онъ ему и о своей любви, которую почувствовалъ онъ къ прекрасной незнакомкѣ. Сіи два обстоятельства подали имъ случай говорить весьма долго, такъ что въ разговорахъ сихъ засталъ ихъ Липоксай.

Сей Духъ увѣдомилъ ихъ, что Видостанъ дѣйствительно нашелъ въ замкѣ и въ столицѣ подданныхъ своихъ оживленными, и въ прежнемъ ихъ видѣ, и принятъ былъ отъ нихъ съ чрезвычайнѣйшею радостію; и что онъ сожалѣлъ о томъ только, что не имѣлъ сихъ двухъ Князей участниками

никами и свидѣтелями своего удо-
вольствія. Сія вѣдомость обрадова-
ла Славенскихъ Князей; они возда-
ли благодареніе Богамъ, моля ихъ
совершить и свое благополучіе, воз-
вратя имъ сродниковъ ихъ и дру-
зей. Послѣ чего предложили они
Липоксаю, чтобъ и ихъ перенесъ
въ замокъ похищенныхъ Карачу-
номъ красавицъ; при чемъ изъясни-
ли они ему, что и они опасаются
въ свой рядъ, дабы очарованіе ихъ
любезныхъ не пребыло вѣчно. Не
опасайтеся сего, сказалъ имъ Скиѳъ,
при отнесеніи Видостана путь мой
былъ черезъ сей замокъ, и я дѣй-
ствительно примѣтилъ въ оном
движеніе людей, и въ комнатахъ
огонь, потому что уже тогда го-
раздо смеркалось.

Сія пріятная вѣсть въ несказан-
ное привела восхищеніе Князей: они
ни минуты не хотѣли мѣдлить на
пустомъ островѣ, и просили оду-
шевленнаго Скиѳа отнести ихъ ту-
да поскорѣе. Липоксай съ охотою
имъ повиновался, и подхватя ихъ
обѣихъ на свои руки, понесся съ
ними быстрѣе вихря. Немѣдленно

перелетѣли они разстоянїе, раздѣлявшее ихъ отъ замка, и прибыли на островъ, обитаемой красавицами. Они дѣйствительно увидѣли всѣ покои освѣщенны огнями, и получили отъ того твердѣйшую надежду. Нималонемѣдля вошли они въ комнаты, и въ третьей изъ оныхъ, къ несказанному своему удовольствїю, увидѣли ходящаго и разговаривающаго Левсила съ Милослатою, и съ прекрасною незнакомкою окруженныхъ толпою другихъ дѣвицъ.

Свѣтлассанъ побуждаемый родствомъ, а Вельдюзъ любовїю, бросилися къ Милославѣ, дабы облобызать ее; но нечаянный ихъ приходъ, и страшный видъ Липоксаевъ, привели всѣхъ въ смятенїе и страхъ; многїя изъ дѣвицъ лишились чувствъ отъ ужаса, почтя Липоксая Карачуномъ. Смятенные случаемъ симъ Князья кинулися къ нимъ на помощь, прося сопутника своего Духа удалиться изъ комнаты, пока не приведутъ въ прежнѣе чувство дѣвицъ, и не увѣрятъ ихъ о безопасности. Липоксай удалился, а

Свѣтло-

Свѣтлосанъ и Вельдюзъ, вспомоществуемые Левсиломъ, познавшимъ вскорѣ Князя, приложили всѣ свои силы къ приведенію въ чувство Милославы, и прочихъ дѣвицъ, въ чемъ и успѣли наконецъ совершенно.

Не можно изобразить радости, какую почувствовала Милослава увидя брата своего и жениха: едва она паки не обмерла отъ обѣявшаго ее восхищенія, при видѣ толь любезныхъ ей особъ. Бросясь въ объятія своего брата, пролила она источникъ слезъ, лобызая его и трепеща отъ радости: равномѣрное чувствіе показала она и къ Вельдюзю, который самъ отъ восхищенія чуть не умеръ. На конецъ когда первые ихъ восторги нѣсколько поутихли, и Свѣтлосанъ увѣрилъ свою сестру, и прочихъ дѣвицъ, что Карачунъ точно погибъ, объявя притомъ вкратцѣ свою, Вельдюзеву и Скиѳову исторію, тогда совершенно всѣ обнадѣялись, и позволили призвать въ комнату Липоксая. Видъ ево никому уже не причинилъ ужаса; но напротивъ того Милослава, и прочія дѣвицы

съ нею, воздавая Богамъ безчисленныя благодаренїя, не имѣли радости своей предѣла, освободясь отъ ужаснаго и наилютѣйшаго своего Тирана. Послѣ чего окружа Свѣтлосана со всѣхъ сторонъ, и называя его избавителемъ своимъ и благодѣтелемъ, приписывали онѣ ему тьму похвалъ и благодаренїй: а онъ съ своей стороны, отвѣчая имъ ласками и учтивостями на ихъ благодарности, обѣщалъ всѣхъ возвратить въ ихъ домы. Сїе обѣщанїе наипаче умножило ихъ радость и веселїе, коихъ восторги продержали ихъ безо сна во всю ту ночь. Между тѣмъ Славенскїе Князья просили Милославу разсказать, что съ нею приключилось во время ея съ ними разлуки, въ чемъ она потщась и удовольствовала ихъ слѣдующими словами.

* *
*

при-

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МИЛОСЛАВИНЫ.

Когда по волѣ всесильныхъ Боговъ снизшедшее густое облако, похитивъ меня изъ брачнаго храма, понесло по горизонту съ необычайною скоростію, по страхъ и быстротекущій воздухъ, лишивъ меня дыханія и чувствъ, привелъ въ такое безпамятство, что я ничего не чувствовала по самыхъ тѣхъ поръ, пока принесена будучи на нѣкоторый пустый островъ, не освобождена была отъ моего безпамятства холоднымъ вѣтромъ, который дулъ тогда съ моря. Отворя смутные мои глаза, увидѣла я себя на берегу морскомъ, окруженномъ отовсюду густымъ лѣсомъ. Наступавшая тогда ночь представила сіе мѣсто глазамъ моимъ гораздо ужаснѣе, нежели каково оно было въ самомъ дѣлѣ. Я обмерла при семъ видѣ, и не знала что зачать въ такомъ ужасномъ обстоятельствѣ. Первое мое прибѣжище было къ Небесамъ, но когда Небо не соотвѣтствовало моему молепію, то вдалася я въ слезы

и рыданїе. Весь берегъ наполненъ былъ моимъ воплемъ; но ни какова не нашлося мнѣ на немъ помощника. Въ сей жестокой крайности хотѣла я броситься въ море; но трясущїяся мои ноги отказались мнѣ довесть меня до онаго; я хотѣла лишить себя жизни руками: но и слабыя мои руки не имѣли тогда силы подняться. На послѣдокъ, по безплодномъ моемъ покушенїи на жизнь, по горькихъ слезахъ моихъ и стенанїи, пала я обезсилѣла, что пораляясь на землю безъ памяти, пробыла въ семъ жалкомъ состоянїи до другова дня.

По возхожденїи солнца опамятовалася я опять, и слезы паки полилися изъ глазъ моихъ: на послѣдокъ, поплакавъ довольно, встала я, и пошла не зная сама куда: ноги мои завели меня въ пріятный лѣсокъ, коего благовонные плоды приманили на себя мои глаза; и на конецъ любопытство и голодъ склонили меня сорвать ихъ нѣсколько, и утолить мой алчь. По семъ слабомъ утѣшенїи моея горести, проходила я весь тотъ день

туда

туда и сюда, льстясь сыскать себѣ нѣкое упѣшенїе. Такимъ образомъ препроводила я день, а при наступленїи ночи, будучи объята страхомъ отъ лютыхъ звѣрей, коихъ мнила быть на семъ островѣ, старалась я найти себѣ нѣкое убѣжище, и наконецъ по счастїю моему нашла пещеру, въ которой и ночевала въ безпрестанномъ находясь страхованїи. Подобно сему препровождала я и другїе дни на семъ островѣ.

На послѣдокъ черезъ нѣсколько времени была я обрадована прибытїемъ Сильфа, посланнаго Превратою меня сыскать, какъ вы ето сами знаете, примолвила она Князьямъ слушавшимъ ее. Я сочла сей день наиблаженнѣйшимъ; но вскорѣ учинился онъ для меня наимучительнѣйшимъ въ моей жизни. Вы вѣдаете уже, продолжала она воздохнувъ, какъ отнялъ меня тогда у Сильфа лютый волшебникъ, налетѣвшей на насъ на зїяющихъ Аспидахъ; и какъ онъ потомъ ниспровергнулъ тебя, любезный мой Князь, говорила она обращая слово

къ

къ Вельдюзю. Уры! продолжала она, тогда то мнила я истинно умереть, лишась всякïя къ свободѣ надежды, и чая тебя мертва. Я обмерла отъ ужаса и горести, и въ семъ состоянïи понесена была въ здѣшнïй замокъ. Гнусный мой похитителъ, стараясь подать мнѣ помощь, и возвратилъ мнѣ вскорѣ прежнее чувство, посредствомъ своихъ чародѣйствъ. Послѣ чего вставъ предо мною на колѣни, открылъ мнѣ свою любовь, жаманяся изо всей силы; и стараяся меня прельстить, ласкалъ мнѣ наиподлѣйшимъ образомъ, и обѣщалъ меня сдѣлать владычицею цѣлыя вселенны. Представьте себѣ, любезные мои Князья, продолжала Милослава, съ какимъ духомъ могла я тогда принять такое объявленïе, видя передъ собою прескаредная Арапа, и притомъ еще карла. Ежели бы находилась я въ прежнемъ благополучномъ моемъ состоянïи, то непремѣнно бы я разхахаталася на сей гнусный предметъ; но въ тогдашней моей горести смѣхъ мнѣ на умъ не пришелъ, а на мѣсто

сшо его отчаяніе и ярость. Злодѣй! вскричала я ему, съ какими глазами осмѣливаешся ты мнѣ ето говорить, погубя мучительнѣйшимъ образомъ любезнаго моего супруга? Нѣтъ, варваръ! не жди отъ меня ничего, кромѣ непримиримыя ненависти и мщенія. По семъ, произнеся ему тьму ругательствъ, побѣжала я въ другую комнату, мня отъ него уйти. Но гдѣ бы возмогла я скрыться отъ ево злобы, примолвила она, ежели бы праведное Небо не положило предѣловъ его варварству? Ибо я проведала на послѣдокъ отъ живущихъ здѣсь дѣвицъ, что онъ ни одной изъ нихъ не осмѣливался учинить ни малѣйшаго насилія; изъ чего мы заключили, что само Небо защищаетъ нашу неповинность отъ сего ужаснаго чародѣя.

Сей гнусный уродъ не надѣясь уговорить меня въ первый разъ, отложилъ сіе до другаго времени, и провалился тогда же изъ замка. А я оставшися на свободѣ, и ходя по великолѣпнымъ здѣшнимъ комнатамъ, вошла наконецъ въ одну

ну украшенную больше всѣхъ прочихъ. Осматривая удивительныя ея украшенїя, увидѣла я вдругъ спящую на софѣ дѣвицу: видъ ея столько мнѣ милъ показался, что я съ самой той минуты почувствовала къ ней великую любовь и дружбу, и опредѣлила искать всѣми силами и съ ея стороны къ себѣ того же. Я остановилась сколько желая на нее наглядѣться, столько и для того, чтобъ не потревожить пріятнаго ея сна. Но я не долго ожидала ея пробуда, она вскорѣ проснулась, и усмотря меня изумилась, видя во мнѣ себѣ незнакомую. Я желая ее вывесть изъ ея смущенїя, подошла къ ней, и извиня мой приходъ, просила ее проспить меня въ неумышленномъ нарушенїи ея сна. Она отвѣтствовала мнѣ на то весьма ласково и учтиво. По оказанїи же другъ другу взаимныхъ вѣжливостей, сѣли мы съ нею, и вскорѣ разговорилися о нашихъ приключенїяхъ. Я ей разсказала мои, а она о себѣ объявила, что она Аѳинянка, именемъ Асїада, и произходитъ отъ

древняго

древняго рода Царей; коихъ колѣно отъ самыхъ баснословныхъ временъ ведетъ свое начало. Похищенїе ея Карачуномъ случилося ей во время прогуливанїя въ саду; и что и она испытала многократно отъ сего гнуснаго Карла любовныхъ нападенїй, но всегда отъ него освобождалась ругательствами; или лучше сказать, помощїю всесильныхъ Небесъ. Она присовокупила къ тому, что когда онъ осмѣливался далѣе простирать любовныя свои нахальства, то завсегда становился недвижимъ, или объемлемъ ужаснымъ колотьемъ; что завсегда принуждало его удаляться отъ нее тогожъ часа.

Такимъ образомъ разговаривая, познакомилася я съ нею, и на конецъ такъ подружилась, что не разлучалась уже съ нею ни на минуту, что и самъ ты, я чаю, примѣтилъ, любезный мой братъ, говорила Княжна. Свѣтлосану, когда застали ты насъ здѣсь совокупно лишенныхъ чувствъ; и сїя любезная моя подруга, есть самая сїя особа, продолжала она указывая на прелестную незнакомку.

комку. Восхищенный симъ извѣстіемъ Свѣтлосанъ, что любовница ево была пріятельницею ево сестрѣ, получилъ отъ того новую себѣ надежду, что любовь ево не будетъ отринута. Онъ сдѣлалъ ей при семъ случаѣ весьма учтивое привѣтствіе, на которое Асїада отвѣчала равномѣрнымъ образомъ. По окончанїижъ съ обѣихъ сторонъ взаимныхъ вѣжливостей, Милослава продолжала слѣдующимъ порядкомъ.

И такъ препровождали мы съ нею вмѣстѣ все время пребыванїя нашего здѣсь. Когда приходилъ къ намъ Карачунъ, то заставалъ насъ всегда обѣихъ совокупно: онъ старался насъ разлучить; но только всѣ ево ухищренїя были тщетны. И когда пытался онъ склонить насъ сообщѣтствовать ево любви, то мы на противъ того старалїсь его упрашивать возвратить насъ въ наши домы; но завсегда какъ ево такъ и наши старанїя были безплодны. Онъ не могъ склонить ни одной здѣсь дѣвицы къ своей любви; а на противъ того ни одна изъ насъ не

могла

могла испросить у него себѣ свободы. Но на послѣдокъ такъ мы ему наскучили, что онъ сталъ къ намъ весьма рѣдко ѣздить, чему мы несказанно были рады.

На конецъ въ нѣкоторый день, сидя съ прекрасною Асїадою, и прогоняя нашу скуку разговорами, вдругъ мы услышали въ переднихъ комнатахъ преогромную музыку: мы сему весьма удивились, и желали узнать тому причину; но къ несчастїю нашему узнали мы о томъ на собственный нашъ счотъ. Ибо какъ скоро музыка сїя дошла до нашей комнаты, то вдругъ, почувствовавъ въ себѣ чрезмѣрную слабость, мы обмерли и пробыли въ семъ состоянїи до тѣхъ поръ, какъ ужасный громъ возвратилъ намъ всѣмъ прежнюю память. Въ сїе самое время увидѣли мы передъ собою незнакомаго человѣка: мы подумали сперва, что это Карачунъ, принявшей на себя другїй видъ: но онъ скоро вывелъ насъ изъ сего мнѣнїя, объявя вкратцѣ свою исторїю, и что онъ освобожденъ отъ своего очарованїя Славенскимъ Княземъ, который по-

шелъ искать Карачуна, дабы его истребить. О какъ мы сему обрадовались, любезный мой братъ! говорила Милослава Свѣтлосану; а особливо я, какъ ты самъ можешь сїе вообразить. Я начала тотчасъ разпрашивать Левсила о ево избавителѣ, и на конецъ увѣрилась совершенно, что сей Славенскїй Князь есть самой ты. Вообрази себѣ, дражайшїй мой Свѣтлосанъ, какое долженствовало быть мое восхищенїе! Я побѣжала по всѣмъ комнатамъ, чтобъ созвать всѣхъ моихъ сообищательницъ, и разсказать имъ, что мой любезный братъ пошелъ искать люпаго Карачуна, чтобъ истребить его, и освободить насъ всѣхъ отъ ево тиранства. Сїя вѣдомость привела ихъ всѣхъ въ несказанную радость: мы окружили всѣ Левсила, чтобъ разпросить у него о тебѣ подробнѣе, въ чемъ онъ насъ и удовольствовалъ; присовокупя еще къ тому, что надѣется уже и побѣжденна быть Карачуна, приводя въ доказательство тому наше оживленїе, и слышанный имъ сильный громъ и безчисленный блескъ мол-

нїй.

нїй, что онъ приписывалъ помощи всесильныхъ Боговъ.

Обрадованныя сею вѣстїю, воздали мы благодареніе Безсмертнымъ; и надѣясь твоего сюда прибытія, опредѣлили не спать всю нынѣшнюю ночь. И къ дополненїю совершенныя нашея радости и благополучїя дождались тебя дѣйствительно, дражайшїй нашъ избавитель. Сказавъ сїе бросилась она паки его обнимать со всею нѣжностїю сестры, приписывая ему тьму похвалъ и благодареній. Князь отвѣтствовалъ ей со всѣми знаками брачнїя горячности, увѣряя ее, что она одна была причиною ево путешествїй, и понесенныхъ имъ трудовъ.

Въ сихъ и подобныхъ сему разговорахъ заспалъ ихъ восходящїй Свѣтовидъ. Упомяненные Князья и дѣвицы, поговоря еще нѣсколько, согласились на конецъ разойтися для отдохновенїя, что и учинили немѣдленно. Дѣвицы разошлися по своимъ спальнямъ, а Князья и Левсилъ легли въ залѣ на софахъ, коими она была украшена; но Липоксай, яко Духъ, пребылъ безо сна, и

возпамѣрясь учинить Свѣтлосану новую услугу, вышелъ вонъ изъ комнатъ во время ихъ спанья.

Свѣтлосанъ, Вельдюзь и Левсилъ проспали почти до самаго вечера, по приближенїи коего были они разбужены Милославою. Сдѣлавъ имъ обыкновенное привѣтствїе, предложила она имъ прогуляпься въ саду, на что они съ охотою и согласились. Прошедъ великое число комнатъ, украшенныхъ наивеликолѣпнѣйшимъ образомъ, пришли они на послѣдокъ въ одну, уставленную подлѣ стѣнъ покойными широкими креслами. Милослава просила своихъ послѣдователей сѣсть на оныя, и стукнуть въ полъ ногою. Лишь только они сїе учинили, то и поднялись всѣ на верхъ, и очутились вдругъ въ прекраснѣйшемъ саду, который находился на поверхности покоевъ. Удивленные симъ Славяне спрашивали Княжну, какимъ образомъ сїе учинилося. Самымъ простѣйшимъ, отвѣчала она, какъ бы сами ето видѣли; что жъ касается до устроенїя сихъ махинъ, что ето не мое, а Карачуново дѣло, кото-

который, не хотя выпустить насъ изъ замка, устроилъ всѣ сіи великолѣпія и гульбищи для насъ; и намъ стоитъ только ударить въ полъ, чтобъ быть въ саду: а какъ мы получаемъ тамъ пищу, ето вы теперь же увидите. Послѣ чего просила ихъ слѣдовать за собою: они ей повиновались, и прошедъ нѣсколько покрытовъ, пришли на послѣдокъ въ пространную бесѣдку, коея спѣны украшены были благовонными и прекраснѣйшими цвѣтами. Послѣдователи Милославины нашли въ ней всѣхъ дѣвицъ, которые находились въ замкѣ. Сіи красавицы поздравя ихъ наивѣжливѣйшимъ образомъ, просили ихъ сѣсть за столъ, который находился уже въ готовности, хотя не было на немъ ни одного кушанья. Какъ скоро сѣли всѣ за оный, то дѣвицы захлопали въ ладоши, и вдругъ превеликое множество явилося на столѣ разнаго наипрелестнѣйшаго кушанья и напитковъ. Вотъ какъ подчивалъ насъ завсегда Карачунъ, сказала Милослава своимъ гостямъ: намъ только стоило захлопать въ ладо-

ши и пожелать, что все что представлялося намъ въ глуже минуту. Такимъ образомъ, продолжала она, получаемъ мы и другія всякія потребности.

Сказавъ сіе, просила она своего брата, Вельдюзя и Левсила отвѣдать, чѣмъ ихъ подчивалъ Карачунъ. При воспоминовеніи имени сего волхва, зашла у нихъ рѣчь о всѣхъ ево злодѣйскихъ дѣлахъ: всѣ изъ сопирицествующихъ спаралися на перывъ ево злословить; причемъ каждая изъ красавицъ разсказала, какъ была похищена симъ люпымъ чародѣемъ. На послѣдокъ въ числѣ похищенныхъ сыскалась и Чердана: она не могла безъ слезъ вспомнить своея разлуки съ любезнымъ своимъ Селиномъ; но Свѣтлосанъ вскорѣ ее утѣшилъ, обѣщавъ отослать ее немѣдленно въ ея отечество. Сіе обѣщаніе подало ему мысль вспомнить о Липоксаѣ: онъ началъ о немъ спрашивать у всѣхъ, но никто не могъ его въ томъ удовольствовать. Славенскій Князь весьма симъ опечалился; но въ самое то время увидѣлъ ево вошедша въ бесѣдку съ

Бори-

Бориполкомъ: Свѣтлосанъ закричалъ отъ радости и удивленїя, и бросился къ нимъ на встрѣчу. Онъ обнялъ дружески своего любимца, и просилъ его сказать, какое неожиданное счастїе возвратило его къ нему. Бориполкъ, по оказанїи ему съ своея стороны равномѣрной радости, увидѣвъ паки благодѣтеля своего и Государя, разсказалъ ему слѣдующее.

* * *

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ОСТАНА И БОРИПОЛКА.

Возвращенїемъ моимъ къ тебѣ, государь, одолженъ я сему благопрїятствующему тебѣ Духу; что жъ надлежитъ до прочаго моего приключенїя, то и въ семъ тебя сейчасъ минуты удовольствую. Послѣ чего будучи приглашенъ къ столу, и сѣвъ за оный, началъ разсказывать свою повѣсть такимъ образомъ. Когда мы яростїю свирѣпыя бури лишились нашего корабля, и погрузя

въ

въ морѣ, но по счастїю нашему я и Остань ухватились за большой отломокъ отъ сокрушеннаго нашего корабля, и тѣмъ спасли животъ нашъ. Какъ насъ ни били ярящїяся воды, однакожъ мы на немъ усидѣли, и добрались до нѣкотораго острова, гдѣ по счастїю нашему стоялъ корабль, принадлежавшей Персидскому купцу, который присталъ къ сему берегу по причинѣ бури. Жалкое наше состоянїе склонило корабельщика принять насъ на корабль, на которомъ и отправились мы немѣдленно, какъ скоро утихла буря. Плаванїе наше было скоро и благополучно: мы прибыли на конецъ въ Персїю, въ которой не много помѣшкавъ, отправилися пѣшкомъ, по причинѣ нашей бѣдности, въ Болгарїю, гдѣ мы надѣялись сыскать кого нибудь изъ нашихъ однозем цовъ, и помощїю его съѣхать въ Славенскъ. Но сихъ трудовъ вскорѣ мы избавились, щедротою Безсмертныхъ, слѣдующимъ образомъ.

На пути нашемъ изъ Персїи, приставъ въ одной корчмѣ, нашли

мы

мы путешественниковъ одѣтыхъ и говорящихъ по Славенски: сей случай заставилъ насъ освѣдомиться объ нихъ хорошенько. Мы завели съ ними разговоръ, объявляя о себѣ, что и мы также Славяне. Одинъ изъ нихъ, который казался старѣе и почтеннѣе прочихъ, весьма ласково съ нами обошелся: онъ началъ разговаривать съ нами весьма учтиво, пригласилъ насъ къ своему столу, и старался узнать о нашемъ состояніи. Мы отвѣтствовали ему; сначала коротко и глухо; но послѣ, будучи преклонены искренностію его ласкъ и увѣщаній, сказали ему всю правду, кто мы таковы. Коль скоро выслушалъ онъ Останову исторію, то вставъ тожъ минуты, палъ предъ нимъ въ ноги, и поздравя его Княземъ Древлянскія земли, объявилъ, что Тиранъ завладѣвшей его престоломъ, за ужасныя свои свирѣпости къ народу, сверженъ съ онаго, и умерщвленъ позорною смертію; послѣ чего Древлянскій народъ узнавъ объ Останѣ, что онъ еще живъ, учинилъ всеобщій приговоръ, чтобъ раз-

 заслать

послать по всѣмъ землямъ нарочныхъ для его сысканїя, изъ котораго числа посланныхъ находился и сей почтенный старикъ.

Обрадованный Останъ толь неожидаемымъ себѣ счастїемъ воздалъ благодареніе и хвалу Безсмертнымъ, а тогожъ дня поѣхалъ въ свою Державу, прося меня ему сопутствовать, и обѣщая послѣ отправить меня въ Славенскъ, на что я и согласился. Путь нашъ до самаго Искореста не былъ ни чемъ задержанъ, и мы весьма скоро пріѣхали въ сію столицу Древлянъ. Ничего нельзя представить лестнѣе для Государя, какъ любви ево подданныхъ: сіе испытывалъ тогда Останъ самымъ дѣломъ. Какъ только извѣстились въ Искоростѣ, что онъ прибылъ, то весь городъ устремился его встрѣчать, и одни только немощные остались въ домахъ. Гласъ народнаго вопля и плесканїй возмутилъ весь воздухъ, такъ что и птицы не могли онаго перелетѣть не упадая. Юнаго Князя препроводилъ народъ въ Княжескїй домъ, и на третїй день, въ продолженїе без-

безпрерывныхъ пированій, увѣнчали его во храмѣ Перуна вѣнцемъ его предковъ. Такимъ образомъ учинился Останъ изъ несчастливаго Князя благополучнѣйшимъ Государемъ.

По окончаніи торжествъ, обыкновенныхъ при такихъ случаяхъ, принесъ Останъ тучную жертву Богамъ; народу облегчилъ подати, почтенныхъ и заслуженныхъ Древлянъ наградилъ чинами и имѣніемъ; однимъ словомъ, онъ не оставилъ никого недовольнымъ, и показалъ въ себѣ достойнаго вѣнценосца. По исполненіи такимъ образомъ первыхъ своихъ должностей, хотѣлъ онъ и мнѣ исполнить свое обѣщаніе, чтобъ отправить меня въ Славенскъ, какъ въ самый тотъ день, когда я находился одинъ съ симъ Княземъ, предсталъ предъ насъ сей благопріязненный Духъ. Мы было сперва его испужались, но онъ тотчасъ вывелъ насъ изъ страха и сомнѣнія, разсказавъ вкратцѣ свою и твою, государь, исторію. Мы воздали хвалу и благодареніе Небесамъ, за избавленіе

твое отъ поиопленїя, и за побѣжденїе тобою Карачуна; и несказанно сему порадовались. Послѣ чего предложилъ мнѣ Липоксай, не хочу ли я тебя, государь, увидѣть. Я съ превеличайшею охотою сталъ его о семъ просить; на прошивъ чего Останъ весьма опечалился, что не могъ тебя увидѣть въ твоемъ счастїи, и съ тобою раздѣлить своего. Въ крайности сей удовольствія онъ написалъ къ тебѣ письмо, которое просилъ меня тебѣ вручить. Послѣ чего проспился онъ со мною во слезахъ; а мы ни мало не мѣдля и отправились въ нашъ путь, которой въ нѣсколько часовъ и кончили. Сказавъ сїе Бориполкъ, вынулъ Останово письмо, и вручилъ его Свѣтлосану.

Сей добродѣтельный Князь прочтя оное, воздѣлъ очи и руки на небо, воздая хвалу Безсмертнымъ за увѣнчанїе добродушнаго своего друга. Послѣ чего, получа толико радостныхъ обстоятельствъ, предался онъ веселїю, въ чемъ послѣдовали ему и всѣ прочїе. Пированїе ихъ продолжалося далѣе полуночи;

въ торжественныхъ пѣнїяхъ, и дружескихъ разговорахъ, въ которыхъ припоминая прошедшїя свои несчастїя, вкушали отъ того живѣйшее веселїе, что избавилися ихъ толь благополучно. На конецъ, будучи утомлены симъ продолжительнымъ веселїемъ, разошлися всѣ для успокоенїя.

На другой день Свѣтлосанъ увѣдомясь, что въ замкѣ находится великое число драгоцѣнныхъ вещей, предложилъ похищеннымъ красавицамъ, чтобъ всякая брала изъ оныхъ себѣ то, что ей угоднѣе покажется; ибо онъ вознамѣрился ихъ съ сими подарками отослать въ ихъ домы. Послѣ сего предложенїя всѣ дѣвушки, кромѣ Милославы, Асїады и Черданы, принялися разбирать Карачуновы сокровища, благодаря Князя за сїе позволѣнїе. Онѣ нагрузили себя оными весьма довольно; ибо всѣ онѣ были весьма изъ посредственныхъ богатствомъ домовъ, и рады были, что нашли случай обогатиться на всю жизнь свою. Свѣтлосанъ ни мало ихъ отъ сего не отвращалъ, но еще побуждалъ ихъ

къ тому; и когда уже онъ удовольствовался ими со избыткомъ, то просилъ онъ Липоксая сдѣлать послѣднюю ему услугу, опнеся сихъ дѣвицъ въ ихъ отчизны. Скиѳъ съ охотою на сіе согласился, и по прошенію Черданы, взявъ ее первую, и письмо отъ Свѣтлосана къ Могилу, полетѣлъ съ нею въ Индію; откуду на другой день и возвратился, и принесъ съ собою отъ Абубекира письмо къ Славенскому Князю, въ которомъ сей Императоръ чрезвычайно много благодарилъ его за возвращеніе ему Селина и Черданы. Ибо увѣдомилъ онъ его въ ономъ, что ево сынъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ вдругъ ожилъ, вскричавъ имя Свѣтлосаново, почему онъ и заключилъ, что конечно посредствомъ его Боги возвратили жизнь Селину, показнивъ рукою Славенскаго Князя злобнаго Карачуна, что ему потомъ подтвердилъ и Липоксай, принеся къ нему Черлану. Скифъ съ своея стороны объявилъ, что Императоръ предпріялъ принесть за сіе Богамъ тучную жертву, и торжествовать паки бракъ сына

своего

своего съ Черданою, и праздновать ихъ возвращенїе цѣлый мѣсецъ. Славенскїй Князь, и всѣ прочїе, весь-ма сему порадовались, ожидая подобно и своего возвращенїя въ отечество. Но чтобъ сдержать слово первѣе всего дѣвицамъ, то Князь просилъ паки Липоксая отнесть ихъ немѣдленно, куда которой потребно, что онъ и учинилъ, и разнесъ ихъ всѣхъ въ нѣсколько дней по ихъ отчизнамъ и домамъ, въ которомъ числѣ былъ и Левсилъ.

Между тѣмъ Славенскїй Князь, горя любовїю къ прекрасной Асїадѣ, но не смѣя ей о томъ открыть изъ почтенїя къ ней, объявилъ о страсти своей Милославѣ, прося ее предложить прелестной ея подругѣ о любви ево къ ней; и что онъ пылая къ ней чистѣйшимъ огнемъ, не безславїя ея ищетъ, но хочетъ совокупить судьбу свою съ ея священнымъ союзомъ. Княжна, любя своего брата, немедлѣнно согласилась на ево прозьбу, и тогоже дня объявила о томъ Асїадѣ. Прекрасная Аѳинянка при семъ объявленїи покрылася прелестнымъ

румянцомъ, и мало помолчавъ, сказала слѣдующее Милославѣ, начавъ рѣчь свою глубокимъ вздохомъ. Я предъ тобою не должна скрываться, любезная моя пріятельница; а наипаче когда ты сама искренна со мною. Твой достойный братъ равномѣрно и мое плѣнилъ сердце, и я бы наисчастливѣйшею себя почла, когда бы возмогла назваться ево супругою; но жестокая моя судьба великую препону межъ нами учинила. Я имѣю отца и мать, отягченныхъ великою древностїю, почитающихъ во мнѣ все свое благополучїе, и которыхъ оставить почитаю я наивеличайшимъ беззаконїемъ. Ты ихъ не оставишь, сказалъ вошедъ къ нимъ Свѣтлосанъ, и вставъ предъ нею на колѣни, ты ихъ не оставишь, прекрасная Асїада, они послѣдуютъ намъ во Схавенскъ, и будутъ намъ первые по моемъ родителѣ. Къ симъ словамъ присовокупилъ онъ столько прозьбъ и убѣжденїй, что Асїада не могла болѣе сопротивляшься, и обѣщала ему любовь свою и руку. Послѣ чего предложилъ

жилъ ей Князь, чтобъ не самой ей къ нимъ отбыть, помощію Липоксая, но послать его къ нимъ одного, и объявя имъ всѣ обстоятельства, согласить ихъ ѣхать или къ нимъ въ замокъ, или во Славенскъ, и ожидать ихъ тамъ; на что Аѳинянка охотно и согласилась.

И такъ коль скоро Липоксай окончилъ всѣ свои путешествія, то Свѣтлосанъ, разсказавъ ему все дѣло, просилъ его отправиться въ Аѳины для сысканія родителей Асіадиныхъ, чтобъ склонить ихъ на желаніе любящихся. Скиѳъ съ охотою обѣщался сіе исполнить, и полетѣлъ тояжъ минуты. Онъ не долго находился въ своемъ пути, и вскорѣ возвратясь, принесъ весьма печальную вѣсть для Асіады. Онъ объявилъ ей, что ея родители, пораженные нечаяннымъ ее лишеніемъ, вскорѣ по похищеніи ея скончались, и что всѣ оставшееся послѣ ихъ имѣніе разграбено алчными ихъ сродниками и знакомцами. Сіе ужасное извѣстіе несказанно опечалило Асіаду;

она вдалася въ слезы и воздыханія, и пребыла въ ономъ непреклонна, сколько ее отъ того ни отвращали; и по нѣсколькихъ уже дняхъ умѣрила она печаль свою, къ чему наиболѣе способствовали прозьбы и ласки ея любовника и подруги.

Между тѣмъ въ нѣкоторый день, когда Свѣтлосанъ находился одинъ, явился ему свѣтозарный Духъ, тотъ самый, который нѣкогда избавилъ его отъ Карачуна. Князь увидя ево палъ предъ нимъ на колѣни, а Духъ произнесъ къ нему слѣдующія слова: На конецъ бѣдствія рода твоего окончались, по твоему желанію, и по волѣ Небожителей: и общій вашъ врагъ побѣжденъ тобою. Однако вѣдай, что сіе учинено не твоею рукою: непреоборимыя силы Безсмертныхъ помогали тебѣ во всѣхъ твоихъ трудностяхъ, и сотворили тебя побѣдителемъ. О смертный! воспоминая всѣ твои и сродниковъ твоихъ прешедшія бѣдствія, не забуди никогда, коль жестоко наказуется безчеловѣчіе, и колико человѣколюбіе награждается славою

и

и благоденствіемъ. Отнынѣ ни какое бѣдствіе не оскорбитъ твоего рода, естьли онъ самъ не огорчитъ Безсмертныхъ какимъ беззаконіемъ. Тебѣжъ послѣднее осталося теперь учинить благодѣяніе человѣчеству: разрѣши Липоксая отъ заклятія, каковымъ наказанъ онъ отъ всемогущія Судьбы. Произведенныя имъ волшебныя вещи погибли всѣ совокупно съ Карачуномъ, и не осталося уже во свѣтѣ ни единаго волшебника, могущаго приключать бѣдствія человѣкамъ. И такъ возврати успокоеніе Липоксаю, что ты можешь учинить брося въ него оставшуюся у тебя Сандалію. А о возвращеніи своемъ во Славенскъ не безпокойся; ты будешъ завтра же во оном съ сестрою твоею, и со всѣми прочими.

Сказавъ сіе Духъ изчезъ, а на мѣсто его предстаѣ Липоксай; онъ повергся въ ноги Свѣтлосану, прося его исполнить то, что повелѣно ему отъ вѣстника Безсмертныхъ, о чемъ и онъ отъ онаго былъ также извѣщенъ. Князь ни мало не мѣдля сыскалъ Сандалію, которая

у него была спрятана, и возвратясь къ Липоксаю повергъ ее въ него. Лишь только она ему коснулась, то въ самое то время одушевленный Скиѳъ воспрепеталъ, и въ тотъ же мигъ разсыпался весь прахомъ и съ Сандалїею. Тогда Свѣтлосанъ, падъ ницъ на землю, принесъ хвалу Богамъ, за скорое разрѣшенїе отъ мученїй сего несчастнаго, и за безчисленныя благодѣянїя, каковыя самъ онъ отъ нихъ получилъ посредствомъ сего Скиѳа. Послѣ чего побѣжалъ онъ къ сестрѣ своей, которую нашедъ вмѣстѣ съ Асїадою, Вельдюземъ и Бориполкомъ, разсказалъ имъ подробно о явленїи ему вѣстника Боговъ, и о разрѣшенїи Липоксаевомъ. Услышавъ сїе воздали они всѣ благодареніе Небесамъ, радуяся о скоромъ своемъ возвращенїи въ отечество, о коемъ обнадежилъ ихъ свѣтозарный Духъ.

Весь остатокъ того дня провели они въ несказанной радости, восхищаяся будущимъ своимъ счастїемъ; но наконецъ сонъ прекратилъ ихъ восторги. И когда наслаждалися они прїятностями онаго, тогда

Сла-

Славенскїй Князь пораженъ былъ слѣдующимъ сновидѣнїемъ. Ему представилося, что онъ летитъ на густомъ облакѣ по горизонту, и видитъ передъ собою блистающаго отъ всѣхъ сторонъ мужа, покровеннаго бѣлыми одеждами, и который слѣдующее изрекъ къ нему слово. Возлюбленный Богами смертный! Познай всю ихъ къ тебѣ щедроту; познай Бѣлбога, покровителя добродѣтельныхъ людей, и страждущихъ напрасно. Неодинъ Чернобогъ помогалъ тебѣ во трудныхъ твоихъ предпрїятїяхъ; я паче и его старался повсюду тебя защитить; и лучезарный Духъ, общїй нашъ посланникъ, по моему желанїю тебѣ являлся. Хотя я вѣчную имѣю съ Чернобогомъ во всемъ распрю, но тебѣ помогалъ я съ нимъ совокупно. Я утѣшилъ твоего отца въ печали, объявя ему о всѣхъ твоихъ обстоятельствахъ, и увѣря его о несомнѣнномъ твоемъ возвращенїи. Я тебя направлялъ во всѣхъ твоихъ предпрїятїяхъ, благополучно тобою окончанныхъ; и на послѣдокъ, при сраженїи твоемъ съ Ка-

рачу-

рачуномъ и его чудовищами, и превратилъ волшебный твой мечь въ жертвенный ножъ, коего пораженіе содѣлалъ несравненно сильнѣе всякаго волшебнаго оружія. Твоя добродѣтель меня къ тебѣ преклонила; и отнынѣ буду я навсегда твой защитникъ, и рода твоего покровитель. Познавай истинну моихъ словъ по теперешнему моему дѣянію: ты преносишся теперь по моему велѣнію, со всѣми твоими ближними, въ столицу твоего отечества, и завтра узришь твоего родителя и народъ твой. Но помни завсегда, что одна истинная добродѣтель снискиваетъ смертнымъ Божеское благоволѣніе; а злое сердце погубляетъ ихъ и въ животѣ и по смерти. Ты видѣлъ сему примѣръ въ твоемъ родѣ; а паче въ лютомъ Карачунѣ, страждущемъ теперь въ Геенѣ. Дѣла нечестивыхъ суетны, присовокупилъ онъ, смотри на оставленный тобою замокъ, построенный имъ для утѣхъ своихъ: въ жизни ево былъ онъ ему уничиженіемъ и мукою, а по смерти, да вся ево слава погибнетъ съ шу-

шумомъ, ниспровергается онъ по волѣ Судьбы въ единую съ нимъ бездну, и ваше токмо пребываніе во ономъ удерживало его на земли.

Проговоря сіе сталъ онъ невидимъ, а Свѣтлосанъ проснулся, и увидѣлъ дѣйствительно, что онъ несется на воздухѣ съ Милославою, Асіадою, Вельдюземъ и Бориполкомъ, и что оставленный ими замокъ съ превеликимъ трескомъ и шумомъ проваливается сквозь землю. Славенскій Князь, встревоженный симъ чудомъ, хотѣлъ принесть благодареніе Безсмертнымъ; но вдругъ глаза ево опять чилися сномъ, который паки привелъ ево чувства въ пріятное забвеніе.

Въ семъ состояніи пренесенъ онъ былъ съ прочими въ Славенскъ, во дворецъ Княжескій; и когда первые лучи солнца озарили землю, тогда проснувшися сей Князь, и воспомня свое сновидѣніе, началъ осматриваться по всѣмъ сторонамъ, чтобъ увѣриться въ истинѣ онаго. И дѣйствительно позналъ онъ тотчасъ, что видѣніе ево было не мѣчтательно: онъ увидѣлъ изъ оконъ городъ Славенскъ, и позналъ чер-

чертоги своего родителя. Восхищенный радостїю палъ онъ на колѣни, принося благодарственныя молевїя Безсмертнымъ. Послѣ чего разбудя сестру свою, невѣсту, затя и оруженосца, которые перенесены съ нимъ были въ одну комнату, объявилъ имъ свое сновидѣнїе, и дѣйствительность онаго. Сїе извѣстїе равномѣрное произвело въ нихъ дѣйствїе; въ чрезвычайной своей радости воздали они безчисленныя благодареніи Небесамъ; и немѣдленно предпрїяли ипи къ Богославу, чтобъ и его обрадовать своимъ прибытїемъ.

Но лишь только отворили они двери своей комнаты, какъ увидѣли идущаго къ себѣ сего почтеннаго Князя. Онъ былъ предувѣдомленъ, подобно имъ, Бѣлбогомъ тоя ночи объ ихъ прибытїи, и желая въ томъ удостовѣриться, повелъ ихъ искать во своемъ дворцѣ. Не можно изобразить радости и восхищенїя, какоевыми они объяты стали при видѣ другъ друга. Добродѣтельный Богославъ, обливаяся радостными слезами, воспрїималъ каждаго въ

свои

свои обьятïя, лобызая вь уста и вь очи; а наипаче сына своего и дочь не могь онь выпустить изь своихь рукь. Онь принесь Богамь наиусерднѣйшïя благодаренïя, и разпрося каждаго подробно о ево приключенïяхь, разсказалъ имь и о своей печали, каковою онь терзался по разлукѣ сь ними; и что лишился бы онь отъ нее жизни, когда бы благодѣтельный Бѣлбогь, явясь ему во снѣ, не увѣриль его объ ихь здравïи, и о скоромь возвращенïи. Свѣтлосанъ пользуяся симь радостнымь случаемь, объявилъ своему отцу о любви своей къ Асïадѣ, и просилъ его покорно дозволить ему сь нею сочетаться священнымь союзомь, на что Богославъ сь радостïю и согласился, похваляя притомь изрядный его выборь.

Между тѣмь какь сей добродушный отецъ наслаждался весельемь, увидѣвь паки своихь чадь, вѣсть объ ихь прибытïи разлилася тотчасъ по всему городу. Всѣ онаго вельможи пріѣхали тотчасъ во дворецъ: народъ сбѣжался такжде отовсюду на Княжескïй дворъ, же-

лая увидѣть дѣтей своего Государя, коль долго пропадавшихъ безвѣстно. Вельможи имѣли удовольствїе первѣе всѣхъ ихъ увидѣть, и принесть имъ свое поздравленїе; послѣ чего Богославъ желая удовлетворить и народному желанїю, и принести Богамъ достодолжное благодареніе, приказалъ учредить въ тотъ день великолѣпнѣйшую жертву въ Перуновомъ храмѣ, куда со всѣми своими дѣтьми вознамѣрился итти пѣшкомъ, дабы народъ могъ насладиться ихъ зрѣнїемъ. И какъ скоро донесли ему, что все къ жертвоприношенїю готово, то и пошелъ онъ во храмъ, сопровождаемъ будучи своими дѣтьми и всѣмъ дворомъ. Лишь только усмотрѣлъ ихъ народъ, то тьмы темъ радостныхъ гласовъ и плесканїй, наполнили весь воздухъ смѣшеннымъ шумомъ, такъ что и слышать ничего не можно было. Всякъ изъ народа старался подойти ближе къ Князьямъ, чтобъ лучше увидѣть ихъ именитыхъ особъ, отъ чего такая сдѣлалася тѣснота, что на силу могли дойти до храма.

Сколько

Сколько сей храмъ пространенъ ни былъ, но не могъ вмѣстить всего народа ; ибо одни только почти младенцы и немощные осталися въ домахъ, а прочіе всѣ сбѣжалися на смотрѣніе Княжескихъ дѣтей. На конецъ по прочтеніи первосвященникомъ благодарственныхъ молитвъ, сопровождаемыхъ гласомъ трубъ и бубновъ, приведена была жертва, состоявшая изъ ста бѣлыхъ воловъ, увѣнчанныхъ цвѣтами, и изъ тысячи овецъ и агнцовъ. Первосвященникъ окропя ихъ чистительною водою, и ударивъ священнымъ топоромъ перваго представленнаго ему вола, приказалъ онаго и прочихъ съ нимъ пріуготовить къ жертвоприношенію. По вскрытіи внутренностей, осмотрѣлъ онъ ихъ прилѣжно, и увидѣвъ въ нихъ самыя благополучнѣйшія знаки Божескаго благоволѣнія, поздравилъ цѣмъ Богослава и его чадъ. По совершеніи же всея жертвы, испуканъ Перуновъ озарился неудобозримымъ сіяніемъ, и гласъ грома поколебалъ весь храмъ, послѣ чего

произшелъ отъ кумира слѣдующій гласъ.

Въ проступкѣ я твоемъ казнилъ тебя
коль строго,
Толико награжу тебя я нынѣ много:
Твой родъ княжити здѣсь пребудетъ
навсегда,
И не разрушится престолъ твой ни-
когда;
Залогомъ въ томъ тебѣ прехрабрые
потомки,
Которыхъ подвиги повсюду будутъ
громки:
Промчится слава ихъ во всѣ земны
концы,
И власть прострется ихъ на многіе
вѣнцы.

Сей Божественный гласъ наполнилъ всѣхъ несказанною радостію; пронутый Богославъ сею щедротою Небесъ, обѣщался повсягодно приносить подобную жертву, что потомъ и исполнилъ. Послѣ чего будучи поздравленъ отъ всѣхъ жрецовъ и вельможъ, отбылъ во дворецъ въ провожаніи всего двора и народа. По прибытіи въ оный, приказалъ

казалъ онъ учредить великолѣпный пиръ для вельможъ, и всего двора; а для народа приказалъ поставить на многихъ улицахъ столы, изобилующіе всякимъ кушаньемъ и питьемъ. Подобное сему пиршество продолжалося цѣлый мѣсецъ, во время коего торжествованъ былъ бракъ Свѣтлосана съ Асіадою, и Милославы съ Вельдюземъ; ибо прежнее сихъ послѣднихъ сочетаніе было не докончано, и разрушено гнѣвомъ Небесъ.

Добродѣтельный Богославъ, обрадованный толь многими благопріятными случаями, по претерпѣніи долговременной печали, восхотѣлъ чтобъ и подданные ево возчувствовали подобно ему ево радость; чего ради приказалъ онъ выпустить изъ темницъ всѣхъ невольниковъ, и народу своему оставилъ подати на цѣлый годъ. Желаяжъ совершенно загладить свое согрѣшеніе передъ Богами, не оставлялъ онъ ни единаго способнаго случая, оказывать подданнымъ своимъ всякое благо. Въ семъ спасительномъ попеченіи провелъ онъ въ

радости всю оставшуюся свою жизнь ; дожилъ благополучно до чадъ дѣтей своихъ : и на конецъ скончался въ мирѣ , завѣщавъ начертать на своей гробницѣ слѣдующую надпись.

О смертный! соображаяся со обстоятельствами моея и твоея жизни, соображаяся съ гражданскими, священными и естественными законами , не забуди никогда любити ближняго яко самъ себя

По кончинѣ сего почтеннаго Князя , вступилъ по немъ на престолъ Свѣтлосанъ , и послѣдуя всѣмъ ево добродѣтелямъ , прилагалъ все свое попеченїе о содѣланїи своего народа блаженнѣйшимъ во вселенной. Спараніе ево было не тщетно: подданные ево учинилися счастливѣйшими изъ смертныхъ; и ни одинъ народъ не дерзалъ помыслить воспать на нихъ войною, говоря слѣдующее : кто можетъ воспати на Боговъ , и великїй Славенскъ! Тако правя мирно добродѣтельный Свѣтлосанъ , учинился страшнымъ всѣмъ своимъ сосѣдямъ, и прїумножилъ свою Державу, меж-

ду многими другими, Полоцкимъ Княжествомъ, по смерти зятя своего и сестры; ибо наслѣдниковъ по нихъ ни кого не осталось. На послѣдокъ доживъ до глубокїя старости, раздѣлилъ онъ обширную свою область своимъ дѣтямъ, и скончался благополучно, почти въ одно время съ своею супругою, будучи оплаканъ горестно не токмо чадами своими, но наипослѣднѣйшимъ изъ своихъ подданныхъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.